

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№2/2019

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера: «Поколения в свете социальной психологии»

Theme of the issue “Generations in Social Psychology”

Международное научное издание
2019 г. Том 10. № 2

International scientific journal
2019. Vol. 10. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.

Включен в базу Web of Science

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- Предисловие главного редактора
Н.Н. Толстых 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Поколение как объект изучения социальной психологии:
исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»?
А.М. Рикель 9
- Критический обзор исследований отношения
к работе поколения Z в Китае (на английском языке)
Ф. Тан 19

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп
В.А. Баранова, А.И. Донцов 29
- Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового
поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях
М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова, Н.В. Козырева, Е.И. Кузьмина 47
- Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи
В.И. Пищик 67
- Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z
Н.В. Лукьянченко, Л.В. Довыденко, И.А. Аликин 82
- Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы
миграционных намерений молодежи
(на примере города Комсомольска-на-Амуре)
А.В. Бакина, О.А. Орлова, С.В. Яремчук 95
- Социально-психологическая структура межпоколенческих
отношений студенческой молодежи
А.В. Микляева, М.И. Постникова 114
- Различия поколений в консолидации социального капитала:
организационный и субкультурный аспекты
Н.В. Волкова, В.А. Чикер, Л.Г. Почебут 127

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе
А.В. Махнач 146
- Как подростки слышат советы родителей о будущем?
А.А. Бочавер, К.Д. Хломов, А.А. Корнеев, А.В. Жилинская 157
- Психологическое сопровождение интеллектуально успешных
подростков с разным интрагрупповым статусом
М.Д. Кондратьев 175

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: преемственность и инновации
О.Б. Крушельницкая 184

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Ментальность поколений: научный миф или реальность?
Рецензия на монографию В.И. Пищик «Ментальность поколений
в текучей современности». М.: ИНФРА-М, 2018. 149 с.
М.И. Постникова 189

CONTENTS

EDITORIAL

- Foreword by the Editor
N.N. Tolstykh 5

THEORETICAL RESEARCH

- Generation as a social-psychological research object:
playing at home or an away match?
A.M. Rikel 9
- A critical review of research on the work-related attitudes
of Generation Z in China
F. Tang 19

EMPIRICAL RESEARCH

- Collective memories and cultural trauma of different generational groups
V.I. Baranova, A.I. Dontsov 29
- Comparative analysis of personal resources of belarusian
and russian transitional and new generations in new cultural
and historical conditions
M.A. Odintsova, N.P. Radchikova, N.V. Kozyreva, E.I. Kuzmina 47
- Value measurements of generations through actualized fears
V.I. Pishchik 67
- Values of success in introducing the generation Z student youth
N.V. Lukyanchenko, L.V. Dovydenko, I.A. Alikin 82
- Components of value-semantic sphere of personality as predictors
of migration intentions among the youth
(on the example of Komsomolsk-on-Amur)
A.V. Bakina, O.A. Orlova, S.V. Yaremtchuk 95
- A Socio-psychological Structure of Intergenerational Relationships of students
A.V. Miklyaeva, M.I. Postnikova 114
- Consolidation of the social capital among different generational
cohorts: organizational and subcultural facets
N.V. Volkova, V.A. Chiker, L.G. Pochebut 127

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- The problem of generation in a foster family as a special small social group
A.V. Makhnach 146
- How do adolescents hear their parents' advice about the future?
A.A. Bochaver, K.D. Khlomov, A.A. Korneev, A.V. Zhilinskaya 157
- Problems of Psychological Support of Intellectually Successful
Adolescents with Different Intragroup Status
M.D. Kondratyev 175

SCIENTIFIC LIFE

- Conference commemorating M.Yu. Kondratyev: continuity and innovation
O.B. Krushelnytskaya 184

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Mentality of generations: scientific myth or reality?
M.I. Postnikova 189

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Предисловие главного редактора

Н.Н. ТОЛСТЫХ*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
nnvt@list.ru

Тема поколения стала в последнее время весьма популярной и широко обсуждается на самых разных медийных площадках, оставаясь вместе с тем явно недостаточно исследованной в научном плане. Поэтому нельзя не порадоваться тому, что после объявления о планировании посвятить этой теме специальный выпуск журнала «Социальная психология и общество» редакция получила так много интересных статей, освещающих различные аспекты этой проблемы в контексте ее социально-психологических исследований, что, тщательно отобранные, они не поместились в одном номере — некоторые будут опубликованы в следующем (№ 3).

Понятие «поколение» остается достаточно многозначным. Как объект исследования в рамках социальной психологии — это, в первую очередь, естественно функционирующая большая группа, и с этим согласны большинство ученых, од-

нако в вопросе о том, что именно определяет границы этой группы и природу этой общности, разночтения велики, в чем читатели смогут убедиться при знакомстве с публикуемыми в настоящем номере журнала статьями. Ключевым все же остается подход, предложенный в свое время Карлом Маннгеймом, впервые сделавшим попытку рассмотреть конкретные поколения в их «историко-социальном пространстве» как часть «ограниченного исторического периода времени». Поколение, по К. Маннгейму, объединяет «людей, переживших некий эпохальный значимый исторический опыт... причем совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем проявляется на протяжении всей последующей жизни...».

Такое понимание поколения как большой группы людей, объединяющей несколько возрастных когорт, т.е. людей

Для цитаты:

Толстых Н.Н. Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 5–8. doi:10.17759/sps.2019100201

* *Толстых Наталия Николаевна* — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, *nnvt@list.ru*

близких по году рождения, является исходным и для большинства авторов этого номера журнала, хотя конкретное содержание того формирующего поколения «общего исторического опыта», о котором говорит К. Маннгейм, и видится ими по-разному.

С другим взглядом на поколение мы встречаемся там, где речь заходит о такой малой социальной группе, как семья, и тех взаимодействиях и взаимосвязях, которые образуются в ней между поколениями детей, родителей, прародителей. Тогда человек, относящийся всю свою жизнь к определенному поколению в первом значении этого слова, в рамках семейной системы вначале будет представлять поколение детей, затем — поколение родителей, а потом и прародителей или даже прапрародителей. Такое понимание поколения в данном номере журнала мы встречаем в двух статьях: в статье А.В. Махнача, посвященной специфике семейной системы, в которой приемного ребенка воспитывают представители поколения прародителей — дедушки и бабушки, и в статье А.А. Бочавер с соавторами, где обсуждается проблема взаимоотношений детей и родителей, а именно то, как подростки слышат советы своих родителей о будущем.

Номер журнала открывается статьей А.М. Рикеля «Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на “своем поле” или на “ничьей земле”?», в которой обсуждается ряд ключевых методологических и методических проблем исследования поколений в социальной психологии. Среди них — вопрос о критериях классификации поколений. Фиксируя многообразие подходов к решению этого вопроса, автор не может — при всем критическом к ней отношении — обойти вниманием

теорию, созданную в 1991 г. Н. Хоувом и В. Штраусом, которые предложили делить поколения американцев, соотнося их с ключевыми событиями истории Северной Америки XX века. Теория Н. Хоува и В. Штрауса стала чрезвычайно популярной не только в США, но и в других странах, включая Россию. Отражение этого читатель увидит в большинстве статей данного номера журнала, где авторы обращаются к этой теории, также преимущественно критически, но вместе с тем признавая практическое удобство выделения поколений бэби-бумеров, X, Y, Z, что ко всему прочему, добавлю от себя, в определенном смысле упрощает обсуждение проблематики поколения учеными из разных стран.

В статье В.В. Барановой и А.И. Донцова представлено исследование, в котором характеристика двух поколений россиян («детей войны» 1928—1939 годов рождения и более молодого поколения людей 1961—1975 годов рождения) осуществляется через анализ их исторической памяти о событиях истории нашей страны и тех культурных травмах, которые связаны с этими событиями. А в статье М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой, Н.В. Козыревой, Е.И. Кузьминой сравниваются два поколения белорусов (переходного, юность представителей которого пришлось на жизнь в СССР, и нового, представители которого родились и выросли в Беларуси уже после распада СССР) с двумя такими же поколениями россиян. Авторы демонстрируют, как культурно-исторический контекст влияет на целый ряд личностных особенностей (жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм) представителей этих поколений.

Едва ли не самой общепризнанной сегодня возможностью охарактеризо-

вать то или иное поколение, провести границу между поколениями является выявление специфики ценностных ориентаций представителей поколения. Еще в 1989 г. сотрудники ВЦИОМ именно на этом основании, изучив на большой выборке ценностные ориентации наших соотечественников, выделили и описали пять поколений россиян, занимавших в то время «социальную сцену». В данном номере журнала в трех статьях — статье В.И. Пищик, статье Н.В. Лукьянченко, Л.В. Довыденко, И.А. Аликина и статье А.В. Бакиной, О.А. Орловой, С.В. Яремчук — в разговоре о современных поколениях в центре также оказывается именно система ценностей, ценностно-смысловая сфера.

Каждое поколение начинает формироваться с детства, но окончательно складывается (если складывается) в молодости, в 18–25 лет, когда в период его социальной инициации становятся явленными характеристики этого поколения. Когда-то знаменитый испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, видевший в поколении динамическое единство между индивидом и массой, сравнивал поколение с караваном, в котором идет пленный, но одновременно втайне свободный и удовлетворенный человек, «верный поэтам своего возраста, политическим идеям своего времени, типу женщин, торжествовавшим в дни его юности, и даже походке, к которой он привык в свои двадцать пять лет».

Этих 18–25-летних сегодня причисляют обычно к поколению Z, поколению родившихся в XXI веке, и они по понятным причинам интересуют исследователей в наибольшей степени — за ними будущее, и от них оно во многом зависит. О том, что представляет собой это поколение в Китае и других странах Востока, речь идет в статье китайского психолога

Ф. Тан, которая содержит обзор мало известных российскому читателю исследований (статья публикуется на английском языке). Поколению Z в российских пределах посвящены уже упомянутые выше статьи М.А. Одинцовой с соавт., Н.В. Лукьянченко с соавт., А.В. Бакиной с соавт., а также статья А.В. Микляевой и М.И. Постниковой. В этих статьях описаны исследования, сделанные на сравнительно небольших выборках, однако они представляют широкую географию нашей страны, так как проведены в разных регионах, и это дает читателю возможность увидеть российское поколение Z так, как оно проявляет себя в разных уголках нашей страны.

В статье М.Д. Кондратьева речь идет о, если можно так выразиться, «передовом отряде» поколения Z, о тех, кого автор называет интеллектуально успешными подростками, к каковым он причисляет тех, кто доказывает свой высокий интеллектуальный уровень победами на различных интеллектуальных конкурсах и олимпиадах. Именно с такими молодыми людьми общество сегодня связывает свою надежду на прогресс, на будущее. На большой выборке московских школьников М.Д. Кондратьев не только демонстрирует выделяющие интеллектуально успешных подростков личностные и социально-психологические характеристики, но и говорит о том, что должно делать старшее поколение, чтобы не загубить интеллектуальный потенциал таких подростков, дать ему возможность полноценно развиваться. Вот почему статья помещена в рубрику «Прикладные исследования и практика».

Наконец, статья Н.В. Волковой, В.А. Чикер и Л.Г. Почебут рассматривает проблему поколения в контексте организационной психологии, а именно

анализирует межпоколенческие взаимоотношения в консолидации социального капитала организации.

В рубрике «Критика и библиография» приводится рецензия М.И. Постниковой на книгу одного из авторов этого номера журнала В.И. Пищик «Ментальность поколений: научный миф или реальность?» (М.: ИНФРА-М, 2018). Эта рецензия по сути дела является самостоятельной статьёй, пусть и небольшой, но с высоким методологическим статусом, и может рассматриваться как хорошее завершение номера журнала, в определенном смысле подводящее его итоги.

В рубрике «Научная жизнь» — подготовленный О.Б. Крушельницкой отчет о прошедшей в мае 2019 г. и ставшей уже традиционной конференции, посвященной памяти М.Ю. Кондратьева, основателя факультета социальной психологии МГППУ и журнала «Социальная психология и общество».

Как уже сказано в начале предисловия, выпуском этого тематического номера журнал не закрывает тему поколения. Мы продолжим ее обсуждение уже в следующем номере журнала и будем ждать новых статей на эту безусловно интересную и актуальную тему.

Foreword by the Editor

N.N. TOLSTYKH*,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia,
nnvt@list.ru

The problem of generations has grown in popularity and is widely discussed on various media platforms, while remaining, at the same time, relatively under-researched.

For citation:

Tolstykh N.N. Foreword by the Editor. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 5–8. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100201

* *Tolstykh Natalia N.* — Doctor of Sciences in Psychology, Professor, Division Head of the Social psychology of development, Editor-in-Chief of the International Scientific Publication “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, nnvt@list.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»?

А.М. РИКЕЛЬ*,
ФГБОУ ВПО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
a.m.rikel@gmail.com

В статье рассматриваются методологические сложности, связанные с изучением категории поколения в социальной психологии. Кратко анализируется история изучения проблематики поколений и межпоколенных конфликтов в психологии и гуманитарных дисциплинах, делаются выводы как об обширности теоретического концепта, так и о размытости методов эмпирической операционализации поколения. Приводятся теоретически близкие конструкты, позволяющие рассмотреть поколенческую проблематику в рамках иных понятийных рамок. Рассматриваются существующие модели и теории поколений, в том числе научно-популярные, проводится их критический анализ. Предлагается ряд теоретических ходов, позволяющих нивелировать или уменьшить проблемы, связанные с операционализацией и изучением проблематики поколения в социальной психологии. В частности, предлагаются варианты разграничения культурологических и возрастных факторов при анализе поколений, анализируется возможность отказа от типологизирующих подходов, а также применение принципа «больших данных» в межпоколенческих исследованиях.

Ключевые слова: поколение, теория поколений, типы поколений.

Категория поколения принадлежит тем объектам исследования, которые оказываются не только интересны ученым-исследователям из самого широкого круга областей гуманитарного знания, но и неизменно становятся объектами

Для цитаты:

Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 9–18. doi:10.17759/sps.2019100202

* *Рикель Александр Маркович* — кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, a.m.rikel@gmail.com

обыденного и медийного дискурса. Проблему поколений поднимают писатели в классической литературе, попутно принося в общественное сознание не просто красивые выражения, но и целые культурные архетипы («отцы и дети» И.С. Тургенева, «потерянное поколение» Г. Стайн и пр.) [9].

В XX веке изучением поколений начинают активно заниматься социологи, культурологи, экономисты и историки. Появление в 80–90-х годах так называемой «Теории поколений» Н. Хоува и У. Штраусса привело к всплеску интереса к межпоколенным коммуникациям в бизнесе и менеджменте [30]. Не вполне однозначная с научной точки зрения теория привела к резкому росту внимания к проблеме взаимодействия поколений в организационном контексте. По своей сути, научно-популярные обозначения поколений из теории Хоува и Штраусса («беби-бумеры», «Икс», «Игрек» и пр.) стали проникать на страницы фундаментальных научных публикаций и исследований по всему миру.

В психологии поколение может рассматриваться в рамках психогенетики, возрастной психологии, психоанализа [16; 18; 22]: эти различные ветви психологической науки роднит восприятие семьи как объекта изучения и как среды для реализации межпоколенческих отношений и трансмиссии ценностей, установок и опыта. Классический демографический подход позволяет анализировать возрастные особенности принадлежности к тому или иному поколению.

Наибольшую популярность в прикладных исследованиях в последнее время приобрел подход, находящийся на стыке социологии, социальной психологии и культурологии [26], что представляется очень логичным.

Во-первых, поколение как объект изучения относится к естественно функционирующим большим группам [1] и тем самым представляет особый интерес наряду с другими естественными группами, такими как нации, гендер или профессии [24].

Во-вторых, одно поколение не может быть изучено в изолированном виде, а только в контексте интеракции и перцепции [21].

В-третьих, межпоколенческие отношения могут быть органично рассмотрены как межгрупповые, так как в них так же полностью представлен процесс когнитивной социальной категоризации [18].

В-четвертых, современные межпоколенные отношения выстраиваются в контексте транзитивности — постоянной изменчивости социальных трансформаций, представлений и ценностей, неопределенности норм и установок, множественности мультикультурного пространства социализации [13].

В-пятых, поколенческая группа, по сути, не представляет собой интереса только как демографическая когорта, а всегда — как «значимая» поколенческая группа (термин Ю.А. Левада), что возвращает нас к образу Значимого Другого [8].

Социальные психологи и социологи часто ссылаются на каноническое определение, сделанное классиком немецкой социологии Карлом Маннгеймом, в котором он определяет поколение как «... людей, переживших некий эпохальный значимый исторический опыт... причем совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем проявляется на протяжении всей последующей жизни...» [11, с. 22].

«Корни» этого социально-психологического по своей сути определения можно найти в классических источниках

у философов, историков и этнографов [29; 23]. В том или ином виде поколения с «историческим временем» увязывают классики философии И. Кант, Г. Спенсер, социологи Ф. Карль, Р. Козеллек, этнографы Р. Бенедикт, М. Мид и пр. Говоря об отечественной гуманитарной традиции, нельзя не вспомнить Н.А. Бердяева, утверждавшего, что конфликт поколений как массовое явление возник в период церковного раскола и объясняется прерывистостью истории [5]. Близкая культурологическая трактовка прослеживается в тексте историка В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки»: так, автор анализирует различные поколения дворян, начиная с петровских времен и до 1830-х годов, характеризуя каждое поколение с помощью идейных лидеров и «индифферентной массы» [10].

Наконец, нельзя не заметить, что приведенное выше маннгеймовское определение поколения «вписывается» в культурно-исторический подход. Карл Маркс писал: «История есть не что иное, как последовательная смена поколений...» [12, с. 44]. Л.С. Выготский замечал, что трансляция опыта и ценностей между поколениями есть не что иное, как логика развития культуры, обеспечивающая процесс единства человечества [7].

Культурологическая, историческая, философская и социологическая основы современной трактовки понятия поколения позволили современным исследователям предложить классификации поколений. Именно наличие строгих классификаций является во многом фундаментальной и прикладной квинтэссенцией теорий, которые позволяют авторам говорить об исторических предпосылках становления, ценностных особенностях и, как следствие, поведенческих портретах конкретных поколенческих групп.

Так, уже упомянутые выше Н. Хоув и У. Штраусс описывают повторяющиеся циклы в истории различных стран и вводят типологию ныне живущих поколений. Во многих странах, в том числе в России, сроки «рождения» каждого конкретного поколения слегка видоизменены [20], однако названия поколений сохранены без учета конкретного исторического контекста. Вызывает вопросы и процедура «адаптации» теории к социальному контексту конкретной страны, что, однако, не отменяет ее широкую популярность в бизнес-среде.

Более фундаментальные с научной точки зрения классификации поколений, предложенные отечественными учеными, так или иначе апеллируют к тому же принципу разделения по значимым историческим событиям и вехам, однако все же представляются более проработанными с точки зрения российского контекста. Так, М.И. Постникова выделяет 5 поколений, живущих в современной России [15]. В.И. Пищик в качестве основного исторического критерия выделения поколенческих групп в современной России принимает распад Советского Союза [14]. Известный социолог Ю.А. Левада придерживается той же логики и выделяет типологию сквозь призму переломных моментов отечественной истории [8]. В.В. Семенова предлагает использование того же «исторического» принципа деления поколений, однако предлагает стратегию самокатегоризации и самоидентификации, выделяя при этом близкие упомянутым выше концепциям поколенческие группы [19].

Выделение классификаций является естественным для позитивистской ориентации в социальной психологии и отвечает как логике фундаментальной науки, так и прикладным задачам. При этом нельзя не обратить внимание на то, что именно этот методологический ход

может являться основанием для дискредитации самого концепта поколения в социальной психологии, что может произойти в силу ряда причин.

Во-первых, современная методология науки испытывает сложности в строгом разграничении культурологических (исторических) и возрастных факторов, формирующих «портрет поколения». Это приводит либо к поверхностным неверным выводам, когда авторы исследований отказываются от разделения этих факторов, например, принимая возрастные изменения характера за уникальные особенности поколенческой группы, либо к неочевидным методологическим ходам, не позволяющим в полной мере решить данную задачу.

Во-вторых, современная психология относит социализационные процессы к классу процессов, продолжающихся всю жизнь [7; 23], вследствие чего выделение строгих границ наиболее чувствительного к восприятию исторического и культурного контекста возраста является принципиально нерешаемой задачей.

В-третьих, границы выделяемых поколенческих групп не могут быть строгими еще и потому, что в них не учитываются представители так называемых «эхо-поколений» (в терминологии Ховуа и Штраусса) или, иначе говоря, люди, чьи годы рождения находятся «на стыке», то есть те, кого можно отнести к двум поколениям одновременно.

В-четвертых, внутри одной возрастной когорты исследователи предлагают изучать «активных участников эпохи» [8] или представителей так называемого среднего класса [30], исключая из фокуса внимания изолированные группы социализации (замкнутые религиозные, академические группы, военные города, удаленные места в провинции и пр.).

В-пятых, наиболее популярные западные теории, классифицирующие поколения, исходят из единого для разных культур исторического контекста, тем самым значительно упрощая и искажая выводы. Например, упоминавшееся выше название «беби-бумеры», общепринятое во всем мире для поколения 1943–1960-х годов рождения, происходит из-за якобы имевшего место повсеместного послевоенного бума деторождения. При этом, в частности, в Англии [25], Финляндии [27] и некоторых других европейских странах, рождаемость в период 1956–1966-х годов была более высокой, чем ранее. В СССР, испытавшем более сокрушительное влияние Второй мировой войны, показатели рождаемости в конце 1940-х–1950-х годов могут быть названы высокими только в сравнении с последующими поколениями, но никак не в сравнении с поколениями, рождавшимися до обеих мировых войн [2]. Таким образом, данное название, принятое в социологической среде как универсальное, может быть по смыслу применено к поколениям, родившимся в 1940–1950-х годах в разных странах только с большой натяжкой. Более важным является вопрос идентичности ценностных ориентаций. Так, в том же примере представления о благоденствии и процветании поколения беби-бумеров (что было заложено в изначальную концепцию) отличаются даже внутри западных стран: по меткому выражению американского сатирика, когда говорят о поствоенном опыте в разных странах, необходимо учитывать различия в этом опыте. «У нас был “пост”, а у вас была “война”», — пишет он [28, с. 171].

Приведенные выше тезисы позволяют сформулировать парадоксальный вывод: концепт поколения может быть назван избыточным для социально-психологического знания и может быть заменен близкими понятиями.

Так, Т.Д. Марцинковская сравнивает поколенческие группы с *субкультурами* как способами обретения поколенческой идентичности и социализации именно с опорой на определенные культурные пласты, свойственные данной группе [13]. Классическое маннгеймовское понимание поколения, по мнению отдельных исследователей, может быть релевантно сегодняшней социологической трактовке так называемых *агентов изменения* — по сути, представителей тех самых референтных групп, составляющих активную основу каждого поколения [26]. Некоторые исследователи призывают рассмотреть понятие поколения с помощью *габитуса* П. Бурдьё [6]: так, специфический поколенческий габитус может формироваться в течение жизни, структурируясь поколенческим полем [24]. При этом габитус в условиях «текущей современности», как ее назвал Э. Бауман, может характеризовать не столько большую социальную группу, сколько «систему слабых связей», где на смену традиционным социальным сообществам, с которыми человек может идентифицировать себя, приходят малые группы, характеризующиеся кратковременностью, мобильностью и неустойчивостью [3].

Замена поколения как объекта изучения в социальной психологии близкой категорией представляется логичной в духе применения позитивистски ориентированной «бритвы Оккама», избавляющей науку от избыточных сущностей, однако автор данной статьи видит возможные методологические выходы, «возвращающие» конструкт поколения на авансцену социально-психологической методологии:

1. Одним из наиболее очевидных принципов, улучшающих качество получаемых данных, снимающих разговоры о спорности поиска «ядерной» состав-

ляющей поколенческой группы, а также «эхо-поколений», является принцип использования «больших данных» в современных науках о поведении: так, при сравнении между собой нескольких возрастных когорт необходимо использовать только большие выборки, что отсутствует в подавляющем большинстве исследований.

2. Намного более радикальным, но при этом возможным решением проблемы ограниченности типологий может стать отказ от самого рассмотрения классификаций в их классическом виде. Так, популярные теории не предполагают линейного характера изменений тех или иных параметров и черт, характеризующих конкретное поколение, что само по себе является очень спорным положением. В частности, приписывание какому-либо «ядру поколения» определенных характеристик (например, часто упоминаемый повышенный уровень нарциссизма у «Игреков») в корне неправильно: ведь существует ряд данных [31], согласно которым многие характеристики, приписываемые конкретной поколенческой группе (включая тот же нарциссизм), на самом деле имеют постепенный характер изменения во времени и, как следствие, «выход» за рамки конкретных поколенческих групп.

Возможным технологическим решением в этой ситуации могло бы стать проведение исследования срезовым методом с определенным «шагом» (например, в 5 лет), что позволило бы доказать динамику изменения данных характеристик [32].

3. Для решения проблемы разведения возрастных и культурологических факторов формирования поколения можно рассмотреть следующие методологические ходы: 1) изучение паттернов идентификации испытуемых с тем или иным поколением [17]; 2) экспертный анализ,

подразумевающий отбор испытуемых с привлечением специалистов, имеющих отношение к работе с большими социальными группами; 3) проведение лонгитюдного анализа, позволяющего нивелировать фактор возрастных изменений за счет охвата выборки разных возрастов и разных поколенческих групп одновременно; 4) ретроспективный метаанализ проведенных ранее исследований по данной проблематике, который может позволить рассмотреть наличие выявленных в рамках текущего исследования особенностей у других поколений в рам-

ках более ранних возрастных когорт и тем самым доказать наличие изменений без привязки к конкретному возрасту.

Таким образом, решение трех базовых проблем, описывающих качественные и количественные требования к формированию выборки, может способствовать методологическому «очищению» концепта поколения в социальной психологии и выведению изучения историко-культурологического контекста формирования различий между поколенческими когортами на принципиально новый уровень.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ No 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2009. 363 с.
2. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза: 1922—1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
3. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001. 301 с.
5. *Бердяев Н.А.* Русская идея. М.: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 287 с.
6. *Бурдые П.* Практический смысл / Отв. ред. пер. и послесловие Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
7. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / Гл. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
8. *Левада Ю.А.* Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000—2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
9. *Луков В.А.* Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 146—156.
10. *Ключевский В.О.* Евгений Онегин и его предки // Сочинения: в 9 т. Т. 9 / Под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 84—101.
11. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7—47.
12. *Маркс К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1984. 630 с.
13. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир Психологии. 2017. № 1(89). С. 24—37.

14. *Пищик В.И.* Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
15. *Постникова М.И.* Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 2 (21). С. 78–82.
16. *Решетников М.М.* Психическая травма. М.: Издательство Юрайт, 2018. 200 с.
17. *Рикель А.М., Ермолаева Д.Д.* Особенности представления об успехе у людей разных поколений // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2017. № 21. С. 65–77.
18. *Сапоровская М.В.* Поколения в семье: методология, теория и практика исследования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. С. 170–174.
19. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
20. *Шамис Е., Никонов Е.* Важен не возраст, а ценности // Континент-Сибирь. 2012. № 8. С. 27–30.
21. *Шурбе В.З.* Поколение как субъект формирования и объект взаимодействия // Сибирский психологический журнал. 2012. № 8. С. 155–160.
22. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
23. *Burnett J.* Generations: The time machine in theory and practice. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Company, 2011. 142 p.
24. *Gilleard C., Higgs P.* Contexts of Ageing: Class, cohort and community. Cambridge: Polity Press, 2005. 206 p.
25. *Jack I.* We Baby Boomers Blame Ourselves For This Mess, But Is It That Simple? // Guardian. 22 January. 2011.
26. *Joshi A., Dencker J., Franz. G.* Generations in Organizations // Research in Organizational Behavior. 2011. Vol. 31. P. 177–205. doi: 10.1016/j.riob.2011.10.002.
27. *Karisto A.* Finnish baby boomers and the emergence of the third age // International journal of ageing and later life. 2007. Vol. 2(2). P. 91–108.
28. *O'Rourke P.J.* The Baby Boom: How It Got That Way (And It Wasn't My Fault) (And I'll Never Do It Again). N.Y.: Grove Press, 2014. 272 p.
29. *Redford D.B.* The Oxford essential guide to Egyptian mythology. Oxford: Oxford University Press, 2003. 432 p.
30. *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y.: Broadway Books, 1997. 400 p.
31. *Twenge J.M.* Generation Me: The origins of birth cohort differences in personality traits and cross temporal meta-analysis // Social and Personality Psychology Compass. 2008. Vol. 2(3). P. 1440–1454.
32. *Twenge J.M., Campbell S.M.* Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me – Commentary on Trzesniewski and Donnellan // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5 (1). P. 81–88.

Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match?

A.M. RIKEL*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
a.m.rikel@gmail.com

The article examines the methodological difficulties associated with studying of the generation category in social psychology. The history of studying the problems of generations and intergenerational conflicts in psychology and humanitarian disciplines is briefly analyzed, the conclusion is drawn about the vastness of both the theoretical concept and the blurriness of the methods of the empirical operationalization of the generation. Theoretically close constructs are given, allowing one to consider generational problems within the framework of other conceptual frameworks. Existing models and theories of generations, including popular science, are considered, their critical analysis is carried out. Some theoretical decisions are proposed that allow one to reduce the problems associated with the operationalization and study of the generation in social psychology.

Keywords: generation, generation theory, types of generations.

Funding

This work was supported by grant RFBR No17-06-00980 «The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society».

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. Uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenii [Social psychology. Handbook for higher education institutions]. Moscow: Aspekt Press, 2001, 290 p.
2. Andreev E.M., Darskij L.E., Har'kova T.L. Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922—1991 [The Population of the Soviet Union: 1922—1991]. Moscow: Nauka, 1993, 143 p.
3. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'[Fluid modernity]. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 240 p.
4. Belinskaya E.P., Tihomandrickaya O.A. Social'naya psihologiya lichnosti: Ucheb. posobie dlya VUZov [Social psychology of personality: textbook of higher education]. Moscow: Aspekt-Press, 2001, 301 p.
5. Berdyaev N.A. Russkaya ideya [The Russian idea]. Moscow: AST: Poligrafizdat, 2010. 287 p.

For citation:

Rikel A.M. Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 9—18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100202

* Rikel Alexander M. — PhD in Social Psychology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, a.m.rikel@gmail.com

6. Burd'e P. Prakticheskij smysl [Practical sense]. In N.A. SHmatko (eds.) Saint-Petersburg: Aletejya, 2001, 562 p.
7. Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 3 [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3]. In A.V. Zaporozhec (eds.). Moscow, 1983. 368 p.
8. Levada YU.A. Sochineniya: izbrannoe: sociologicheskie ocherki, 2000–2005 [Works: favorites: sociological essays, 2000–2005]. Moscow: Izdatel' Karpov E.V., 2011. 507 p.
9. Lukov V.A. Biosociologiya molodezhi: ehkspertnye ocenki izmenenij v novyh pokoleniyah [Biosociology of youth: expert assessments of changes in new generations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no 3, pp. 146–156.
10. Klyuchevskij V.O. Evgenij Onegin i ego predki [Eugene Onegin and his ancestors] // *Sochinenij: v 9 t. T. 9 [Works: in 9 vol. Vol. 9]* / In V.L. YAnin. Moscow: Mysl', 1990, pp. 84–101.
11. Manngejm K. Problema pokolenij [The problem of generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*. 1998, no. 30, pp. 12–24.
12. Marks K. Nemeckaya ideologiya [The German ideology]. *Izbr. sochineniya: v 9 t. T. 2 [FAV. Works: in 9 vol. Vol. 2]*. Moscow: Politizdat, 1984. 549 p.
13. Marcinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya ehpoi tranzitivnosti: cennosti, identichnost', obshchenie [Generations of transitivity: values, identity, communication]. *Mir psihologii [World of psychology]*, 2017, no. 1 (89), pp. 24–37.
14. Pishchik V.I. Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality. *Sotsial'naiia psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Postnikova M.I. Konceptual'naya model' mezhpokolennyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshchestve [The conceptual model of intergenerational relations in modern Russian society]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]*, 2010, no. 2 (21), pp. 78–82.
16. Reshetnikov M.M. Psihicheskaya travma [Mental trauma]. Moscow: Publ. Jurajt, 2018. 200 p.
17. Rikel' A.M., Ermolaeva D.D. Osobennosti predstavleniya ob uspekhe u lyudej raznyh pokolenij [Features of representation about success at people of different generations]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya» [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Psychology]*, 2017, no. 21, pp. 65–77.
18. Saporovskaya M.V. Pokoleniya v sem'e: metodologiya, teoriya i praktika issledovaniya [Generations in the family: methodology, theory and practice of research]. *Vestnik KGU im N.A. Nekrasova [Bulletin of KSU them N.A. Nekrasov]*, 2012. Vol. 18, pp. 170–174.
19. Semenova V.V. Social'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: problem and reality]. Moscow: ROSSPEHN. 2009, 271 p.
20. SHamis E., Nikonov E. Vazhen ne vozrast, a cennosti [What matters is not age, but values]. *Kontinent-Sibir' [Continent-Siberia]*, 2012, no. 8, pp. 27–30.
21. SHurbe V.Z. Pokolenie kak sub"ekt formirovaniya i ob"ekt vzaimodejstviya [Generation as a subject of formation and object of interaction]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 2012, no 8, pp. 155–160.
22. Elias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya: v 2 t. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranah Zapada [On the process

- of civilization. *Sociogenetic and psychogenetic studies: in 2 vol. Vol. 1. Changes in the behavior of the upper class of laity in the West*]. Moscow; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. 332 p.
23. Burnett J. *Generations: The time machine in theory and practice*. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Company, 2011. 142 p.
24. Gilleard C., Higgs P. *Contexts of Ageing: Class, cohort and community*, Cambridge: Polity Press, 2005, 206 p.
25. Jack I. 'We Baby Boomers Blame Ourselves For This Mess, But Is It That Simple?', *Guardian*, 22 January, 2011.
26. Joshi A. Dencker J. Franz. G. Generations in Organizations. *Research in Organizational Behavior*, 31 (2011). 177–205. doi:10.1016/j.riob.2011.10.002.
27. Karisto A. Finnish baby boomers and the emergence of the third age. *International journal of ageing and later life*, 2007. Vol. 2 (2), pp. 91–108.
28. O'Rourke P.J. *The Baby Boom: How It Got That Way (And It Wasn't My Fault) (And I'll Never Do It Again)*, N. Y.: Grove Press, 2014, 166 p.
29. Redford D.B. *The Oxford essential guide to Egyptian mythology*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 432 p.
30. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books, 1997, 400 p.
31. Twenge J.M. Generation Me: The origins of birth cohort differences in personality traits and cross temporal meta-analysis. *Social and Personality Psychology Compass*, 2008. Vol. 2/3, pp. 1440–1454.
32. Twenge J.M., Campbell S.M. Birth cohort differences in the Monitoring the Future dataset and elsewhere: Further evidence for Generation Me – Commentary on Trzesniewski and Donnellan. *Perspectives on Psychological Science*, 2010. Vol. 5 (1), pp. 81–88.

A critical review of research on the work-related attitudes of Generation Z in China

F. TANG*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
tangfei1101@gmail.com

To date, comparatively little empirical research has been done on Generation Z globally, and the studies that do exist, while informative, have arrived at different, often loosely tied, conclusions. Seeing as how Generation Z is in the process of joining the professional workforce, it is important for decision makers to understand this generation's value differences and cultural orientation in order to mitigate intergenerational conflicts and ensure a productive workforce going forward. China, meanwhile, is a rising superpower, and its Generation Z will have a significant impact globally. With the generational mix at work changing to accommodate this new generation, this paper presents a critique of current empirical research on this topic in a cross-cultural context and offers recommendations regarding future research directions as these relate to generational shift in China and other non-Western contexts. It is only by better understanding Generation Z that organizations can develop strategies and policies that will ensure a productive, profitable and collaborative environment in the future, one that better takes into account this newest generation's needs and outlook.

Keywords: *generational shift, Generation Z, cultural orientation, value differences, research methods, China, intergenerational interaction*

Introduction

Generational change at the workplace is in a steady but constant state of flux as older employees retire, only to be replaced by younger ones. The result is that lessons learnt by analyzing the workplace experiences and mentality of older gen-

erations may not necessarily accurately inform the approaches corporations need to take with newer generational cohorts. The global workplace is poised to undergo notable changes from its present generational makeup to one where older generations continue to retire *en masse*, paving the way for the participation of Generation Z,

For citation:

Tang F. A critical review of research on the work-related attitudes of Generation Z in China. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 19–28. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100203

* *Tang Fei* – PhD in Psychology, Researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tangfei1101@gmail.com

this century's youngest generation. It is therefore not only important to anticipate these upcoming demographic shifts, but it is also essential to understand how dynamic these changes will be, the effects they will have on workplace interactions between different generations, and how work will be organized in the future. Studies, for instance, suggest that Generation Z-ers have a different approach to their work environment in contrast to older generations and even tend to think differently due to their having interacted with technology, e.g. touchscreens, smartphones and tablets, and digital information, from a very young age [36]. Studies have also shown that Generation Z-ers differ from all other generations in how they approach corporate and personal interaction: they exhibit a strong preference for socially responsible companies, have a penchant for volunteerism, are very individualistic and adaptable, and use technology much more frequently than other generational cohorts [4; 25; 30]. These differences mean that the approaches that have been used to accommodate and harness the particular characteristics and mentality of Millennials, i.e. the generation that immediately precedes Generation Z, likely need to be updated to account for the growing influence of Generation Z-ers on labor dynamics and consumer trends. Studies on Millennials in the workplace have shown, for example, that managers from older generations often complain that they find it difficult to understand Millennials and, as a result, managing them becomes problematic [33]. This lack of understanding on the part of older generations vis-a-vis Millennials in the workforce is now on the verge of transforming into a new reality, one where an increasing number of Generation Z-ers are graduating from schools and universities and are already entering, or will soon

enter, the workforce. Generation Z, much like Millennials, requires study for practical and academic reasons, given that its arrival on the work scene may yet again alter power dynamics, the nature of workplace interactions, as well as lead to conflict, reduced loyalty to the organization and low productivity [22; 24], if their distinct characteristics are not identified and taken into account [6].

There have been a number of studies recently that have explored Generation Z, its values and orientation, its approach to the organization of work and labor, and its effect on intergenerational workplace interactions [11; 21; 23]. These studies indicate a growing interest in studying Generation Z's effects on society, although research on Generation Z in China remains somewhat in its infancy. At the same time, applying the conclusions reached in non-Chinese studies to the situation in China is problematic since the population dynamics in the country differ significantly from those found elsewhere, not only in terms of culture and traditions, but also because of history. Due to these differences, and taking into account China's rapid economic developmental and social transformations, as well as its rising global influence, the need to study China's Generation Z-ers becomes increasingly more important for a number of economic, political and socio-cultural reasons.

This study provides a critical review of recent empirical studies on China's Generation Z-er that have explored their work-related value orientations, behavior and expectations. This study also offers recommendations with respect to potential avenues for conducting further generational research in this regard. In reviewing the current state of research on Generation Z in China as this concerns the workplace, this

study provides researchers, policymakers and corporations with insights into a group that will likely have a significant impact on the economies of countless countries, as well as on the marketing and hiring strategies of global corporations that not only employ and interact with Generation Z-ers, but also provide them with services and goods.

Generations: Theoretical and Methodological Frameworks

Before one can discuss the unique characteristics of Generation Z, it is important to seek more clarity regarding the concept of generations and what it means. According to [20], the term ‘generation’ refers to an aggregate of people differentiated from others by their age. Different generations, as a result, can have different values due to different life courses and historical settings [29]. According to [39], a ‘generation’ represents a group of people that have certain shared traits due to a shared historical background. They feel that age is not a standard that divides generations; instead, it serves as an indicator that makes it possible to judge members of a specific generational cohort. The concept of generations is also very closely tied to the idea of value differences, which can be studied using a life-course approach or a generation approach. The life-course approach interprets attitudes and values based on the human life cycle, with its physiological and cognitive changes, whereas the generation approach sees common historical periods as conferring unique values [3; 2]. Both these approaches, when taken together, are useful when trying to study changes in generational values, as well as when assessing the influence of both biological and social factors. Another theo-

retical framework through which one can approach the concept of generations is the individualism-collectivism distinction as it concerns cultural differences [34]. These two cultural orientations, i.e. individualism and collectivism, can be further divided into either vertical or horizontal orientations. Horizontal collectivism signifies belonging to a collective where everyone is considered equal, while vertical collectivism, which also signifies belonging to a collective, assumes that individuals in the collective may recognize differences in status, i.e. hierarchy, and consider these as being acceptable. Vertical individualism signifies not only accepting one’s individuality, but also the fact that inequality exists, whereas horizontal individualism stresses individuality and equality [34]. In the Chinese context, for example, vertical collectivism is shown to be the preferred cultural orientation among older generations, with younger generations gravitating more towards vertical individualism [19].

Generational Cohorts and the State of Current Research

The conceptualization of generations as representing different historical periods and life courses has led to the formation of culture-specific age and generational cohorts and the use of different analytical methods to study generational differences (for an insightful review of methods, see [8]). It is also worth noting while not everyone is convinced that generational differences are an actual phenomenon, notably at the workplace [9], some studies do support the existence of generational differences [5]. A meta-analysis of research on generational differences in work-related attitudes focusing on organizational commitment, job sat-

isfaction and intent to turnover by [7], for instance, found that older generations were more satisfied with their jobs and less likely to leave, although they noted that these differences were small to moderate.

Authors that focus on generational differences in the United States, for example, have used socio-historical criteria for delineating generational cohorts. In the American context, there is the Silent Generation (born between 1928 and 1945), which is known for their focus on the community and family, as well as its stoicism and loyalty to the organization. Members of this group have largely left the workforce, although small numbers might still remain for reasons of finances or simply because retirement might not suit them [4]. Baby Boomers (born between 1944 and 1964), meanwhile, are both a Western and Chinese phenomenon, with very slight variations in terms of age. In [10], the Chinese Baby Boomer generation is referred to as the Consolidation generation, a reference to the socio-economic and political developments of the period in which they grew up. In terms of differences, Baby Boomers in the US are described as having a strong work ethic, being socially liberal and competitive, and exhibiting vertical individualistic, whereas their counterparts in China have been shown to be horizontal collectivists, idealistic and conservative, although they do appear to be similarly open to change [10]. Generation X (born between 1965 and 1980), the American context, has experienced both periods of instability and prosperity; one consequence of this experience is that they tend to be self-reliant, entrepreneurial and individualistic, with less loyalty to the workplace than older generations due to the volatility of the times in which they grew up [16]. In the Chinese context, Genera-

tion X (sometimes referred to as the Social Reform generation) has been found to be less conservative and more open to change than previous generations [10]. Generation Y (born between 1980 and 1995), often referred to as Millennials, are digital natives, in that they grew up in an age of fast-evolving technology and instantly accessible information [28]. Research in the Russian context has shown them to be more competitive and assertive in comparison with Generation Y [24]. In the Chinese context, where several studies have been done on them [17; 41; 40], Millennials are perceived as being highly technologically literate, educated, individualistic, open-minded, and often difficult to manage, much like their counterparts in other countries. They are also more focused on their personal careers than on loyalty to their workplace, which might lead to retention and recruitment-related issues for the companies that hire them [40].

Finally, there is Generation Z. This generation consists of those individuals who were born after 1995. They are considered even more technologically proficient than Generation Y-ers [27; 42]. Research on Generation Z-ers, sometimes labelled Centennials and iGen, in Western contexts has increased significantly, given their future impact on local and global labor dynamics, with several recent studies exploring this generation's socio-psychological makeup [30; 36]. Research suggests Generation Z-ers are more technologically proficient than Millennials [30], and prefer texting to verbal communication [1]. Generation Z may also not be as tolerant of rigid hierarchic structures when seeking out senior executives [35], appear to prefer teamwork if it is virtual in format [1], and are strongly individualistic, which means that it is more appropriate to use individu-

al assessments when evaluating their work [35]. Moreover, for most Generation Z-ers, having been raised by Generation X and Y parents, diversity at the workplace is not only expected, but its absence would likely attract concern or confusion. Nevertheless, while they might expect diversity, they have difficulties forming genuine relationships with their colleagues at work, instead preferring superficial interactions that might inhibit productive intergenerational collaboration [1]. They are more fiscally conservative than previous generations, as well as more socially liberal, which likely influences their work ethic, leading to an expectation of a multicultural work environment where creative and open-minded approaches are encouraged. Their fiscally conservative nature suggests, however, that they might be more risk-averse and less entrepreneurial, as alluded to by [15]. At the same time, constant advancements in communication technology have led to technology becoming fully integrated into the lives of Generation Z-ers; their approach to communication, consequently, differs significantly from previous generations: they are more technologically literate, yet less articulate and have difficulty thinking on their feet [1; 4; 15]. The literature appears to advocate that companies may have to expand their communication efforts beyond traditional meetings and e-mail formats to more technologically integrated forms of training, reporting, and creative production. With Generation Z poised to enter (or already entering) the workforce, it is vital for companies to find ways to efficiently take into account the differences that exist between Generation Z-ers and older generations, and use their understanding of these differences to accommodate the shifts in outlook and expectations that have occurred [19].

Objectives of the Study

The literature review turned up a handful of studies on generational differences in work-related contexts as these concern Generation Z in China (these studies are discussed in detail below). As such, the objective of the study is to analyze this recent research to see if there is an emergent understanding of Generation Z's work-related attitudes in the Chinese context, what analytical methods the studies' authors use in this respect, and what conclusions they draw in terms of Generation Z's impact on intergenerational dynamics at work.

Generation Z in China: A Look at Current Research

Current studies on China generally tend to define Generation Z as having been shaped by the forces of rapid technological innovation and globalization, which has resulted in significant changes to the cultural orientation of Generation Z-ers in comparison to older generations [18; 19; 26; 31; 38]. Chinese Generation Z-ers have been shown to be more confident, more secularly oriented, self-promoting and professionally individualistic than any other generation that preceded them [19; 32; 38], which indicates that they have much in common with their counterparts from the United States and Russia. However, as pointed out by [14], Chinese Generation Z-ers significantly differ from Generation Z-ers in other countries in terms of their materialistic values (see also [13]), which are comparatively higher.

At the same time, there are some notable issues with the current crop of studies on Generation Z in China as this concerns work-related themes. To begin with, all the studies found during the literature review [12; 19; 32;

37; 43] have solely relied on the use of questionnaires to the exclusion of other data collection methods, for example, interviews. The result is that studies have mostly focused on participants' self-reported attitudes regarding job satisfaction and commitment, the latter being a recurring focus of several studies. This narrow research focus is likely a result of the quantitative instruments employed since there is an almost complete lack of qualitative data available on Chinese Generation Z-ers. A related issue is that many of these questionnaires have a small number of items; these items were actually developed for employees from Western contexts, which means that they might not be able to capture the generational traits possessed by generational cohorts in the Chinese context [12]. Another issue is that generations are not often clearly defined in the studies. [19] and [12], for example, conceptualize generation cohorts based on decades, e.g. post/pre-1990s and post/pre-1980s, while [37] proceed based on historical periods. The result is that, oftentimes, several generations are lumped together, with this lack of a standard approach lying in sharp contrast to Western approaches, where a unified understanding aids in comparing and contrasting different studies and serves as a stable point of reference.

There are also study-specific issues. [32], for example, indicate that Generation Z (referred to as the Societal Transition generation in their study) in China exhibits what could be described as vertical individualism, similar to what has been found in non-Chinese studies on Generation Z [1]. They attribute these generational changes to China's shift to a post-socialist society, which they claim has weakened communism ideals in the country; their reasoning for this, however, is not entirely convincing. For instance, their study specifically targeted Shanghai, which likely does not accurately

reflect generational attitudes found in other regions of China. Secondly, their methodology does not account for several factors, e.g. exposure to foreign cultures, level of acculturation, profession of respondents, all of which might have had a direct bearing on the results of the study. Several survey items are also quite ambiguously worded, leaving them open to a variety of interpretations.

[19] similarly report a shift to individualism among Chinese Generation Z-ers from the vertical collectivism of older generations, although they express some observations. They note that although they "did find strong evidence for more prevalent vertical individualism in the younger generation (vs. older generations) of Chinese employees... the results regarding a decreased level of vertical collectivism in this age group (vs. older generations) remain inconclusive" [19, p. 537]. They, furthermore, confirm that China remains a collectivist, albeit vertically oriented, culture, although it is possible that, given the greater individualism exhibited by Generation Z-ers, its collectivist nature may soon change.

Similarly inconclusive results can be found in [10] and [37]. [37], for example, report that generational differences were not significantly predictive of workplace attitudes, although younger generations sought more control over their career paths; they write that researchers should instead focus on Chinese culture, which is a more accurate indicator in this respect, especially with respect to work culture. Their contention finds some support in [43], where the Chinese participants are seen to be influenced by Confucianism, desiring, as a result, continuous learning, while also seeking advancement in terms of work. Here, too, cultural differences appear more significant than generational characteristics, al-

though Chinese participants are described as being more self-centered, individualistic, social and career-focused than previous generations. There is also the implication that culture and traditions might actually be hindering generational differences from occurring in the Chinese context, although this is never explicitly stated.

Taken together, these studies arrive at somewhat divergent conclusions regarding Chinese Generation Z-ers. It seems that there is some movement towards greater individualism on the part of Generation Z-ers, yet cultural characteristics continue to remain entrenched in their psyche. They appear to strongly desire career advancement, sociable colleagues and job satisfaction, while also being influenced by Confucian ideals that stress learning. The move towards individualism suggests that there is likely to be some conflict between older generations and Generation Z since they appear to deviate from the traditionally collectivist orientation of China, although some studies suggest that culture has a mitigating effect on intergenerational differences [37].

Implications for Future Research

This paper reviewed existing studies on work-related attitudes and implications as these relate to China's Generation Z, and sought to gather, in one place, preliminary conclusions about the specific characteris-

tics that define this generation. With several generational cohorts now participating in the labor force, it is important that all generations remain fully engaged and understood, and while current studies do show that Generation Z is likely more individualistic than older generations, there still appear to be some issues with research design and methodology. First of all, there is a need for more qualitative research on Generation Z in the Chinese context. None of the studies to date has used interviews, corpus linguistic approaches, video materials or any other methods to gather data on what differentiates Generation Z-ers from other generational cohorts. This is a significant gap that should be addressed. Secondly, as suggested by the authors of some of the studies covered here, culture is an important variable and should be taken into account. One way to achieve this is by designing data collection instruments that incorporate (or at least account for) those aspects of Chinese culture that have influenced social and workplace interactions. Using questionnaires that were developed for Western contexts and applying them directly to the Chinese setting without any modifications will likely lead to issues with the accuracy of data that is thus gathered. Finally, there is a need to standardize how generations are categorized in the Chinese context. This is important because it allows for the cross-comparison of findings and aids in conducting additional research when researchers have a stable point of reference.

REFERENCES/ ЛИТЕРАТУРА

1. Bencsik A., Horváth-Csikós G., Juhász T. Y and Z Generations at workplaces. *Journal of Competitiveness*, 2016. Vol. 8, no. 3, pp. 90–106.
2. Braungart R.G., Braungart M.M. Life-course and generational politics. *Annual Review of Sociology*, 1986. Vol. 12, no. 1, pp. 205–231.
3. Braungart R.G. Historical and generational patterns of youth movements: A global perspective. *Comparative Social Research*, 1984. Vol. 7, no. 1, pp. 3–62.

4. Bursch D., Kelly K. Managing the multigenerational workplace, Chapel Hill: UNC Executive Development, 2014. 18 p.
5. Campbell W.K., Campbell S.M., Siedor L.E., Twenge J.M. Generational differences are real and useful. *Industrial and Organizational Psychology*, 2015. Vol. 8, no. 3, pp. 324–331.
6. Cugin J. Are generational differences in work values fact or fiction? Multi-country evidence and implications. *The International Journal of Human Resource Management*, 2012. Vol. 23, no. 11, pp. 2268–2294.
7. Costanza D.P., Badger J.M., Fraser R.L., Severt J.B., Gade P.A. Generational differences in work-related attitudes: A meta-analysis. *Journal of Business and Psychology*, 2012. Vol. 27, no. 4, pp. 375–394.
8. Costanza D.P., Darrow J.B., Yost A.B., Severt J.B. A review of analytical methods used to study generational differences: Strengths and limitations. *Work, Aging and Retirement*, 2017. Vol. 3, no. 2, pp. 149–165.
9. Costanza D.P., Finkelstein L.M. Generationally based differences in the workplace: Is there a there there? *Industrial and Organizational Psychology*, 2015. Vol. 8, no. 3, pp. 308–323.
10. Egri C.P., Ralston D.A. Generation cohorts and personal values: A comparison of China and the United States. *Organization Science*, 2004. Vol. 15, no. 2, pp. 210–220.
11. Goh E., Lee C. A workforce to be reckoned with: The emerging pivotal Generation Z hospitality workforce. *International Journal of Hospitality Management*, 2018. Vol. 73, pp. 20–28.
12. Gu Q., Wang L., Sun J.Y., Xu Y. Understanding China's post-80 employees' work attitudes: an explorative study. *Journal of Chinese Human Resources Management*, 2010. Vol. 1, no. 2, pp. 74–94.
13. Hung K.H., Gu F.F., Yim C.K.B. A social institutional approach to identifying generation cohorts in China with a comparison with American consumers. *Journal of International Business Studies*, 2007. Vol. 38, no. 5, pp. 836–853.
14. Inglehart R. Human values and social change: Findings from the values surveys. Boston: Brill, 2003.
15. Keogh O. Growing pains as Generation Z makes transition to workplace. Dublin: The Irish Times, 2018.
16. Kupperschmidt B.R. Multigeneration employees: Strategies for effective management. *The Health Care Manager*, 2000. Vol. 19, no. 1, pp. 65–76.
17. Lian H. The post-1980s generation in China: Exploring its theoretical underpinning. *Journal of Youth Studies*, 2012. Vol. 17, No. 7, pp. 965–981.
18. Liu F. The rise of the “priceless” child in China. *Comparative Education Review*, 2016. Vol. 60, no. 1, pp. 105–130.
19. Ma J., Hu Z., Gocłowska M.A. Cultural orientation in China: Differences across five generations of employees. *Social Behavior and Personality*, 2016. Vol. 44, no. 4, pp. 529–540.
20. Mannheim K. The problem of generations. In P. Kecskemeti (Ed.), *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge and Kegan Paul, 1952, pp. 276–320.
21. Meret C., Fioravanti S., Iannotta M., Gatti M. The digital employee experience: Discovering generation Z. In C. Rossignoli, F. Virili, S. Za (Eds), *Digital Technology and Organizational Change*. Cham: Springer, 2018, pp. 241–256.

22. North M.S., Fiske S.T. Intergenerational resource tensions in the workplace and beyond: Individual, interpersonal, institutional, international. *Research in Organizational Behavior*, 2015. Vol. 35, pp. 159–179.
23. Ozkan M., Solmaz B. The changing face of the employees: Generation Z and their perceptions of work (A study applied to university students). *Procedia Economics and Finance*, 2015. Vol. 26, pp. 476–483.
24. Pishchik V.I., Koroleva N.V. Situational analysis of conflict interaction of employees belonging to generations X and Y. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 78–89.
25. Pishchik V.I. Generations: Socio-psychological analysis of mentality. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011. Vol. 2, pp. 80–88.
26. Sabet D. Confucian or communist, post-Mao or postmodern? Exploring the narrative identity. resources of Shanghai's post-80s generation. *Symbolic Interaction*, 2011. Vol. 34, pp. 536–511.
27. Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and engaging the next generation of students. *About Campus*, 2017. Vol. 22, no. 3, pp. 21–26.
28. Sheahan P. Generation Y: Thriving and surviving with Generation Y at work. Prahran: Hardy Grant, 2005.
29. Smith T.J., Nichols T. Understanding the millennial generation. *The Journal of Business Diversity*, 2015. Vol. 15, no. 1, pp. 39–47.
30. Sun J., Cheng D. China's generation gap. New York: Routledge, 2018.
31. Sun J., Wang X. Value differences between generations in China: A study in Shanghai. *Journal of Youth Studies*, 2010. Vol. 13, no. 1, pp. 65–81.
32. Thompson C., Gregory J.B. Managing Millennials: A framework for improving attraction, motivation, and retention. *The Psychologist-Manager Journal*, 2012. Vol. 15, no. 4, pp. 237–246.
33. Triandis H.C., Gelfand M.J. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 74, no. 1, pp. 118–128.
34. Tulgan B. Meet Generation Z: The second generation within the giant “Millennial” cohort. *Rainmaker Thinking*, 2013, pp. 1–12.
35. Turner A. Generation Z: Technology and social interest. *The Journal of Individual Psychology*, 2015. Vol. 71, no. 2, pp. 103–113.
36. Yi X., Ribbens B., Fu L., Cheng W. Variation in career and workplace attitudes by generation, gender, and culture differences in career perceptions in the United States and China. *Employee Relations*, 2015. Vol. 37, no. 1, pp. 66–82.
37. Yi X., Ribbens B., Morgan C.N. Generational differences in China: Career implications. *Career Development International*, 2010. Vol. 15, no. 6, pp. 601–620.
38. Zhang Y.J., Cheng Y.Z. Di Si Dai Ren [The fourth generation]. Beijing: Dongfang Chuban She (Oriental Press), 1988.
39. Zhao E., Liu L. China's Generation Y: Understanding the workforce. 4th IEEE International Conference on Management of Innovation and Technology. Bangkok, 2008, pp. 612–616.
40. Zhao Y. Managing Chinese millennial employees and their impact on human resource management transformation: an empirical study. *Asia Pacific Business Review*, 2018, pp. 1–18.

41. Zorn R.L. Coming in 2017: A New Generation of Graduate Students — The Z Generation. *College and University*, 2016. Vol. 92, no. 1, pp. 61–63.

42. Zupan N., Kaše R., Rašković M., Yao K., Wang C. Getting ready for the young generation to join the workforce: A comparative analysis of the work values of Chinese and Slovenian business students. *Journal of East European Management Studies*, 2015. Vol. 20, no. 2, pp. 174–201.

Критический обзор исследований отношения к работе поколения Z в Китае

Ф. ТАН*,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
tangfei1101@gmail.com

В настоящее время во всем мире проведено сравнительно мало эмпирических исследований, посвященных поколению Z, а имеющиеся исследования, хотя и информативны, приводят к различным, часто противоречивым заключениям. Между тем уже сейчас поколение Z вступает в трудоспособный возраст, и важно понимать специфику его ценностей и культурную ориентацию для того, чтобы смягчить конфликты между поколениями на рабочих местах и обеспечить эффективную деятельность предприятия или организации. Китай является растущей сверхдержавой, и влияние поколения Z этой страны будет чувствоваться на глобальном уровне, что обуславливает значимость его изучения. В статье проведен критический анализ текущих эмпирических исследований поколения Z в кросс-культурном контексте и предложены новые направления исследований по проблеме смены поколений в Китае и других странах вне Запада. Только благодаря лучшему пониманию поколения Z организации смогут разрабатывать стратегию и политику с учетом потребностей и перспектив этого нового поколения, что позволит обеспечить продуктивную, прибыльную среду и межпоколенческое сотрудничество в будущем.

Ключевые слова: смена поколений, поколение Z, культурная ориентация, ценностные различия, методы исследования, Китай, взаимодействие поколений.

Для цитаты:

Тан Ф. Критический обзор исследований отношения к работе поколения Z в Китае // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 19–28. doi:10.17759/sps.2019100203

* Тан Фэй — кандидат психологических наук, преподаватель-исследователь, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, tangfei1101@gmail.com

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп

В.А. БАРАНОВА*,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
bva06@mail.ru

А.И. ДОНЦОВ**,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
a.dontsov@mail.ru

В статье теоретически обоснован подход к исследованию культурной травмы с помощью анализа воспоминаний поколений, охарактеризованы признаки травмы. Научные задачи исследования предполагали выявление событий, которые конструируют воспоминания двух поколений о конкретном историческом периоде, и анализ того, насколько эти события могут быть охарактеризованы как культурная травма. В исследовании использовались методы опроса и глубинного интервью. Выборку составили 83 респондента. Содержание коллективных воспоминаний свидетельствует о наличии выраженных признаков культурной травмы, которая связана с определенным историческим периодом: для поколения 1961–1975 г.р. таковыми являются события конца 80-х — начала 90-х годов, определяющие начало изменений в политической и экономической системах (перестройка, распад СССР); для поколения «детей войны» таким событием выступает Великая Отечественная война и послевоенный период. Теоретический анализ и эмпирическое исследование позволяют говорить о том, что культурная травма находит отражение в воспоминаниях поколений. В исследо-

Для цитаты:

Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 29–46. doi:10.17759/sps.2019100204

* Баранова Виктория Анатольевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, bva06@mail.ru

** Донцов Александр Иванович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, a.dontsov@mail.ru

вании также зафиксированы процессы постпамяти — отношение младшего поколения к травмирующим событиям XX века, находящимся вне личного опыта.

Ключевые слова: коллективные воспоминания, культурная травма, коллективная травма, представления о прошлом, события России XX века, поколения, поколение «детей войны», значимые события, постпамять.

Социальные изменения, происходящие в обществе в XX веке, веке социальных трансформаций и политических потрясений, тесно связаны с понятиями культурной травмы и коллективной памяти. В концепции П. Штомпки понятие «травма» объясняет то, что влекут за собой социальные изменения. Социальные изменения, которые могут вызвать культурную травму, связаны с событиями такого масштаба, как «революция (удавшаяся или нет), государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи; радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.); иностранная оккупация, колониальное завоевание; принудительная миграция или депортация; геноцид, истребление, массовые убийства; акты терроризма и насилия; религиозная реформация, новое религиозное пророчество; убийство президента (монарха, короля); разоблачение коррупции, правительственный скандал; открытие секретных архивов и правды о прошлом; ревизия героических традиций нации; крах империи, проигранная война» [25, с. 9]. Социальные изменения, связанные с травматическими событиями, имеют следующие особенности: неожиданность и быстрота, радикальность и всесторонность, разрушение основ, восприятие события как неподдающегося влиянию, шокирующего и отталкивающего. Характеристикой травмы являются «нарушение нормальности», «кардинальное изменение привычного

предсказуемого мира» [25, с. 9]. Восприимчивость групп общества к травме различна, что может фиксироваться в силе переживаний, в диапазоне деструктивного воздействия, в отношении к событиям.

Возможный путь изучения восприимчивости к культурной травме — обращение к воспоминаниям о прошлом, через события которого акцентируются переживания и смыслы, составляющие дискурс травмы для определенной группы общества. Коллективные воспоминания связаны с историей общества, объективным знанием, но «память всегда является “чьей-то” памятью, обусловлена опытом и интересами какой-либо социальной группы» [24, с. 20]. Коллективная память актуализирует определенное содержание исторических событий, а именно такое, какое «представляет группе ее собственный образ, который, конечно, разворачивается во времени, поскольку речь идет о ее прошлом». Память обусловлена обществом, именно оно определяет, какое событие займет свое место в ряду исторических фактов, что останется в памяти, что будет реконструировано в воспоминаниях группы, а что подлежит забвению [23, с. 27]. Субъектом коллективной памяти всегда является социальная группа, ее коллективно разделяемые воспоминания функционально связаны как с прошлым, так и с целями и потребностями жизни группы в настоящем [11].

Существует ряд близких по смыслу к понятию «культурная травма» феноменов: психотравма, травматический

стресс, трудная жизненная ситуация, травматический невроз и т.п. [12; 15; 17]. Тема травматического опыта успешно развивается и в контексте вопроса о связи личного и социального аспектов переработки травматического опыта на примере переживших трагедии Холокоста, репрессий, лагерей [8; 9; 19; 20; 21], но, несмотря на определенные акценты, рассматриваются состояния, развертывающиеся прежде всего на уровне личности.

Культурная травма традиционно соответствует уровню больших социальных групп, коллективных феноменов [1; 2; 3; 4; 5; 25; 26], представляя собой «типичные для групп острые, даже болезненные, переживания людей, имеющие последствия не только на уровне индивидуальной психики, но и на уровнях групповом и социетальном» [10, с. 75].

Феномены коллективной памяти и культурной травмы связаны друг с другом в силу инертности культурной травмы, развертывающегося во времени процесса рефлексии событий, вызвавших ее, и возможностей преодоления ее последствий [4; 5; 25; 26; 31; 33].

Напомним, что культурная травма в концепции П. Штомпки описывается как переживаемое обществом состояние напряжения, шока от нарушения установленного порядка и сопровождается состояниями апатии, беспомощности, пессимизма, депрессивными чувствами неверия в будущее. Влияние травмы тем сильнее, чем значительнее различия между привычным образом жизни и условиями, создавшимися вследствие травматических событий, «чем сильнее «шок», тем сильнее влияние травмы, тем больше травма затрагивает ядро коллективного порядка — сферу базовых ценностей, правил, центральных ожиданий, и тем сильнее она чувствуется» [25, с. 10].

Важно, что травма не определяется абсолютно объективным фактом, событие должно восприниматься и переживаться «как проблема, нечто беспокоящее, болезненное, требующее исцеления» [25, с. 13]. Другими характеристиками культурной травмы являются труднопреодолимость и сильнейшая инерционность, которая обеспечивает ее долгое существование и сохранение в памяти поколений.

Драматический характер культурной травмы, ее проявление в изменении идентичности, обретение смысла травмы через общественные репрезентации подчеркивает Р. Айерман. По его мнению, культурная травма является формой воспоминания, которая задает ракурс сочленения «коллективной идентичности и коллективной памяти, когда индивидуальные истории сливаются воедино в формах и процессах коллективной репрезентации» [2]. Не только непосредственное переживание события выступает условием его категоризации как травмы, важная роль в этом процессе отведена созданию общественного дискурса: то, как репрезентировано событие, определяет его сохранение в коллективной памяти — «травматический смысл события должен быть утвержден и воспринят; этот процесс занимает время и требует опосредования и репрезентации» [2]. Репрезентация события конструирует его значение в публичной сфере, стирая различия между людьми и ликвидируя «разрыв между происшествием и воспоминанием о нем», создавая социальную основу для возникновения культурной травмы [2].

Культурная травма в понимании Н. Смелзера (N. Smelser) — событие, которое создается, «творится» в дискурсе, подрывает ключевые элементы «культуры или культуру целиком», угрожа-

ет существованию общества, нарушает его фундаментальные основы [33, с. 38]. Культурная травма трактуется как воспоминания событий и ситуаций, которые признала и о которых заявляет социальная группа в публичном дискурсе. Негативный эмоциональный контекст, забываемость, неизгладимость являются признаками культурной травмы.

Дж. Александер объясняет возникновение культурной травмы через процесс преобразования культурных смыслов и связей между людьми в обществе. Культурная травма — результат особо значимого реального события, однако сами по себе события не создают коллективную травму и не являются травмирующими по своей внутренней природе. «Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [4, с. 16], травма — то, что «создается обществом» [4, с. 8]. Событие становится травмой, «если происходит резкое смещение упорядоченных, привычных смыслов сообщества, ...именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха» [4, с. 18]. Примерами травмы являются разноплановые события: рабство, войны, Холокост, этнические чистки, но групповая специфика восприятия и переживания события выступают ключевыми моментами для получения событием статуса травмы. «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4, с. 6]. Заявление социальной группы «о некоем глубочайшем увечь» является началом конструирования травмы [4, с. 19].

Таким образом, культурная травма — это коллективный феномен, сохраненная память поколений о значимых событиях, связанных с нарушением нормальности существования и привычного образа мира, преобразующих сферу базовых ценностей и смыслов. Ее характеристиками являются состояния напряжения и шока, проблемность и сильные переживания, требующие разрешения. Травма творится в общественном дискурсе, конструируется и репрезентируется обществом, обладает инерцией, оставаясь в памяти следующих поколений.

Для данного исследования важно, что переживание события, несущего травматический опыт, отражается в коллективных воспоминаниях социальной группы посредством рефлексии определенных исторических событий и периодов. Содержание воспоминаний не только позволяет определить их специфичность для поколения, но и развертывает картину «разрыва социальной ткани», процесса культурной травмы, объединяющего членов социальной группы осознанием принадлежности к «ужасающему событию», навсегда определившему память этой группы и ее идентичность.

Конкретной социальной группой в исследовании выступает поколение — социальный феномен, справедливо претендующий на особое внимание различных гуманитарных наук, очевидно, в силу того, что не решается задача о критериях выделения поколенческих групп и нет ответа на вопрос о том, возможно ли это решение. Теоретическое осмысление феномена «поколения» не является предметом этой статьи, в данном контексте поколения представляют конкретные социальные группы, имеющие существенные характеристики, которые будут описаны ниже.

Организация и методы исследования

В исследовании поставлены вопросы о том, какие события составляют содержание поколенческих воспоминаний о России XX века, какие из событий отвечают характеристикам культурной травмы, как репрезентирована травма в групповом сознании и процессах постпамяти.

Основными методами являлись опрос и интервью. На первом этапе выявлялись особенности событийного ряда периода России XX века у двух поколений: собирались ассоциации к понятию «Россия XX века»; ответы анализировались по методу П. Вержеса [7]. События коллективной памяти поколения анализировались по характеристикам культурной травмы. На втором этапе проводился тематический анализ нарративных интервью [32] представителей поколений, что позволяло через субъективные повествования выявить аспекты травматизации, представленные в коллективном опыте проживания определенного события.

В исследовании (2018–2019 гг.) участвовали 83 человека, являющиеся представителями двух поколенческих групп: 1) респонденты 1961–1975 г.р. (60 человек), средний возраст — 54,3 года; 2) респонденты 1928–1939 г.р. (23 человека), средний возраст — 85,2 года, граждане России, проживающие в городах Архангельск, Калининград, Москва, Новодвинск. Представители младшего поколения родились в период апогея развития социализма, характеристики этого поколения являются противоречивыми и спорными [13; 18; 22]. Старшее поколение — «дети войны» — объединено военным и послевоенным временем, в котором проходило их детство.

Все респонденты родились в XX веке, прожили в нем сознательный период своей жизни, были свидетелями и участниками общих событий: Афганская война, перестройка, распад СССР, чеченские войны, путч, расстрел Белого дома, финансовые реформы, дефолт и т.д.

Выбранные возрастные группы являются поколениями родителей и детей, что расширяет возможности изучения поколенческих аспектов коллективных воспоминаний с позиции теории культурной травмы и процессов постпамяти.

События истории России XX века: выбор поколений

На первом этапе с помощью ассоциативного метода были выявлены представления о событиях России XX века у двух групп, что позволяло сравнить актуализированные в коллективной памяти поколений события и проанализировать их в парадигме культурной травмы.

В младшей поколенческой группе было собрано всего 372 ассоциации, в старшей группе собрано 150 ассоциаций, основному анализу подвергались те понятия, которые указывали не менее 5% респондентов.

В ядре (I) расположены самые высокочастотные и низкие по рангу ассоциации, что характеризует особое место событий в памяти поколения (табл. 1; табл. 2).

В содержании представлений обеих групп присутствуют как события, которые отвечают характеристикам культурной травмы, так и события, которые таковыми не являются. Такие события, как «Великая Отечественная война», «Революция 1917 года», «Распад СССР», являются переломными моментами эпохи, характеризуются дезорганизацией со-

Таблица 1

**Элементы, образующие ядро и периферию социальных представлений
о событиях России XX века для младшего поколения**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	Низкий ранг (<3,8)	Высокий ранг (>=3,8)
Высокая частота (>35)	I. Великая Отечественная война (60; 1,6) Революция 1917 (50; 1,8) Освоение космоса (53; 2,3) Распад СССР (46; 3,0)	III. Технический прогресс (52; 4,1)
Низкая частота (<35)	II. Период СССР (30; 3,5) Февральская революция (32; 3,1) Перестройка (33; 3,6)	IV. Первая мировая война (32; 4,0) Гражданская война (20; 6,0) Социализм (19; 5,2) Оттепель (10; 7,0)

Таблица 2

**Элементы, образующие ядро и периферию социальных представлений
о событиях России XX века для старшего поколения**

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	Низкий ранг (<2,35)	Высокий ранг (>=2,35)
Высокая частота (>=17)	I. Великая Отечественная война (23; 1,7) Освоение космоса (21; 1,5) Технический (научный) прогресс, индустриализация (20; 2, 0) Период СССР (17; 2,2)	III. Холодная война (17; 3,1)
Низкая частота (<17)	II. Революция 1917 (16; 1,9) Сталин (смерть Сталина) (11, 2,3) Социализм (15; 2,3) Распад СССР (10; 2,1)	IV. Перестройка (11; 3,1) Репрессии (16; 3,3) Оттепель (13; 5)

циальной структуры, предопределяют раскол упорядоченного мира, создают основу для развития последующих изменений и имеют значение не только для России, но и для всего мира, что позволяет характеризовать их как культурную травму по объективным признакам.

Объединяющими для двух поколений событиями являются «Освоение космоса» и «Великая Отечественная война», чья особая роль в коллективном со-

знании россиян подтверждается и более ранними исследованиями коллективных воспоминаний [6; 11; 13].

В исследовании А.В. Кузнецовой, выявляющем значимые события истории России, респонденты разных возрастных групп, кроме Великой Отечественной войны, отмечали Октябрьскую революцию, распад СССР и перестройку [13].

Ретроспективное сопоставление результатов исследований, проведенных

различными методами относительно разных исторических континуумов через многолетний временной интервал — динамичный период глубоких социальных трансформаций (финансовый кризис 2014 года, возвращение Крыма, экономические санкции и т.д.), позволяет зафиксировать устойчивую тенденцию сохранения значимости отдельных событий в коллективном сознании. В коллективной памяти существуют «ядерные», эпохальные события, которые репрезентируются социальными группами и относятся к событиям, задающим пространство культурной травмы (табл. 1; табл. 2).

Нарратив главных событий поколения: основные темы

На втором этапе исследования были проведены нарративные интервью с представителями (8 и 6 человек) двух поколений: респонденты давали характеристику наиболее значимым событиям/периодам России XX века по своему выбору. При анализе в повествовании выявлялись определенные тематические категории, на основе которых делались выводы о значимости событий для поколения: учитывались частота упоминания тем, смысловые нюансы подачи информации (вербальный и невербальный аспекты), фиксировались чувства и эмоциональные реакции.

Анализ интервью младшего поколения (1961—1975 г.р.)

В повествования респондентов включены следующие события: революция 1917 года (80%), Великая Отечественная война (100%), события периода пере-

стройки и распада СССР (100%), что соответствует событиям ядра представлений (табл. 1). Объяснения выборов событий отличались объемом, развернутостью, детализацией, количеством примеров из личной жизни, степенью эмоциональной вовлеченности.

Революция 1917 года описывается респондентами лаконично, конкретизации нет, примеры личной и семейной истории не приводятся. Эмоциональное отношение проявляется посредством паралингвистической системы, лексические конструкции апеллируют к аргументации позитивного значения революции в связи с созданием нового государства и началом Советского периода. Темы травматизации не присутствуют: не упоминаются темы голода, разрухи, войны, переживаний, социальных чувств, но четко фиксируется категоризация *Революции 1917 года* как великого переломного события, определившего позитивные социальные изменения и начало периода достижений нового общества.

«Революция 1917 года — поворотный момент истории России. Благодаря ей в стране начали происходить масштабные изменения в лучшую сторону. Страна достигла таких высот в максимально короткое время, — многие страны до сих пор думают, что мы сделали невозможное. Именно из-за революции стали возможны бесплатная медицина, образование, нормировался труд рабочих, равноправие женщин и мужчин. Страна стала мировой державой, с которой считались и которую боялись» (С.И., 1973 г.р.).

«В 1917 случилось то, что произойти не должно было ни при каких обстоятельствах. Гениальная комбинация, каких не знала история. Но важность события не только в этом. Несмотря на все нюансы, которых я не отрицаю, бла-

годаря именно этому событию стал возможен Советский Союз, советское сознание, советский человек — не тот, который завидовал жизни Запада, а тот, который понимал ценность жизни этой. Жаль, что сейчас это разбазарено и практически вычищено из голов молодежи. Мое понимание — это было гораздо интереснее, чем то, что происходит сейчас с каждым отдельным человеком, неважно, бомж он, олигарх или среднестатистический...» (И.В., 1963 г.р.).

Выделяя **Великую Отечественную войну**, респонденты отмечали, что было «побеждено абсолютное зло» (В.Б., 1961 г.р.), что «она очень сильно перевернула историческое восприятие народом своей страны, принесла много трагедии, и об этом стоит помнить и говорить» (Ю.А., 1968 г.р.). Эмоциональная вовлеченность проявляется через невербальную систему и лексические конструкции, которые могут быть проинтерпретированы в смыслах межпоколенческой сопричастности и осознания общемирового значения.

Воспоминания этой группы о военном и послевоенном периодах являются в самом широком смысле воспоминаниями об общественных репрезентациях и о рассказах близких.

Повествования наполнены примерами семейной истории, прослеживается личностная вовлеченность, отношение к событию сформировано через общение с поколением своих дедушек и бабушек — участниками Великой Отечественной войны и со своими родителями (поколением «детей войны»). Семейная коммуникация является базовым источником образования общего событийного дискурса и эмоциональных межпоколенческих связей: через рассказы свидетелей событий, сообщения внукам своих воспоминаний прародителями передаются

«отзвуки уже почти исчезнувших традиций» [24, с. 209].

«Мы с папой и мамой каждый год 9 мая ходили и сейчас ходим к памятнику, они в войну маленькие были, а деды воевали» (Ю.А., 1968 г.р.).

«Когда учились в школе, 9 мая покупали цветы, шли на площадь и каждому ветерану, кто шел навстречу, отдавали по цветочку» (В.В., 1967 г.р.).

«Дедушка был летчиком, всю войну воевал, много орденов и медалей, все сейчас хранятся у папы. О войне не любил говорить, но 9 мая награды всегда надевал, и мы выходили в город. Я такое чувство гордости испытывала, как будто сама их заслужила» (С.А., 1963 г.р.).

Респонденты отмечали и другие институты, формирующие их отношение к войне: школа, уроки, фильмы, памятники, музеи, литература, СМИ, Интернет, общественные акции. Все это является институциональными репрезентациями, отражает социальный контекст памяти и «включает в себя различные культурные и политические практики, которые делают возможным осмысление значения прошлого в свете настоящего, а настоящего — в свете прошлого» [27, с. 255].

«В школе каждый год ветераны приходили, рассказывали про войну. Были уроки памяти, уроки мужества. Мы всегда жили со знанием того, как это важно для нашей страны» (В.В., 1967 г.р.). «На «Бессмертный полк» сейчас с детьми идем и с внуками. С портретами дедушки и прадедушки. Помнить — это очень важно» (С.А., 1963 г.р.). «На уроке литературы обсуждали фильм “А зори здесь тихие”. Учительница тогда сказала, что это так страшно, когда погибают молодые девушки, что у них не будет детей — прерывается род, и это невозможно исправить» (И.В., 1963 г.р.).

Факт значимости Великой Отечественной войны для более младших поколений [6; 11; 13] подтверждает возможность изучения процессов постпамяти (М. Hirsch), в широком смысле ставящих вопросы о том, «как поколения детей и внуков, переживших травмирующие события XX столетия, выстраивают свое отношение к ним — к не их собственным воспоминаниям...» [21, с. 191; 30]. Важность этих вопросов определена пониманием того, что то, что является постпамятью сегодня, составит содержание будущей коллективной памяти.

Вопрос, что помнится, а что предается забвению, вызван непреодолимым «разломом поколений», который не позволяет совокупности идей и фактов, составляющих целостную картину из жизни старших поколений, встроиться в рамку понимания мира их потомков [13; 24], поколенческим разрывом между теми, кто непосредственно проживал катастрофы XX века, и теми, у кого такого опыта не было [21].

На один из важнейших вопросов постпамяти — образуется ли сегодня «эмоциональная общность между выжившими и живущими сегодня» [21, с. 181] — результаты, в том числе и данного исследования, позволяют ответить утвердительно. Вопрос о том, является ли война фактором травмы для этого поколения, — более сложный. Травмирующие переживания катастрофических событий войны присутствуют в повествованиях в виде понимания, как это было (страшно, голодно, героически и т.д.) в отношении других: как они все смогли пережить, смогли это вынести, выстоять, выжить, т.е. как это проживали те, кто жили тогда. Анализ интервью о Великой Отечественной войне респондентов этого поколения показывает, что тематика травмы присутствует в их

повествованиях и может быть охарактеризована как эмпатическое переживание этого периода.

Интервью *о периоде перестройки, демократизации, распада СССР* отличались детализацией, эмоциональной вовлеченностью, множественными примерами из личной жизни. Для этого поколения масштабные перемены в идеологии, экономической и политической жизни стали травмирующим процессом перехода «в другую страну». Рефлексия этого периода имеет посттравматический характер переживаний — акцентируются события, связанные с деструктивными переменами в обществе. «Перестройка — очень тяжелое время: талоны, карточки, нехватка питания. Трудно жить было, денег не было. Я замуж выходила — кольца достать было очень тяжело, коляску купить невозможно» (О.И., 1973 г.р.). «Очень тяжело было. Покупали окорочка, бульон варили, а мясо уже на второе шло. Зарплату не выдавали по полгода. Перестройка нам навредила, люди страдали, народ страдал. Кто на комбинате работал — там талоны выдавали на продукты, на вещи. Можно было даже холодильник купить или телевизор. Если повезет, конечно. Время очень тяжелое. Хаос, вообще ничего не понятно. Только сейчас становится понятно, что можно было бы тогда сделать (О.Н., 1975 г.р.). «У меня ребенок родился в 1991, полки в магазинах пустые, за продуктами — очереди, пеленки покупали по справке из женской консультации. Невероятно, как выживали. Муж заказы с работы приносил, да и сама в очередях стояла, ребенка грудного на руки возьмешь — можно купить на двоих» (С.А., 1963 г.р.).

Респонденты этой группы были не только участниками деструктивных процессов периода перестройки и распада

СССР, но и сейчас психологически связаны с ними особым характером переживаний. Эти переживания составляют содержание трудной жизненной ситуации, являются психологической травмой и актуализируются в коллективной памяти поколения.

Из интервью также следует, что этот период представляет собой границу между «тогда, раньше» и тем, что наступило «потом».

Эта граница достаточно четко отделяет время, *где было хорошо*, от времени, *когда стало плохо*, как в эмоциональном плане, так и в плане изменения ценностей (что является одним из признаков культурной травмы). «То время (советское) было светлое, доброе. В очередях все время стояли, но все равно вспоминаю тепло. Помню, как с мамой долго за курицей стояли, зато на весь подъезд купили. Всех соседей знали, жили дружно, весело, колядовали вместе, дежурили по подъезду. Все открытые были, все помогут, никогда не слухавят. Раньше мимо чужого горя никто не пройдет, а сейчас и соседей-то не всех знаешь. Раньше социальная ответственность была выше» (О.И., 1973 г.р.). «Советское время все равно было хорошее. Раньше у всех все одинаковое было, но нас это не смущало. Цветочек вышьешь или воротничок красивый — уже отличаешься» (О.Н., 1975 г.р.).

Для младшего поколения характеристики периода изменений представлены темами бедности, безработицы, невыплат зарплат, страха из-за невозможности исправить ситуацию, ностальгии по советскому прошлому. Эмоциональные реакции относятся к негативному спектру, за исключением тех, которые связаны с воспоминаниями о Советском периоде, позитивный образ которого отмечен также в ряде исследований [11; 13; 18].

Перестройка задала начало изменений, которым сопутствуют нестабильность, социальная несправедливость, пересмотр ценностей, чувство незащищенности, что является наиболее травмирующими факторами этого времени для большинства россиян [10; 16]. Это период, который определяется как «боль перехода», наполнен травматическими переживаниями из-за появления бедности, изменением жизненных укладов, обнищания, роста преступности [25, с. 10].

Вопрос, в какой степени травматические переживания связаны с последующей жизнью этого поколения, требует дальнейшего изучения. Противоречивая ситуация «жизни в эпоху перемен», с одной стороны, и ориентация на понятное, упорядоченное и социально предсказуемое прошлое, с другой, определяют разнообразные модели отношения к миру и повседневной бытовой культуры, среди которых — особенности потребительского поведения, предприимчивость, неотрелексированность целей, появление особых стратегий копинга и социального успеха. Это поколение характеризуется широким диапазоном качеств: от возможности активно влиять на свою жизнь, готовности к изменениям, прагматизма и индивидуализма до глубоких чувств социального пессимизма, представляющим его нестабильным и страдающим [18; 22].

Анализ интервью старшего поколения (1928—1939 г.р.)

Содержание интервью показывает, что самыми важными являются события, связанные с Великой Отечественной войной и послевоенным периодом (100%), что также отражено в ядре представлений этой группы (табл. 2). В интервью

респондентов этого поколения присутствуют темы голода, бедности, помощи взрослым, радости победы.

«Есть хотелось всю жизнь, карточки, еды не хватало. В баню очередь, вши» (М.А., 1931 г.р.). «Очереди за хлебом огромные, есть хочется постоянно» (Е.Я., 1932 г.р.). «Есть хотелось не сказать как. Я вспоминала, как до войны мама дала мне бутерброд с колбасой, я есть не хотела и думала, куда бы его деть. Так и не съела» (А.К., 1928 г.р.). «Всю жизнь горячая вода для меня огромное счастье и блаженство — в войну трудно это было, да и потом тоже» (Е.М., 1935 г.р.). «Рядом с домом депо было, я ходила каждый день за кипятком. Чужих не пропускали, а меня пропускали» (Е.Я., 1932 г.р.). «Мама меня одну посылала в магазин с карточками, там очередь, но карточки ни разу не украли. Карточки были на хлеб и на мясо. Но вместо мяса давали воблу» (Л.М., 1935 г.р.). «В 1944 к майским и ноябрьским праздникам можно было купить муку. Надо было с вечера записаться, ночью отмечались, а утром с 8-ми часов начинали продавать. Номера писали чернильным карандашом на руке. Мама брала маленького братика, т.к. на номер давали 2 кг муки, — у него на маленькой ручке был синий номер» (Л.М., 1935 г.р.).

Наряду с тяжелыми эмоциональными реакциями присутствуют чувства гордости за победу, принадлежности к героическому времени, совместного разделения радости: «все обнимались и плакали», «хотелось быть со всеми».

В интервью уточнялось отношение к другому сложному периоду жизни, связанному с перестройкой и распадом СССР. Старшим поколением он описывается как тяжелый период, когда нужно было *выживать, что-то придумывать, помогать уже взрослым детям*. Присут-

ствуют темы обиды, несправедливости («всю жизнь работали, а остались ни с чем, нищие практически», «пенсии разве такие были до перестройки — на ту пенсию тогда можно было хорошо жить»), удивления («почему так все произошло», «нас никто не спрашивал, мы просто честно жили и работали»). Смыслы страдания, несправедливого отношения, ощущения бессилия, невозможности повлиять на ситуацию могут быть интерпретированы как острая восприимчивость к травме, вызванной социальными изменениями этого периода.

Тем не менее, для поколения «детей войны» война и послевоенное время выступают в качестве периода, который задает эталон значимости для всей последующей жизни. «По яркости это время несопоставимо ни с чем» (А.В., 1939 г.р.). «Это самое важное в моей жизни. Хотелось бы, чтобы внуки знали, как мы жили в войну, после войны, как трудно было» (М.М., 1935 г.р.). «В перестройку, конечно, тоже непросто было — зарплату не давали, пенсию задерживали, опять талоны на сахар, как в войну, мы, конечно, переживали это в тот момент, но с войной это не сопоставимо» (Е.Я., 1932 г.р.). «В 90-е Союз распался, партия распалась, а мы всю жизнь с этими идеалами жили, все с партбилетами, все рухнуло. Но это совсем другое, это не война» (М.М., 1935 г.р.).

Война и послевоенный период определили модели поведения и отношений на всю дальнейшую жизнь. В этом поколении уважение к хлебу, к продуктам очевидно: хлеб никогда не выбрасывается, продукты используются максимально. Уважительное отношение сохранилось и к вещам (одежда хорошая, пока можно ее отремонтировать, перешить; нового не надо — старое еще вполне приличное). Особая культура отношения к

материальному миру, сочетающая строгий рационализм со счастьем обладания минимумом, является примером того, как травмы прошлого определяют повседневную реальность будущего.

Анализ лексических конструкций показал, что конкретные периоды описываются в категориях «преодоления», «выживания». *Трудно было жить; очень тяжело было; непонятно, как выживали* — характеристики «проживания» периода перестройки и распада СССР у младшего поколения созвучны описаниям голодного и бедного детства «детей войны». В отношении периода перестройки и распада СССР у двух поколений присутствуют различные смыслы травматизации. У старшего поколения акцентируются темы предательства, брошенности, разрушения идеалов (несправедливо в отношении тех, кто «много отдал стране, честно работал, верил, был коммунистом»), что свидетельствует о морально-нравственном контексте травмы. У младшего поколения этот период в большей степени представлен темами физического и бытового выживания.

В отношении перестроечного периода самопрезентации старшего поколения могут быть интерпретированы в терминах жертвы («с нами поступили несправедливо, мы этого не заслужили»), чего не обнаруживается в повествованиях о войне и послевоенном времени, в которых присутствует тема избранности, принадлежности к своему поколению, обладающему особым жизненным опытом.

Заключение

Для определения травматичного события как центрального для поколе-

ния историческая значимость является важным, но не достаточным фактором; необходимым условием становится его характеристика в коллективном сознании поколения. Важно место, которое занимает это событие в континууме жизни поколения, и степень, в которой оно обладает характеристикой эталона, для сравнения с другими периодами жизни.

События различаются по степени воздействия — одни несут в себе сильный эмоциональный заряд, оказывают сильное эмоциональное влияние на людей, другие являются эпохальными, меняющими уклад жизни. Помнят события обоих типов, однако только эпохальные события играют ключевую роль в формировании групповой идентичности. В исследованиях показано, что европейцы, пережившие Вторую мировую войну, часто упоминают ее, говоря о событиях своей личной жизни, а американцы и канадцы поколения, на которое пришлось Вторая мировая война, упоминают ее гораздо реже европейцев [29].

В данном исследовании в качестве эталонных выступали события реально прожитые, представляющие историческую значимость и имеющие в коллективном сознании поколения смыслы травмы. Травма является и единовременным событием, «которое резко изменило жизнь», и процессом, «который продолжает оказывать воздействие на отношение людей к своему прошлому и на их восприятие своего настоящего и будущего. При таком подходе травма становится не столько точкой и даже не столько отправным пунктом, сколько многоточием, траекторией, цепью событий и переживаний» [28, с. 7], событием, «которое разворачивается во времени» [27, с. 250].

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айерман Р. Социальная теория и травма [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138. URL: http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/01_2013/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
2. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 141. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/141-2016/32010-kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (дата обращения: 10.05.2018).
3. Айерман Р. Интеллектуалы и культурная травма [Электронный ресурс] // InLiberty. 2014. URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (дата обращения: 04.08.2018).
4. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном Российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76–81.
7. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2008. 263 с.
8. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.01.2019).
9. Донцов А.И., Гончарова В.А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. 2005. № 1–2. С. 55–61.
10. Емельянова Т.П. Культурная травма: социально-психологические аспекты [Электронный ресурс] // Материалы итоговой научной конференции ИП РАН (14–15 февраля 2008 г.) / Ред. А.Л. Журавлев, Т.И. Артемьева. М.: ИП РАН, 2008. С. 75–85. URL: <https://refdb.ru/look/1623073.html> (дата обращения: 20.11.2018).
11. Емельянова Т.П. Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
12. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.
13. Кузнецова А.В. Коллективные воспоминания о политической власти в различные исторические периоды у представителей разных социальных групп россиян // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 102–116.

14. Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.
15. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. Т. 2. От психологической травмы к психотрансформации. М.: Психоаналитическая ассоциация, 2006. 576 с.
16. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 23–36.
17. Петрова Е.А. Феномен психотравмы: теоретический аспект // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. Т. 2. № 74. С. 89–91.
18. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
19. Семилет Н.В. Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления [Электронный ресурс] // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2014. № 2. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/pdf/2014/2/932.pdf> (дата обращения: 23.09.2018).
20. Травма: пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
21. Трубина Е. Феномен вторичного свидетельства: между безразличием и «отказом от недоверчивости» // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 171–205.
22. Федулова А. Поколение X и поколение Y — кто они и в чем разница [Электронный ресурс] // MOIARUSSIA. Вып. 14 февраля 2016 г. URL: <http://moiarussia.ru/rokolenie-y-rokolenie-x>. (дата обращения: 16.01.2019).
23. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. 2005. Т. 40–41. № 2–3. С. 8–27. // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (дата обращения: 12.11.2018).
24. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
25. Штомпка П. Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–17. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php>. (дата обращения: 10.10.2018).
26. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/827/688/1231/002Shtompka.pdf>. (дата обращения: 10.10.2018).
27. Ульберг С., Харт П., Бос С. Длинная тень беды: Общественная и политическая память о катастрофе // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 247–275.
28. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?»: О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–44.
29. Brown N.R., Lee P.J., Krslak M., Conrad F.G., Hansen T.G.B., Havelka J., Reddon J.R. Living in History how War, Terrorism, and Natural Disaster Affect the Organization of

- Autobiographical Memory // Psychological science. 2009. Vol. 20 (4). P. 399–405. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x
30. *Corning A, Schuman H.* Generation and collective memory // The University of Chicago Press. Chicago, 2015. 254 p.
31. *Kenny M.G.* Place for Memory: The Interface between Individual and Collective History // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41 (3). P. 420–437.
32. *Riessman C.K.* Analysis of personal narratives [Электронный ресурс] // Handbook of Interviewing / In Gubrium J.F. and Holstein J.A. (ed.). Sage Publications, 2001. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~brooks/storybiz/riessman.pdf>. (дата обращения: 21.10.2018).
33. *Smelser N.J.* Psychological trauma and cultural trauma // Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31–59.

Collective memories and cultural trauma of different generational groups

V.A. BARANOVA*,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, bva06@mail.ru

A.I. DONTSOV**,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, a.dontsov@mail.ru

The article theoretically substantiated the approach to the study of cultural trauma through the analysis of memories of generations, characterized by signs of injury. Scientific tasks involved the identification of events that construct two generations of memories of a particular historical period and an analysis of how these events can be characterized as a cultural trauma. The study used survey methods and in-depth interviews. The sample was 83 respondents. The content of collective memories testifies to the marked signs of cultural trauma, which is associated with a certain historical period: for the generation of 1961–1975. These are the events of the late 80s — early 90s, which determine the beginning of

For citation:

Baranova V.A., Dontsov A.I. Collective memories and cultural trauma of different generational groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 29–46. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100204

* *Baranova Victoria A.* — PhD in Psychology, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, bva06@mail.ru

** *Dontsov Aleksandr I.* — Doctor of Science in Psychology, Professor, Full member of the Russian Academy of Education, Professor of Social Psychology Department, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, a.dontsov@mail.ru

changes in the political and economic system: perestroika, the collapse of the USSR; for the generation of “children of war”, this event is the Great Patriotic War and the post-war period. Theoretical analysis and empirical research suggest that cultural trauma is reflected in the memories of generations. The study also recorded post-memory processes, – the attitude of the younger generation to the traumatic events of the twentieth century, which are beyond personal experience.

Keywords: *collective memories, cultural trauma, collective trauma, perceptions of the past, events of Russia of the twentieth century, generation, generation of “children of war”, significant events, post memory.*

Funding

This work was supported by grant RFFI № 17-06-00980 «The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society».

REFERENCES

1. Aierman R. Sotsial'naya teoriya i travma [Elektronnyi resurs] [Social Theory and Trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, 2013. Vol. 12, no. 1, pp. 121–138. URL: http://www.intelros.ru/pdf/socoboz/01_2013/SocOboz_12_1_07_Eyerman.pdf (Accessed: 05.05.2018).
2. Aierman R. Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Elektronnyi resurs] [Cultural trauma and collective memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, 2016, no. 141. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/141-2016/32010-kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-pamyat.html> (accessed 10.05.2018).
3. Aierman R. Intellektualy i kul'turnaya travma [Elektronnyi resurs] [Intellectuals and cultural trauma]. In Liberty, 2014. URL: <http://www.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturna-ya-travma> (Accessed 04.08.2018).
4. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 2012, no. 3, pp. 5–40.
5. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.
6. Baranova V.A., Doncov A.I. Kollektivnaya pamyat' o soby'tiyax v Rossii XX veka v sovremennom Rossijskom obshchestve [Collective memory of the events in Russia of the twentieth century in modern Russian society]. *Chelovecheskij kapital [Human capital]*, 2017, no. 11 (107), pp. 76–81.
7. Bovina I.B. Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni [Social psychology of health and illness]. Moscow: Aspekt Press, 2008. 263p.
8. Burlakova N.S. Psikhodinamika peredachi travmaticheskogo opyta ot pokoleniya k pokoleniyu v kontekste kul'turno-istoricheskoi klinicheskoi psikhologii [Psychodynamics of transferring traumatic experience from generation to generation in the context of cultural-historical clinical psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2016. Vol. 9, no. 45, pp. 11. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed date: 26.01.2019)

9. Dontsov A.I., Goncharova V.A. Kholokost kak fenomen sotsial'noi pamyati [The Holocaust as a phenomenon of social memory]. *Vek tolerantnosti [Age of Tolerance]*, 2005, no. 1–2, pp. 55–61.
10. Emel'yanova T.P. Kul'turnaya travma: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [Elektronnyi resurs] [Cultural Trauma: Socio-Psychological Aspects]. Materialy itogovoi nauch. konf. IP RAN (14–15 fevr. 2008 g.) [Proceedings of the final scientific. conf. IP RAS (Feb 14–15, 2008)]. In A.L. Zhuravlev, T.I. Artem'eva (eds.). Moscow: IP RAS, 2008, pp. 75–85. URL: <https://refdb.ru/look/1623073.html> (Accessed 20.11.2018).
11. Emel'yanova T.P. Kollektivnaya pamyat' o sovetskom proshlom: nazad v SSSR? [Elektronnyi resurs] [Collective memory of the Soviet past: back in the USSR?]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 2016. Vol 9, no. 47, pp. 4. URL: <http://psystudy.ru> (accessed 20.03.2019).
12. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: monografiya [Psychology of coping behavior: a monograph]. Kostroma: Avantitul, 2004. 344 p.
13. Kuznetsova A.V. Collective Memories of Political Power in Various Historical Periods in Representatives of Different Social Groups of Russians. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013. no. 3, pp. 102–115. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Levada Yu.A. Ishchem cheloveka: sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005 [Looking for a person: sociological essays. 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 384 p.
15. Magomed-Eminov M.Sh. Ekstremal'naya psikhologiya. T. 2. Ot psikhologicheskoi travmy k psikhotransformatsii [Extreme psychology. T. 2. From psychological trauma to psycho-transformation]. Moscow: Psikhooanaliticheskaya assotsiatsiya, 2006. 576 p.
16. Perestroika glazami rossiyan: 20 let spustya [Perestroika through the eyes of Russians: 20 years later]. *Sotsis [Socis]*, 2005, no. 9, pp. 23–36.
17. Petrova E.A. Fenomen psikhotravmy: teoreticheskii aspekt [The phenomenon of psychotrauma: a theoretical aspect]. *Vestnik Novg. GU [Vestnik Novg. State University]*, 2013. Vol. 2, no. 74, pp. 89–91.
18. Semenova V.V. Sotsial'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: the problem and reality]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 271 p.
19. Semilet N.V. Kontseptsiya transgeneratsii kollektivnoi travmy: sposoby itseleniya [Elektronnyi resurs] [The concept of collective trauma transgeneration: methods of healing]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri [Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia]*. 2014, no 2. URL: <http://bulletinpp.esrae.ru/pdf/2014/2/932.pdf> (accessed 23.09.2018).
20. Travma: punkty: sbornik statei [Injury: paragraphs: a collection of articles]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. 936 p.
21. Trubina E. Fenomen vtorichnogo svidetel'stva: Mezhdru bezrazlichiem i «otkazom ot nedoverchivosti» [The Phenomenon of Secondary Evidence: Between Indifference and “Refusal from Distrust”]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. *Travma: punkty: sbornik statei [Trauma: clauses: collection of articles]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 171–205.
22. Fedulova A. Pokolenie Kh i pokolenie Y – kto oni i v chem raznitsa [Elektronnyi resurs] [Generation X and Generation Y – who they are and what is the difference].

- MOIARUSSIA: Vyp. 14 fevralya 2016 g. URL: <http://moiarussia.ru/pokolenie-y-pokolenie-x>. (Accessed: 16.01.2019).
23. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. Neprikosnovennyi zapas [Elektronnyi resurs] [Collective and historical memory. Untouchable stock], 2005. Vol. 40–41, no. 2–3, pp. 8–27. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (access date: 12.11.2018).
24. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati [Social memory framework]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p.
25. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Elektronnyi resurs][Social change as a trauma]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 1, pp. 6–17. URL: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/512753-1-2001-shtompka-socialnoe-izmenenie-kak-travma-statya-pervaya-shtompka-petr-professor-yagellonskogo-universiteta-krako.php>. (Accessed 10.10.2018).
26. Shtompka P. Kul'turnaya travma v postkommunisticheskom obshchestve (stat'ya vtoraya) [Elektronnyi resurs] [Cultural trauma in a post-communist society (article two)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 2, pp. 3–12. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/827/688/1231/002Shtompka.pdf>. (access date: 10.10.2018).
27. Ul'berg S. Khart P., Bos S. Dlinnaya ten' bedy: Obshchestvennaya i politicheskaya pamyat' o katastrofe [The Long Shadow of Misfortune: Public and Political Memory of a Catastrophe]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma: Points: Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 247–275.
28. Ushakin S. Nam etoi bol'yu dyshat'»: O travme, pamyati i soobshchestvakh [Do we have this pain to breathe? ”: About trauma, memory and communities]. Comp. S. Ushakin and E. Trubina. *Travma: punkty: sbornik statei* [Trauma: points: collection of articles.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, pp. 5–44.
29. Brown N.R., Lee, P.J., Krslak M., Conrad F.G., Hansen T.G.B., Havelka J., Reddon J.R. Living in History how War, Terrorism, and Natural Disaster Affect the Organization of Autobiographical Memory. *Psychological science*, 2009. Vol. 20, no. 4, pp. 399–405. doi: 10.1111/j.1467-9280.2009.02307.x
30. Corning A, Schuman H. GeneratQion and collective memory. The University of Chicago Press. Chicago. 2015. 254 p.
31. Kenny M.G. Place for Memory: The Interface between Individual and CollectiveHistory. *Comparative Studies in Society and History*, 1999. Vol. 41(3), pp. 420–437.
32. Riessman C.K. Analysis of personal narratives [Electronic resource]. In J.F. Gubrium and J.A. Holstein (eds.). *Handbook of Interviewing*. Sage Publications, 2001. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~brooks/storybiz/riessman.pdf>. (accessed 21.10.2018).
33. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma. Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press, 2004, pp. 31–59.

Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях

М.А. ОДИНЦОВА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
mari505@mail.ru

Н.П. РАДЧИКОВА**,
ФГБОУ ВО РНИМУ, Москва, Россия,
nataly.radchikova@gmail.com

Н.В. КОЗЫРЕВА***,
БГПУ, Минск, Республика Беларусь,
kozyreva_nina@tut.by

Е.И. КУЗЬМИНА****,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kuzminaei@mgppu.ru

В статье представлен сравнительный анализ личностных ресурсов (жизнестойкости, самоактивации, личностного динамизма, самоконтроля) последнего советского (переходного) и постсоветского (нового) поколений белорусов и россиян. На материале сравнительного анализа личностных ресурсов четырех групп

Для цитаты:

Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И. Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 47–66. doi:10.17759/sps.2019100205

* *Одинцова Мария Антоновна* — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, mari505@mail.ru

** *Радчикова Наталья Павловна* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и педагогики, психолого-социальный факультет Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (ФГБОУ ВО РНИМУ), Москва, Россия, nataly.radchikova@gmail.com

*** *Козырева Нина Вячеславовна* — преподаватель кафедры психологии образования Института психологии, Белорусский государственный педагогический университет (БГПУ), Минск, Республика Беларусь, kozyreva_nina@tut.by

**** *Кузьмина Елена Ивановна* — декан факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, kuzminaei@mgppu.ru

($N=426$): переходного ($N=100$) и нового ($N=104$) поколений россиян; переходного ($N=93$) и нового ($N=129$) поколений белорусов рассматриваются: 1) различия в характеристиках жизнестойкости, самоактивации, самоконтроле и личностном динамизме; 2) структуры личностных ресурсов переходных и новых поколений белорусов и россиян. Показано, что жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм имеют разный уровень выраженности у разных поколений белорусов и россиян в зависимости от культурно-исторического контекста. Особенностью переходных поколений белорусов и россиян является более однородная структура личностных ресурсов в отличие от структуры личностных ресурсов новых поколений. В исследовании представлены проблематика историчности поколений и проблематика вклада культурно-исторических условий в личностные ресурсы, расширены представления о ситуациях вызова.

Ключевые слова: личностные ресурсы, жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм, культурно-исторические условия, ситуации вызова, распад СССР, поколения, белорусы, россияне.

Современный многогранный, постоянно меняющийся мир, мир неопределенности, транзитивности и вызовов требует от народов постсоветского пространства активизации личностных ресурсов. Личностные ресурсы опосредованы множеством факторов, среди которых: культурно-исторические условия; ситуации вызова; культурная вариативность в предпочтении тех или иных стратегий поведения. Сегодня мы являемся очевидцами и участниками существенных преобразований на территории постсоветского пространства, что предоставляет уникальную возможность исследования разных поколений людей с учетом вышеперечисленных факторов. Это своеобразный «естественный исторический эксперимент», поставленный самой жизнью и дающий нам богатую почву для анализа.

Особый интерес вызывают наиболее близкие народы: белорусы и россияне, объединенные историческим прошлым, культурными традициями, языком, но уже на протяжении 27 лет живущие в разных автономных государствах и, соответственно, в разных социально-политических,

экономических, культурных условиях. Необходимость анализа эмпирических данных с учетом культурно-исторического аспекта все чаще отмечается в исследованиях последних лет. Так, изучены личностные ресурсы разновозрастных групп в контексте культурно-исторических условий [31]; обозначена роль культурно-исторических условий в развитии личностных ресурсов людей разного возраста и разных этнических групп [6; 9]; сформированы представления об историчности поколений, признается многозначность понятия «поколение» и разнообразие в дифференциации поколений в зависимости от культурно-исторических изменений [27]. Установлено, что поколение — это культурно-историческая общность людей, имеющих схожие социально-психологические, ценностные, этнокультурные характеристики, сформировавшаяся под влиянием одних и тех же *значимых исторических событий*, ощущающая их воздействие в процессе взросления и способная адаптироваться к внешним вызовам и изменениям [12; 27]. При этом отмечается размывание возрастных границ между

поколениями в результате динамики и скорости общественных перемен [10; 30]. Признается дробная дифференциация поколений, что является новым явлением современной истории, обусловленным спецификой экономического, политического и культурного развития постсоветского пространства. Обозначается некоторая отчужденность между поколениями, разница в возрасте между которыми минимальна [10; 30]. Отчужденность подмечена и между наиболее близкими народами-братьями — белорусами и россиянами — в результате существенных преобразований ценностей [5; 22; 36; 37], характеристик культуры [4; 15; 16]; изменений в качестве и специфике жизни белорусского и российского общества [16; 28; 33] и т.д.

Таким образом, культурно-историческая теория может стать главным направлением исследования личностных ресурсов разных поколений постсоветских государств с учетом исторических событий. Сравнительно-исторические исследования, один из вариантов которых представлен в данной статье, позволяют углубиться в проблематику влияния культурно-исторических условий на своеобразие личностных изменений разных поколений белорусов и россиян, что придает полученным результатам более точный характер.

Из многочисленных личностных характеристик именно личностные ресурсы отражают наличие сил и внутренней готовности к преодолению ситуаций вызова. Действительно, исторические преобразования с последующими кардинальными социо-культуральными изменениями, приводящими к разрыву обществ, с одной стороны, создают высокое напряжение, переживаются как дистресс, приводят к дезадаптации отдельных людей и социальных групп. С другой, воспринимаясь как «ситуация вызова» личностному раз-

витию [17], порождают новые возможности, стимулируют активность, творческую энергию и приводят к переструктурированию личностных ресурсов. Несмотря на то, что большинство исследований концентрируются на негативной стороне воздействия трудных жизненных ситуаций на психологическое здоровье и благополучие людей, все чаще эмпирически выявляется компенсаторная, развивающая и адаптивная роль таких ситуаций. Так, выделены буферная и фильтрующая функции личностных ресурсов и отмечено положительное воздействие трудных жизненных ситуаций на развитие трансформационного совладания [11]; подчеркивается положительная стимулирующая роль кризисных ситуаций в жизни людей [26]; изучена роль трудной жизненной ситуации в активизации личностных ресурсов и адаптации к неопределенности [14]; отмечена роль динамичной и неустойчивой среды в развитии готовности к изменениям и оптимизации личностных ресурсов [21]. Все это делает личностные ресурсы ключевой личностной характеристикой в эпоху перемен и вызовов. Таким образом, целью данного исследования является анализ выраженности и структуры личностных ресурсов, которые разные поколения белорусов и россиян могут мобилизовать для адаптации к быстро меняющимся условиям.

Одной из причин дифференциации поколений стало такое значимое историческое событие в нашей стране, как распад Советского Союза. Жизнь народов поделилась на «до» и «после». «До» люди были объединены общим советским прошлым с его ценностями, идеологией, культурой, имели единое гражданство, что формировало чувство принадлежности к супердержаве. Жизнь «после» привела к формированию автономных, самостоятельных государств, существенно повлияла на

экономический, политический, культурный статус народов. Предполагается, что личностные ресурсы разных поколений белорусов и россиян могут иметь разный уровень выраженности в зависимости от культурно-исторических условий. Возможно, структуры личностных ресурсов последних советских поколений белорусов и россиян схожи, в отличие от структур новых поколений. Чем дальше мы двигаемся по исторической траектории в будущее, чем своеобразнее культурно-исторические условия и ситуации, тем больше может быть различий в личностных ресурсах даже самых близких народов.

Эмпирическое исследование

Участники исследования. В исследовании приняли участие два поколения белорусов и россиян ($N=426$): последнее советское (переходное) и постсоветское (новое). При формировании выборки учитывались место проживания (столицы двух стран), социальный статус и возраст поколенческих групп. Представителями *нового поколения* явились студенты вузов ($N=233$), из них: 129 человек (84 девушки и 45 юношей) из Беларуси и 104 человека (57 девушек и 47 юношей) — из России. Средний возраст россиян составил 22,0 года (медиана = 21 год, стандартное отклонение = 3,3). Средний возраст белорусов — 22,4 года (медиана = 21 год, стандартное отклонение = 3,2). Группы были эквивалентны по возрасту ($t(231)=0,95$; $p=0,34$) и по полу: мужчины составляли 35–45% выборки ($\chi^2=2,56$; $p=0,11$).

Вторую группу составило трудоспособное население с высшим образованием ($N=193$) Беларуси ($N=93$) и России ($N=100$). Это переходное поколение, оказавшееся на изломе эпох, поколе-

ние социализации по советскому типу, годы зрелости которого пришлись на период существования уже новых автономных государств. Средний возраст россиян составил $38,9\pm 5,2$ года (медиана = 39 лет), средний возраст белорусов — $38,5\pm 6,1$ года (медиана = 37 лет). Группы были эквивалентны по возрасту ($t(191)=0,51$; $p=0,61$). Мужчины составляли 33–34% выборок ($\chi^2=0,01$; $p=0,92$).

Различий по половому составу участников исследования не обнаружено в переходном и в новом поколениях россиян ($\chi^2=2,67$; $p=0,10$) и белорусов ($\chi^2=0,06$; $p=0,81$). Российские мужчины и женщины не различались по возрасту в переходном ($t(98)=1,93$; $p=0,06$) и в новом ($t(102)=0,09$; $p=0,93$) поколениях. Белорусские мужчины и женщины также не различались по возрасту в переходном ($t(91)=0,76$; $p=0,45$) и в новом ($t(127)=1,22$; $p=0,22$) поколениях.

Методики исследования. Ситуация перемен, являющаяся вызовом для переходного и нового поколений белорусов и россиян, требует активизации таких личностных ресурсов, как жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, готовность к изменениям. Это определило выбор методик исследования:

1) Методика самоактивации для изучения самостоятельности, физической и психологической активации разных поколений белорусов и россиян [24].

2) Тест жизнестойкости для анализа вовлеченности, контроля, принятия риска [25].

3) Опросник личностного динамизма для изучения готовности представителей разных поколений к изменениям, стремлениям к преобразованию [29].

4) Шкала самоконтроля для исследования личностно-мотивационных ресурсов по регулированию импульсивных побуждений [8].

Процедура исследования. Опросники предъявлялись как индивидуально, так и в небольших группах (от 5 до 15 человек) с инструкцией: «Нами проводится исследование личностных ресурсов людей разных поколений. Просим объективно ответить на вопросы». Продолжительность исследования занимала не более 20 минут.

Результаты исследования

Для сравнения степени проявления личностных ресурсов двух поколений, проживающих в разных странах (Россия и Беларусь), был применен t-критерий Стьюдента. Результаты анализа и описательная статистика по группам белорусов и россиян переходного и нового поколений представлены в табл. 1.

Результаты сравнения показывают, что переходные поколения россиян и

белорусов различаются только по одному показателю – контролю (шкала методики, измеряющая один из критериев жизнестойкости), который значительно выше у россиян. Новые же поколения россиян и белорусов различаются почти по всем личностным ресурсам и по всем итоговым шкалам используемых методик: самоактивации, самоконтролю, жизнестойкости и личностному динамизму, причем все эти показатели существенно выше у молодых россиян.

Сравнительный анализ исследуемых личностных ресурсов переходного и нового поколений россиян не выявил статистически значимых различий между ними (табл. 1), в то время как между поколениями белорусов значимых различий не получено только по одному показателю – самостоятельности. Все остальные личностные ресурсы в меньшей степени выражены у нового поколения белорусов, в отличие от переходного поколения.

Таблица 1

Выраженность личностных ресурсов разных поколений России и Беларуси

Поколения	Переходное		Новое		Уровень значимости различий			
					Россия–Беларусь		Переходное–новое поколения	
Страна	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Переходное	Новое	Россия	Беларусь
Самоактивация								
Самостоятельность	17 ± 3	17 ± 4	17 ± 3	16 ± 4	н.з	н.з	н.з	н.з
Физическая активация	16 ± 4	18 ± 4	16 ± 4	16 ± 4	н.з	н.з	н.з	<0,01
Психологическая активация	16 ± 3	15 ± 4	16 ± 3	13 ± 3	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Самоактивация (итоговый балл)	50 ± 8	50 ± 10	49 ± 8	46 ± 9	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Самоконтроль								
Самоконтроль	40 ± 7	38 ± 7	39 ± 8	34 ± 6	н.з	<0,01	н.з	<0,01

Поколения	Переходное		Новое		Уровень значимости различий			
					Россия—Беларусь		Переходное—новое поколения	
Страна	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Переходное	Новое	Россия	Беларусь
Жизнестойкость								
Вовлеченность	21 ± 5	22 ± 5	20 ± 5	19 ± 6	н.з	н.з	н.з	<0,01
Контроль	16 ± 4	13 ± 4	15 ± 4	11 ± 3	<0,01	<0,01	н.з	<0,01
Принятие риска	12 ± 3	11 ± 3	11 ± 4	10 ± 3	н.з	<0,05	н.з	<0,05
Жизнестойкость (итоговый балл)	49 ± 10	47 ± 10	47 ± 12	41 ± 11	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Личностный динамизм								
Личностный динамизм	33 ± 6	34 ± 6	34 ± 7	32 ± 5	н.з	<0,05	н.з	<0,01

Примечание. В таблице приведены среднее ± стандартное отклонение и уровни статистической значимости p

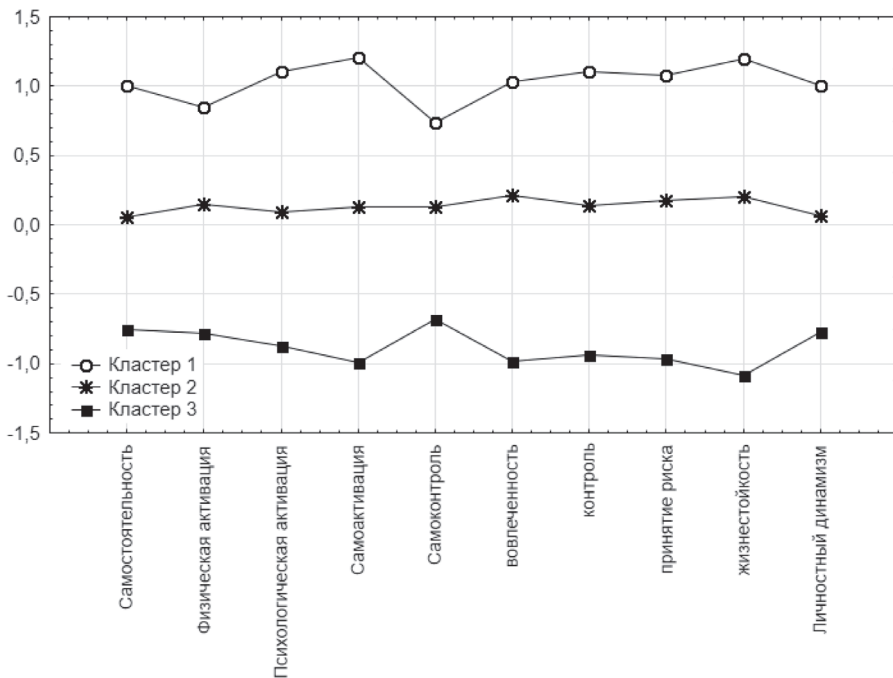

Рис. 1. Результаты кластерного анализа по методу k-средних

Для того чтобы проверить, как различаются выборки сразу по всем исследуемым характеристикам, был проведен кластерный анализ по методу *k*-средних. В качестве переменных выступили все личностные ресурсы, включая шкалы методик. Данные были предварительно нормированы. В качестве начальных центров кластеров брались наблюдения, максимизирующие начальные расстояния между ними. Результаты кластерного анализа (рис. 1) демонстрируют, что всех респондентов можно разделить на три группы: с высоким (кластер 1), средним (кластер 2) и низким уровнем выраженности личностных ресурсов (кластер 3).

Результаты деления на кластеры для различных поколений Беларуси и России представлены в табл. 2. При сравнении участников исследования мужского и женского пола по принадлежности к определенному кластеру статистически значимых различий не выявлено ($\chi^2=3,21$; $p=0,20$). Не оказалось статистически значимых различий и между переходными поколениями двух стран ($\chi^2=0,37$; $p=0,83$). Примерно половина россиян и белорусов переходного поколения попала в группу со средним уровнем выраженности личностных ресурсов (50% и 51% со-

ответственно), четверть опрошенных — в группу с низким уровнем (23% и 26% соответственно) и четверть — в группу с высоким (27% и 24% соответственно).

Различия же между новыми поколениями оказались существенными ($\chi^2=10,76$; $p=0,0046$). Так, в белорусской выборке почти половина респондентов попала в группу с низким уровнем выраженности личностных ресурсов (47%), тогда как в российской — менее трети (31%). Примерно треть респондентов нового поколения россиян (28%) отличается высоким уровнем личностных ресурсов, среди нового поколения белорусов — таких только 12%. К группе со средним уровнем личностных ресурсов относится примерно одинаковое количество представителей нового поколения белорусов и россиян (по 41%).

Как видим, переходные поколения белорусов и россиян не различаются по уровню выраженности личностных ресурсов, что не свойственно новым поколениям, выросшим уже в совершенно других культурно-исторических условиях.

Сравнительный анализ переходного и нового поколений россиян по уровню выраженности личностных ресурсов показал, что различий между ними не наблюдается

Таблица 2

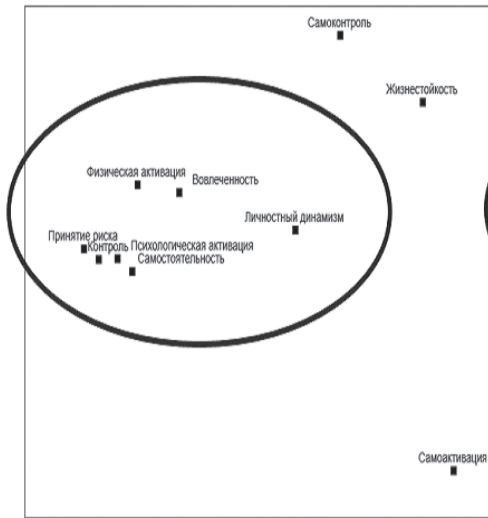
Соотношение респондентов (число человек и проценты) с высоким, средним и низким уровнем выраженности личностных ресурсов в зависимости от страны проживания и принадлежности к разным поколениям

Уровень выраженности личностных ресурсов	Переходное поколение		Новое поколение	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
Высокий	27	22	29	16
	27,00%	23,66%	27,88%	12,40%
Средний	50	47	43	53
	50,00%	50,54%	41,35%	41,09%
Низкий	23	24	32	60
	23,00%	25,81%	30,77%	46,51%
Всего	100	93	104	129

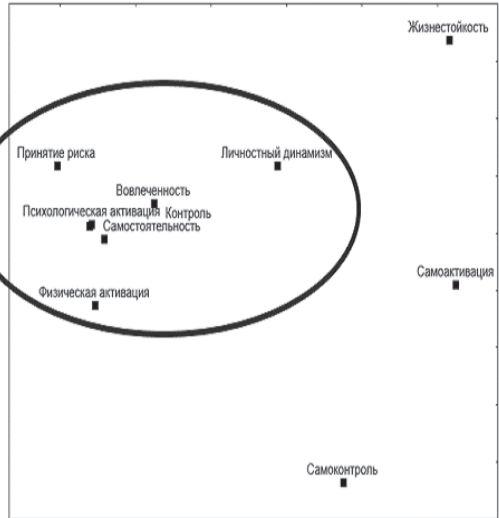
($\chi^2=1,99$; $p=0,37$), тогда как различия между разными поколениями белорусов оказались существенными ($\chi^2=11,19$; $p=0,0037$).

Для того чтобы установить, различаются ли структуры исследуемых нами личностных ресурсов разных поколений

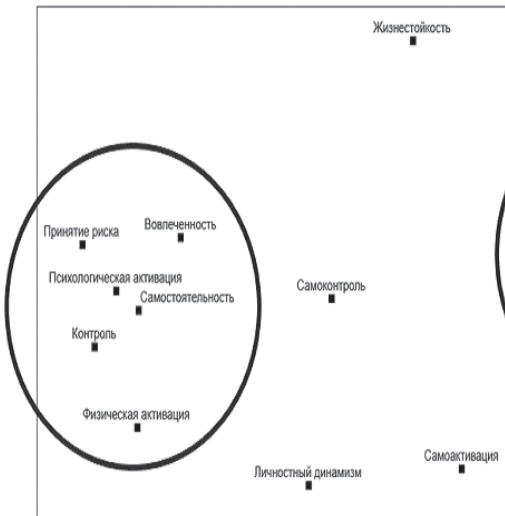
белорусов и россиян, был применен метод многомерного шкалирования на основании матрицы сходства между личностными ресурсами (сходство определялось с помощью метрики Евклида). Результаты анализа представлены на рис. 2.

а) Переходное поколение белорусов

б) Переходное поколение россиян

в) Новое поколение белорусов

г) Новое поколение россиян

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования для разных поколений белорусов и россиян

Результаты анализа показали, что у переходных поколений белорусов и россиян довольно четко выделяется основной блок личностных ресурсов, в который включаются: физическая и психологическая активация, вовлеченность, контроль, самостоятельность и принятие риска. При этом такие характеристики, как самоактивация, самоконтроль и жизнестойкость занимают обособленное положение. У белорусов самоконтроль связан с жизнестойкостью, а у россиян — с самоактивацией, однако в целом прослеживается сходство в структурах личностных ресурсов данных групп.

У новых поколений белорусов и россиян наблюдается большая дифференциация между личностными ресурсами по сравнению с переходными поколениями. «Основной» блок имеет более размытый характер. Личностный динамизм связан с характеристиками данного блока в меньшей степени, он связан с жизнестойкостью у россиян и с самоактивацией у белорусов. У нового поколения россиян самоконтроль соотносится с самоактивацией так же, как и у переходного поколения. У нового поколения белорусов жизнестойкость не связана с самоконтролем, выделившись фактически в независимый личностный ресурс.

Таким образом, структуры личностных ресурсов переходных поколений довольно схожи, в отличие от более размытых и дифференцированных структур новых поколений белорусов и россиян.

Обсуждение результатов

Такое глобальное историческое событие, как распад СССР, для перестроенных поколений является особенно значимым, что подтверждается много-

численными исследованиями [1; 3; 13] и становится ситуацией вызова [17; 18]. Д.А. Леонтьев определяет вызов в самом общем виде как нечто, «что предъявляет какая-то внешняя (по отношению к нашему Я) ситуация» [18, с. 450]. Это требование, призывающее к тому или иному роду активности. В качестве вызовов рассматривают три класса ситуаций [18] и соответствующие им активности:

1) ситуации неопределенности, требующие гибкости, личностного динамизма;

2) ситуации достижения, требующие жизнестойкости (вовлеченности, контроля, принятия риска) как способности к реализации целей вопреки ограничениям;

3) ситуации угрозы, призывающие к сохранению устойчивости с одновременным противостоянием им, что задействует самоконтроль.

Исходя из результатов нашего исследования, возникает необходимость обозначить четвертый тип ситуации вызова: ситуации устоявшейся, «застывшей» реальности. На наш взгляд, такие ситуации становятся наиболее трудными, так как заданные предопределенность, стабильность, однозначность не способствуют умножению степеней свободы и ограничивают личностные ресурсы, что может объяснять более низкие показатели личностных ресурсов для нового поколения белорусов. Как подметил Н. Талев в своей книге «Антихрупкость»: «Мы, возможно, станем более хрупкими, если оградим себя от любых ядов, а дорога к неуязвимости начинается с малой толики вреда» [32]. Новое поколение белорусов, выросшее в относительно безопасных и стабильных условиях [36], оказалось более «хрупким», в отличие от молодого поколения россиян и в отличие от двух переходных поколений. Как свидетельствуют многие специалисты [1; 21; 27], исторически

жизнь россиян никогда не отличалась стабильностью. И в ситуациях чередования стабильности с нестабильностью молодые россияне более позитивно воспринимают вызовы современности, считают их дорогой к успеху, проявляют активность и т.д. Для молодых белорусов устоявшаяся, «застывшая» реальность становится серьезным испытанием.

Кроме этого, важную роль играет и специфика белорусской культуры как культуры стыда, отзывчивости, жертвенности, бескорыстия [22]. Молодые белорусы «полагаются на внешние санкции за хорошее поведение», стыдятся отвержения, осмеяния [22, с. 50]. Такую культуру можно назвать дефензивной. В работе М.Е. Бурно с парадоксальным названием «Сила слабых» [7] дан психологический портрет особой группы дефензивных людей: «Дефензивный человек — не авторитарный, не агрессивный, не склонный командовать, а наоборот, защищающийся, “поджимающий хвост” в той обстановке, где агрессивный “оскаливается”» [7]. Такой человек неуверен в себе, тревожно-мнителен, стеснителен, астеничен, слабоволен, склонен к сомнениям и самообвинению, обостренному чувству вины. Сама сущность его душевных переживаний — врожденная борьба чувства неполноценности с ранимым самолюбием [7]. Одновременно с этим автор подчеркивает, что дефензивные люди тревожно одухотворены, интеллигентно деликатны, отличаются глубокой духовностью, именно такими людьми так много сделано в культуре. Далее автор подмечает, что дефензивность — тонкое, нежное образование, но удивительно стойкое, серьезно сопротивляющееся любому вредному воздействию [7]. Удивительно точное описание, данное М.Е. Бурно, полностью совпадает

с записками странствующих по Беларуси социологов [3] и в большей степени характеризует новое поколение белорусов. Данные характеристики подтверждаются и исследованиями Е.В. Беляевой, которая подметила в белорусской молодежи первого поколения периода социальной трансформации недостаток ориентации на активность, предприимчивость, соревновательность, успех, избыток созерцательности и стремления к медленным переменам [2].

Вместе с тем, в ситуациях вызова ставится вопрос о переосмыслении прошлого, необходимости отказа от устаревших, изживших себя представлений и поиска сил для вызова «застывшей» реальности. У переходных поколений белорусов и россиян и нового поколения россиян достаточно таких сил, сформирована готовность к переменам и действиям в самых неожиданных обстоятельствах. Общий ход истории, сами ситуации вызова сформировали такой тип личности: «бывалый народ» как народ, прошедший через много испытаний и накопивший богатейший жизненный опыт, являющийся основой жизнестойкости, самоактивации, личностного динамизма и т.п. Сложности возникают у тех, кому по тем или иным причинам не удалось приобрести такой опыт. Отсюда сниженный уровень личностных ресурсов, столь необходимых для совладания с вызовами.

Таким образом, структуры личностных ресурсов *переходных* поколений белорусов и россиян схожи, в них можно выделить четыре важнейших компонента:

- 1) личностный динамизм, обеспечивающий гибкость в ситуациях неопределенности, возможность выбора альтернатив, способность отказаться от старого, изжившего себя способа преодоления и найти наиболее оптимальный;

2) самоконтроль как сохранение устойчивости в ситуациях угрозы;

3) жизнестойкость как способность к реализации целей вопреки ограничениям;

4) самоактивация как способность к самостоятельности, физической и психологической активации даже в ситуациях «застывшей» реальности, которые занимают все же большую часть жизни человека.

В структуре личностных ресурсов новых поколений белорусов и россиян выделяется пятый компонент, объединяющий множество исследуемых нами характеристик. Данный компонент получил название «Самостоятельность», т.к. это единственная характеристика, по которой не было обнаружено различий между разными поколениями белорусов и россиян. Стремление к автономии и независимости, свободе и ответственности может стать ключевым ресурсом новых поколений белорусов и россиян.

Как видим, поворотные исторические события включают три ситуации вызова, которые взаимосвязаны между собой и требуют мобилизации личностных ресурсов. Ситуации устоявшейся, «застывшей» реальности как ситуации, препятствующие активизации личностных ресурсов, требуют более пристального и углубленного анализа. Ясно одно: ими нельзя пренебрегать. Как показало наше исследование, переходные поколения белорусов и россиян по степени выраженности и структурам личностных ресурсов практически не различаются. Это сильные поколения, главными качествами которых, по мнению В.И. Пищик [27], являются постоянная готовность к переменам, мобильность и расчет только на собственные силы и опыт. Переходное поколение белорусов еще сохранило

память о принадлежности к «огромной стране, где есть Камчатка, Памир, Крым, Байкал» [3], чувство причастности к великой культуре [13]. Поколение, которое утратило все это в один миг, но пройдя через «глобальную катастрофу», гибко лавируя между прошлым и новым мирами, смогло адаптироваться к новому миру и окрепнуть. Единственным исключением является такая характеристика жизнестойкости, как контроль, который свидетельствует о возможности управления своими ресурсами, уверенности в себе, своих решениях и который в большей степени характерен переходному поколению россиян, в отличие от белорусов. Выявленные различия по данной характеристике в очередной раз подтвердили ранее проведенные нами исследования [23] и исследования других авторов [20]. Вероятно, это связано с национальным характером белорусов, в который вкрапляются: неуверенность, «памяркоунасць» (сродни виктимности, терпимости), «сціпласць» (скромность) [3], покорность, беспомощность [35] и т.д., формирующие общее понимание белорусской культуры как особой дефензивной культуры.

Таким образом, переходные поколения белорусов и россиян — это поколения постоянной борьбы за выживание. Как сказал один из респондентов странствующих социологов С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой: «Мне кажется, что народ постоянно закалялся в тяжелые моменты, потому что, когда все безоблачно и хорошо, теряется чутье для самосохранения» [3]. Вероятно, поэтому в условиях «безоблачности» мы наблюдаем сниженный уровень личностных ресурсов у молодых белорусов, в отличие от трех других исследуемых нами групп.

Выводы

1. Уровень развитости личностных ресурсов разных поколений белорусов и россиян зависит от культурно-исторических условий; ситуаций вызова; культурной вариативности в стратегиях поведения. Вызовом становятся ситуации неопределенности, требующие гибкости и личностного динамизма; ситуации достижения, призывающие к жизнестойкости; ситуации угрозы, требующие самоконтроля, и ситуации устоявшейся, застывшей реальности, требующие самоактивации. Такое значимое историческое событие, как распад СССР, продуцирует три ситуации вызова, взаимосвязанных между собой: неопределенности, достижения и угрозы. Ситуация устоявшейся, застывшей реальности — это специфическая ситуация вызова, значением которой нельзя пренебрегать, так как именно она в большей степени может ослаблять ресурсы личности в отличие от других ситуаций. Вариативность поведения в ситуациях вызова в некоторой степени определяется национальным характером белорусов и россиян, который все четче проявляется при разобщении двух народов.

2. Личностные ресурсы (жизнестойкость, самоактивация, личностный динамизм, самоконтроль) переходных поколений белорусов и россиян и нового поколения россиян способствуют их готовности к вызовам современности, в отличие от нового поколения белорусов,

ресурсы которого ослаблены. Контроль как одна из характеристик жизнестойкости, отражающая возможность управления своими ресурсами, уверенность в себе и своих решениях, снижен у белорусов в двух поколениях и, возможно, связан с дефензивностью как обобщающей характеристикой национального характера белорусов. Дефензивность нового поколения белорусов выступает более выпукло и, с одной стороны, свидетельствует об уязвимости, с другой, являясь «тонким, нежным образованием», позволяет белорусской молодежи быть гибкой в ситуациях застывшей реальности.

3. В структуре личностных ресурсов *переходных* поколений белорусов и россиян выделяются четыре взаимосвязанных компонента: 1) личностный динамизм, обеспечивающий гибкость в ситуациях неопределенности; 2) самоконтроль как сохранение устойчивости при ситуациях угрозы; 3) жизнестойкость как способность к реализации целей вопреки ограничениям в ситуации достижений; 4) самоактивация как способность к самостоятельности, физической и психологической активации в ситуациях устоявшейся, застывшей реальности. В структуре личностных ресурсов новых поколений белорусов и россиян выделяется пятый компонент: самостоятельность как стремление к автономии и независимости, свободе и ответственности. Он может стать ключевым ресурсом для новых поколений таких близких, но постепенно отдаляющихся друг от друга народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76—82.
2. Беляева Е.В. Система нравственности современного белорусского общества // Философско-культурологические исследования. Сб. статей. Вып. 1. / Под общ. ред. А.А. Легчилина, Т.Г. Румянцевой. Минск: БГУ, 2011. С. 66—93.

3. *Борисов С., Юшкова-Борисова Ю.* Понять Беларусь. Записки странствующих социологов. М.: Издательские решения, 2018. 214 с.
4. *Бражник Ю.В., Гриценко В.В.* Социальные представления русских и белорусов о мужских ролях в зависимости от связи с психологическими измерениями культуры [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 2 (10). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 30.08.2018).
5. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Глобализация отчуждения: в поисках альтернативы // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661). С. 141–156.
6. *Бурлакова Н.С., Давидович П.С.* Опыт культурно-исторического анализа эмоционально-личностного развития детей в разной социальной и исторической ситуации [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.07.2018).
7. *Бурно М.Е.* Сила слабых [Электронный ресурс] // URL: <http://afield.org.ua/force.html> (дата обращения: 12.08.2018).
8. *Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В.* Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46–58. Doi:10.17759/chp.2016120205
9. *Донцов Д.А.* Культурно-исторические условия в качестве фактора влияния на личностные ресурсы лиц зрелого и молодого возрастов в контексте преодоления ими критических ситуаций // Сборник докладов по результатам научно-практической конференции «Человек в мире неопределенности: методология культурно-исторического познания», приуроченной к 120-летию Л.С. Выготского (г. Москва, 15–16 ноября 2016 г.) / Под ред. Т.Н. Сахаровой. М.: МПГУ, 2016. С. 39–51.
10. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
11. *Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 323–346.
12. *Карелин М.А., Калининкова М.В.* Социальная гибридизация в контексте поколенческих субкультур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 3. С. 43–46.
13. *Кара-Мурза С.Г.* Крах СССР. Кто виноват. М.: Алгоритм, 2016. 448 с.
14. *Коваленко С.Р.* Влияние хронического стресса на отношение человека к неопределенности // Университетская клиника. 2017. Т. 1. № 3 (24). С. 118–122.
15. *Латова Н.В.* Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник социологии. 2016. № 4. С. 156–179.
16. *Лашук И.В., Таранова Е.В.* Сфера культуры в социологическом измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3 (19). С. 7–31. doi: 10.19181/snsp.2017.5.3.5353
17. *Леонтьев Д.А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.08.2018).

18. Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 675 с.
19. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. 328 с.
20. Леоненко Н.О., Панькова А.М. Этнопсихологические особенности и условия развития жизнестойкости студентов: учебное пособие. Екатеринбург, 2015. 173 с.
21. Логинова И.О. Проблема устойчивости жизненного мира как возможности жизненного самоосуществления человека в изменяющемся мире // Социальный мир человека. Вып. 8. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.) / Под ред. Н.И. Леонова. Ижевск: ERGO, 2018. С. 365–369.
22. Мацевич М.Я., Валеитенок В.В. Проблема национальной белорусской идеологии в системе трансформирующегося общества // Вестник Северо-восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2017. № 4 (08). С. 43–52.
23. Одинцова М.А., Семенова Е.М. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 82–89.
24. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.05.2018).
25. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
26. Пергаменик Л.А., Новак Н.Н. Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 161–169.
27. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
28. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношениях разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–84. Doi: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84
29. Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66–84.
30. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 100–107. Doi: 10.17759/chrp.2015110210
31. Сенкевич Л.В., Базаркина И.Н. Специфика личностных ресурсов преодоления критических ситуаций и ненормативных кризисов у лиц зрелого возраста в разных культурно-исторических условиях // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 13–21.
32. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2016. 768 с.
33. Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Социальные детерминанты русско-белорусских отношений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского

государственного аграрного университета. 2016. № 124 (10). С. 875–886. Doi: 10.21515/1990-4665-124-058

34. Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. Doi: 10.17759/sps.2016070206

35. Филиппова М.В. Особенности стратегий совладания, способов восстановления психоэмоционального состояния молодежных аудиторий некоторых этносов России и ближнего зарубежья // Технологии гражданской безопасности. 2017. Т. 14. № 1 (51). С. 50–58.

36. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск: БГУ, 2009. 231 с.

37. Янчук В.А. Социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива психологической проблематики формирования ценностей в контексте реалий XXI века // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломная адукацыі. 2016. № 14. С. 540–562.

Comparative analysis of personal resources of belarusian and russian transitional and new generations in new cultural and historical conditions

M.A. ODINTSOVA*,

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
Mari505@mail.ru*

N.P. RADCHIKOVA**,

*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia,
nataly.radchikova@gmail.com*

N.V. KOZYREVA***,

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus,
Kozyreva_nina@tut.by*

For citation:

Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V., Kuzmina E.I. Comparative analysis of personal resources of Belarusian and Russian Transitional and New Generations in New Cultural and Historical Conditions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 47–66. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100205

* *Odintsova Maria A.* – PhD in Psychology, Professor., Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Mari505@mail.ru

** *Radchikova Natalia P.* – PhD in Psychology, Associate Professor, Psychologico-Social Faculty, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, nataly.radchikova@gmail.com

*** *Kozyreva Nina V.* – teacher, Institute of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, Kozyreva_nina@tut.by

E.I. KUZMINA****,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
kuzminaei@mgppu.ru

A comparative analysis of personal resources (hardiness, self-activation, personal dynamism, self-control) of the last Soviet (transitional) and post-Soviet (new) generations of Belarusians and Russians is presented. On the basis of the comparative analysis of four groups (N = 426): transitional (N = 100) and new (N = 104) generations of Russians; transitional (N = 93) and new (N = 129) generations of Belarusians, the following aspects are considered: 1) differences in the characteristics of resilience, self-activation, self-control and personal dynamism; 2) the structure of personal resources of transitional and new generations of Belarusians and Russians. It is shown that vitality, self-activation, self-control, personal dynamism have different levels of expression in different generations of Belarusians and Russians, depending on the cultural and historical context. A peculiarity of the transitional generations of Belarusians and Russians is the homogeneous structure of personal resources, in contrast to the structure of the personal resources of new generations. This type of research introduces the problems of the historicity of generations and the problems of the contribution of cultural-historical conditions and situations of challenge to personal resources.

Keywords: *personal resources, hardiness, self-activation, self-control, personal dynamism, cultural and historical conditions, challenge, USSR collapse, generations, Belarusians, Russians.*

REFERENCES

1. Baranova V.A. Dontsov A.I. Kollektivnaya pamyat' o sobytiyakh v Rossii XX veka v sovremennom rossiiskom obshchestve [Collective memory of events of russia of the xx century in the modern russian society]. *Chelovecheskii kapital [Human capital]*, 2017, no. 11 (107), pp. 76–82. (In Russ.; abstr. in Engl.).
2. Belyaeva E.V. Sistema npravstvennosti sovremennogo belorusskogo obshchestva [Morality system in the late-modern belarusian society]. In Legchilina A.A. (ed.). *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya [The philosophical and cultural of the study]*. Minsk: BGU Publ., 2011, pp. 66–93.
3. Borisov S., Yushkova-Borisova Yu. Ponyat' Belarus'. Zapiski stranstvuyushchikh sotsiologov [Elektronnyi resurs] [To Understand Belarus. Notes of wandering sociologists]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ., 2018. URL: https://ridero.ru/books/ponyat_belarus/ (Accessed 28.07.18)
4. Brazhnik Yu.V. Gritsenko V.V. Sotsial'nye predstavleniya russkikh i belorusov o muzhskikh rolyakh v zavisimosti ot svyazi s psikhologicheskimi izmereniyami kul'tury [Elektronnyi resurs] [Social representations of Russians and Belarusians about male roles,

**** *Kuzmina Elena I.* — Dean of the Faculty of Distance Learning of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, kuzminaei@mgppu.ru

- depending on the connection with the psychological dimensions of culture]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2012, no. 2 (10), URL: www.sisp.nkras.ru (Accessed 30.08.2018).
5. Bulavka-Buzgalina L.A. Globalizatsiya otchuzhdeniya: v poiskakh al'ternativy [Globalization of alienation: In Search of an alternative]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2017, no 1, pp. 141–156. (In Russ.; abstr. in Engl.).
6. Burlakova N.S., Davidovich P.S. Opyt kul'turno-istoricheskogo analiza emotsional'no-lichnostnogo razvitiya detei v raznoi sotsial'noi i istoricheskoi situatsii [Elektronnyi resurs] [The experience of cultural and historical analysis of the emotional-personal development of children in different social and historical situations]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2018. Vol. 11, no. 58. p. 8. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 09.07.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Burno M.E. Sila slabykh: psikhoterapevticheskaya kniga [Elektronnyi resurs] [The power of the weak. The book of psychotherapeutic]. Moscow: PRIOR Publ., 1999. 368 p. URL: <http://afield.org.ua/force.html> (Accessed 12.08.2018).
8. Gordeeva T.O., Osin E.N., Suchkov D.D., Ivanova T.Yu., Sychev O.A., Bobrov V.V. Samokontrol' kak resurs lichnosti: diagnostika i svyazi s uspešnost'yu, nastoichivost'yu i blagopoluchiem [Self-control as a resource of personality: diagnosis and connection with success, perseverance and well-being]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2016, no. 12(2), pp. 46–58. doi:10.17759/chp.2016120205 (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Dontsov D.A. Kul'turno-istoricheskie usloviya v kachestve faktora vliyaniya na lichnostnye resursy lits zrelogo i molodogo vozrastov v kontekste preodoleniya imi kriticheskikh situatsii [Cultural and historical conditions as a factor of influence on personal in resources of persons of Mature and young age in the context of overcoming critical situations]. Sbornik dokladov po rezul'tatam nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek v mire neopredelennosti: metodologiya kul'turno-istoricheskogo poznaniya», priurochennoi k 120-letiyu L.S. Vygotskogo (g. Moskva, 15–16 nojabrja 2016 g.). [Proceedings of the scientific and practical conference “Personality in the world of uncertainty: methodology of cultural and historical knowledge”, to the 120-th anniversary of L.S. Vygotsky]. In T.N. Saharova (eds.). Moscow, MPG U Publ., 2016, pp. 39–51.
10. Emelin V.A., Thostov A.Sh. Deformatsiya hronotopa v uslovijah sociokul'turnogo uskorenija [Deformation of the chronotope in terms of social and cultural acceleration]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2015, no. 2, pp. 15–24. (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Ivanova T.Yu., Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Funktsii lichnostnykh resursov v situatsii ekonomicheskogo krizisa [Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics.], 2016. Vol. 13, no. 2, pp. 323–346. (In Russ., Abstr. in Engl.).
12. Karelin M.A., Kalinnikova M.V. Sotsial'naya gibridizatsiya v kontekste pokolencheskikh subkul'tur [Social Hybridization in the Context of Generational Subcultures]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya*

- [*Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*], 2015. Vol. 15, no. 3, pp. 43–46. (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Kara-Murza S.G. Krakh SSSR. Kto vinovat [USSR collapse. Who is to blame]. Moscow. Publ.: Algoritm. 2016. 448 p.
14. Kovalenko S.R. Vliyanie khronicheskogo stressa na otnoshenie cheloveka k neopredelennosti [Influence of chronic stress on human relationship to uncertainty]. *Universitetskaya klinika [University clinic]*, 2017, no. 3–1 (24), pp. 118–122. (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Latova N.V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G.Khofsteda) [Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G.Hofsted)]. *Vestnik sotsiologii [Herald of Sociology]*, 2016, no. 4, pp. 156–179. (In Russ., Abstr. in Engl.).
16. Lashuk I.V., Taranova E.V. Sfera kul'tury v sotsiologicheskom izmerenii [Sociological Analysis of the Cultural Sector]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological science and social practice]*, 2017, no. 3 (19), pp. 7–31. doi: 10.19181/snsp.2017.5.3.5353
17. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti [Elektronnyi resurs] [Challenge to uncertainty as the central problem of personality psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 2. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 21.08.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
18. Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: Structure and diagnostics]. In Leont'ev D.A. (eds.) Moscow: Smysl. Publ. 2011. 675 p.
19. Levada Yu.A. Pokoleniya XXI veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XX century: possibilities of studying]. Ottsy i deti: pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii [Fathers and Sons. Generational analysis of contemporary Russian]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 328 p.
20. Leonenko N.O., Pan'kova A.M. Etnopsikhologicheskie osobennosti i usloviya razvitiya zhiznestoikosti studentov [Ethnopsychological features and conditions for the development of students' resilience]. *Uchebnoe posobie [A textbook]*, Ekaterinburg: 2015, 173 p.
21. Loginova I.O. Problema ustoichivosti zhiznennogo mira kak vozmozhnosti zhiznennogo samoosushchestvleniya cheloveka v izmenyayushchemsya mire [Sustainability of the life world as an opportunity for self-realization in a changing world]. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek i mir: mirosozidanie, konflikt i mediatsiya» (g. Izhevsk, 5–7 aprelya 2018 g.) [Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference «Man and the world: peace, conflict and mediation»]. In N.I. Leonov (eds.). Izhevsk: ERGO Publ., 2018, pp. 365–369.
22. Matsevich M.Ya., Valeitenok V.V. Problema natsional'noi belorusskoi ideologii v sisteme transformiruyushchegosya obshchestva [The Problem of the National Belarusian Ideology in the System of the Transforming Society]. *Vestnik Severo-vostochnogo Federal'nogo universiteta im. M.K.Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo [Vestnik of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov]*, 2017, no. 24 (08), pp. 43–52. (In Russ.; abstr. in Engl.).

23. Odintsova M.A., Semenova E.M. Preodolevayushchie strategii povedeniya belorusov i rossiyan [Overcoming the strategies of behavior of Belarusians and Russians]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2011, no. 3, pp. 82–89. (In Russ.; abstr. in Engl.).
24. Odintsova M.A., Radchikova N.P. Razrabotka metodiki samoaktivatsii lichnosti [Elektronnyi resurs] [Development of a technique for self-activation of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018, Vol. 11, no. 58, p. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 03.08.2018). (In Russ.; abstr. in Engl.).
25. Osin, E.N., Rasskazova, E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoikosti: psikhometricheskie kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste [A short version of the viability test: psychometric characteristics and application in the organizational context]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 14. Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 2013, 2, pp. 147–165.
26. Pergamenschik L.A., Novak N.G. Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals Who Have Experienced Critical Events. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 161–169. doi:10.17759/sps.2015060412. (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Pishchik V.I. Pokoleniya: sotsial'no-psikhologicheskii analiz mental'nosti [Generation: a socialpsychological analysis of mentality]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ.; abstr. in Engl.).
28. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Psikhologiya vospriyatiya sotsial'noi distantsii v otnosheniyakh raznykh stran mira: vzglyad iz Rossii [Perception psychology on social distance to different countries: russian view]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2018. Vol.18, no. 1, pp. 66–84. doi: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84 (In Russ.; abstr. in Engl.).
29. Sapronov D.V., Leont'ev D.A. Lichnostnyi dinamizm i ego diagnostika [Personal dynamism and its diagnostics]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2007, no. 1, pp. 66–84.
30. Sivrikova N.V. Problems of Research on Generations in Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 100–107. doi:10.17759/chp.2015110210. (In Russ., abstr. in Engl.).
31. Senkevich L.V., Bazarkina I.N. Spetsifika lichnostnykh resursov preodoleniya kriticheskikh situatsii i nenormativnykh krizisov u lits zrelogo vozrasta v raznykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Specificity of Personal Resources to Overcome Critical Situations and Non-normative Crises in Persons of Mature Age in Different Cultural and Historical Conditions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Psychological Sciences], 2012, no. 4, pp. 13–21. (In Russ.; abstr. in Engl.).
32. Taleb N.N. Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa [Elektronnyi resurs] [Antifragility. How to derive a benefit from chaos]. Moscow: KoLibri Publ., 2014. 768 p. URL: <http://baguzin.ru/wp/nassim-nikolas-taleb-antikhrupkost-k/> (Accessed 10.08.2018).
33. Tuzhba E.N. Pchegatluk S.K. Sotsial'nye determinanty russko-belorusskikh otnoshenii [Social determinants of russianbelarus relations]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi*

nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2016, no. 124 (10), pp. 875–886. doi: 10.21515/1990-4665-124-058 (In Russ.; abstr. in Engl.).

34. Fedotova V.A. Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206. (In Russ., abstr. in Engl.)

35. Filippova M.V. Osobennosti strategii sovladaniya, sposobov vosstanovleniya psikhoemotsional'nogo sostoyaniya molodezhnykh auditorii nekotorykh etnosov Rossii i blizhnego zarubezh'ya [Peculiarities of Coping Strategies, Preferred Methods for Recovery of Psycho-Emotional State among Youth Audiences of Some Ethnic Groups of Russia and Neighbouring Countries]. *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti [Civil SecurityTechnology]*, 2017. Vol. 14, no. (51), pp. 50–58.

36. Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei» [Contemporary person's value world: Belarus in the project «A study of European values». In D.M. Bulynko, A.N. Danilov, D.G. Rotman (eds). Minsk: BGU Publ., 2009. 231 p.

37. Yanchuk V.A. Sotsiokul'turno-indeterministskaya dialogicheskaya perspektiva psikhologicheskoi problematiki formirovaniya tsennostei v kontekste realii XXI veka [Sociocultural and interdeterministic diological perspective of the value formation problem in the context of the xxi century]. *Zbornik navukovykh prats Akademii paslyadyplomnaya adukatsyi [Collection of proceedings Academy of Postgraduate Education]*, 2016, no. 14, pp. 540–562.

Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи

В.И. ПИЩИК*,
ФГБОУ ВО ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия,
vladaph@yandex.ru

В статье описаны полученные с использованием авторского опросника результаты исследования ценностей представителей поколений через актуальные страхи. Обобщаются данные, полученные в результате изучения ценностей в психологии и социологии. Делается вывод, что ценности, ценностные ориентации составляют ядро личности, лежат в основе общественных норм. Обсуждаются имеющиеся методики исследования ценностей, выявляющие их на групповом и личностном уровнях. Обнаруживается связь между ценностями и страхами человека. Представлена рабочая версия авторского опросника исследования ценностей поколений через актуальные страхи: Я, других, природы, культуры, технологии, мистического. Исследование проведено на выборке, состоящей из представителей поколений (180 человек), описаны результаты первичной апробации опросника. Было показано, что у «Переходного» поколения (по классификации Н. Хоува, В. Штрауса — поколение X) преобладает ценность культуры и страх ее утраты, у «Информационного» поколения (поколение Y) доминирует ценность Я и страх утраты себя, у «Нового» поколения (поколение Z) наиболее ценны информационные технологии и актуализирован страх множественности миров. Делается вывод о том, что разработанный опросник прост в обращении, ускоряет процесс исследования и раскрывает особенности ценностей с глубинных позиций.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, поколения, страхи, значимость ценности.

Актуальность исследования

Сменяемость поколений сопровождается сменой ценностей, ценностных

ориентаций. Понятие «ценности» не определено до конца в науке. Многочисленные связи ценностей с такими явлениями, как установки, значения, смыслы,

Для цитаты:

Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 67–81. doi:10.17759/sps.2019100206

* Пищик Влада Игоревна — доктор психологических наук, профессор кафедры «Психология образования и организационная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), Ростов-на-Дону, Россия, vladaph@yandex.ru

принципы осложняют выявление границ понятия. В работе Д.А. Леонтьева [7] обращается внимание на то, что встречаются: ценностные ориентации, ценностные представления, ценностные стереотипы и ценностные идеалы. Взаимоотношения между ними неоднозначны и на сегодня слабо изучены. Во многом эта ситуация связана с методиками, измеряющими ценности. Проблема заключается в выявлении валидных инструментов, которые способны адекватно отразить ценности личности или культуры. При этом одним из основных недостатков результатов выявления ценностей является то, что они не отражают реального поведения человека, не имеют явного прогностического значения [20; 36]. Актуальность проблемы определила цель нашего исследования — изучить с иных позиций конструкт ценностей поколений.

Основные подходы к проблеме ценностей

Полагая, что ценности являются трансцендентными, идеальным бытием, значимы, надисторичны, к ним стремятся, порядок подчиненности между ними может быть или не быть [3; 13], представители аксиологического подхода определили на долгие годы тренды исследования ценностей в науке.

Ценности рассматриваются как: любой факт, имеющий эмпирическое содержание и значение, которые доступны членам социальной группы [15]; как аспекты мотивации (ценностные ориентации — как определенные концепции) [28]; устойчивые убеждения о предпочтительных способах поведения или конечных целях [36]; объединяющие идеи, разделяемые большинством [20];

выражение типа мотивационных целей [39]; как принципы, в соответствии с которыми поколения организуют свою жизнь [16]; реально действующие, имманентные регуляторы деятельности индивидов, скрыто влияющие на поведение независимо от их отражения в сознании [7]; смысловые образования, связывающие когнитивную и мотивационную сферы, интегрирующие их в единую систему в структуре личности [2]; интернализированные когнитивные структуры, которые определяют выбор, обращаясь к основополагающим принципам правды и неправды, чувству приоритетов и готовности приобрести смысл и увидеть закономерности [33]. Ценностные ориентации занимают пограничное положение между мотивационно-потребностной сферой личности и системой личностных смыслов [21]. На основании вышеизложенного мы заключаем, что ценностью может быть любой факт, имеющий значение; ценности относятся к когнитивной сфере и могут быть составляющими направленности личности.

В социологии установлено, что именно ценности и нормы — суть социальных институтов [10]; ценности наряду с культурными кодами и дискурсами выступают причинами изменений в обществе [1]. Была поставлена проблема поиска валидного, точного инструментария измерения ценностей [26; 27; 28; 34]; культурного своеобразия ценностей [16; 24; 26; 27; 28; 34]. Установлено, что значения основных ценностей в большой мере остаются в течение всей жизни постоянными у человека [26; 34]; более современные исследования показывают поворотные моменты, приводящие к изменению трендов ценностей поколений в мировой культуре [24; 29]. Из перечисленного следует, что социологические

исследования вернули историчность и динамичность ценностям.

К культурному подходу к проблеме ценностей можно отнести исследования, в основу которых положена человекоцентрическая идея [27; 28; 39]. По данным современных исследований, у молодых поколений ценности выживания сменили ценности самовыражения, рационального, но не во всех культурах [27]. Каждая культура будет задавать свои границы и основную направленность ценностей [16; 17; 40].

Можно заключить, что ценности личности, ценности общества и поколений психологи и социологи приближали к мотивации, ядерным составляющим личности, нормативам общества. Исходя из этого, строились типологии, иерархии ценностей. Фактически ценности определяли целостность личности, общества, их непротиворечивость. К этому вела общая методологическая установка психологов и социологов. Однако сегодня можно встретить работы [23; 30], в которых отмечается, что аксиологический подход не применим для сетевого общества в связи с утратой базовых смыслов в современном обществе.

Методический инструментарий для измерения ценностей

Созданный методический инструментарий позволяет изучить различные компоненты ценностного конструкта: конативный [19; 22; 36]; мотивационно-установочный [4; 14]; когнитивный [7; 21].

В работах С. Оппенгейм-Веллер (S. Oppenheim-Weller) и ее коллег предложена методика измерения субъективного осознания (общего и контекстно-зависимого) ценностей [31; 32]. Имеет

значение придание значимости ценности: чем она выше, тем больше направленность в оценивании ее в важных сферах жизни.

Обобщая вышесказанное, мы можем констатировать, что большинство авторов классификаций, типологий, иерархий, моделей ценностей, ценностных ориентаций полагаются на категории сфер жизни человека, культурные контексты, в которых они воплощаются, определяют ценности на этапах достижения целей или в межгрупповых аспектах взаимодействия личности. Методический инструментарий, оценивающий ценности, был или максимально закрытым, ограничивающим (определяющим рамки проявления ценностей), или максимально открытым. Ценность измерялась через саму себя, представления респондента о своих ценностях методом прямого ранжирования. Фактически выявлялся исключительно когнитивный компонент ценностей. Либо рассматривались конативный, мотивационный компоненты, тогда в ценностях обнаруживались цели, мотивы, потребности личности. Остался не охваченным эмотивный компонент.

Исследование эмотивного компонента ценностей

Ценности указывают на какой-либо предмет, объект или отношение, то есть являются индикаторами чего-либо. Мы придерживаемся представления о том, что ценности человека — это индикаторы ценных и значимых предметов, отношений и объектов, которые сочетаются с его базовыми эмоциями, чувствами. Поскольку наиболее интенсивной и «токсичной» эмоцией является страх, то мы попытались в своем исследовании свя-

зять ценности именно со страхами. Как подчеркивают Н.П. Нарбут и И.В. Троцук [8; 9], ценности и страхи крайне редко сочетаются в эмпирических исследованиях. Именно подход социологов, анализирующих страхи студентов и выявляющих их ценности, стимулировал построение нашего инструментария. Однако мы понимали, что это социологический взгляд на вещи.

Поэтому за основу была взята схема, предложенная в методологическом анализе в работе Г.П. Щедровицкого [20]: знаковая форма объекта, субъективное значение и объективное содержание. В нашем анализе знаковая форма объекта — это, например, понятие «ценность здоровья»; субъективное значение — это «страх утраты или ухудшения здоровья»; объективное содержание — это объективные показатели здоровья организма человека.

В обычных жизненных ситуациях ценности не часто осознаются, но в кризисных ситуациях могут актуализироваться. Образующийся «коридор» внимания приводит к тому, что человек выделяет только те аспекты ситуации, которые связаны с его ценностями. Значимость обычно связана с тревогой — то, что не тревожит и не волнует, не может быть ценно. Именно в острых, слабо разрешимых, кризисных ситуациях человек ведет себя согласно своим самым главным установкам, позициям. Мы можем полагать, что в этих ситуациях человек будет следовать своим истинным ценностям. При этом мы предполагаем, что эмоции, возникающие в сложных ситуациях, будут маркировать ценности. Самая значимая эмоция, которая сопровождает человека в сложных жизненных ситуациях, — это страх. Это означает, что ценности можно определить через основные страхи людей.

Любой страх имеет свой предмет. Определен чисто человеческий страх — тоска, который появляется тогда, когда человек узнает, что он не вечен [5]. «Ничто» выступает здесь предметом страха. Согласно психоаналитическому взгляду «страх соответствует вытесненному желанию», но не эквивалентен ему, а желание — это часть картины забытого прошлого [18]. При этом прошлое можно реконструировать, но с определенной долей вероятности. На наш взгляд, ценности в психологии описывают в «вышешенном» контексте жизни личности, при этом упускается, что в экзистенциальной природе ценностей заключены потребности, желания, которые не всегда социально одобряемы. Это те самые желания, которые скрываются за страхами. Н.П. Нарбут и И.В. Троцук [8; 9] полагают, что страхи являются значимыми «маркерами» ценностных ориентаций массового сознания и могут определить его доминантные модусы.

Страх возникает в ответ на угрозу тому, что значимо для человека. Понимая, что сегодня в науке выделено большое количество страхов, мы акцентируем внимание на наиболее значимых, которые связаны с современными угрозами (антропологические, техногенные, природные, культурные, социальные). Мы предлагаем рассматривать следующие страхи: связанные с собой (потеря себя, потеря любви, потеря смыслов, потеря телесной чувствительности, выбора); другими (угроза, утрата, унижение, утрата идеала, одиночество); с природой (угроза хаоса (утрата упорядоченности), нового, стихий, экологии, эпидемий); с технологиями (избыток информации, нехватка информации, амплификация миров, возможности роботов, несовершенство технологий); с божественным, мистическим

(угроза наказания, угроза жизни, угроза потери реальности); с культурой (исчезновение, изменение культуры). Фактически можно полагать, что страхи связаны с тем, что ценно, и через них можно определить ценности человека. В связи с этим мы выделяем такие группы ценностей, как «Я», «другие», «природа», «культура», «технологии», «мистическое», которые были положены в основу опросника ценностных измерений страхов.

Было проведено исследование ценностей представителей трех поколений, выступивших субъектами нашего исследования. Мы хотели продемонстрировать, что у определенного поколения существует своя иерархия ценностей, связанная со страхами.

Описание исследования

Базу исследования составили 180 человек — студенты вузов и работники компаний г. Ростова-на-Дону. Студенты и работники были разделены на группы поколений. Принятая классификация типов поколений [25] не может механически переноситься на российские поколения, поэтому в исследовании мы придерживались нашей классификации типов поколений [11]. Она исходит из значимого для российских поколений события — перестройки. Представители «Переходного» поколения пережили перестройку, но их ценности формировались в советское время. В период перестройки формировались ценности у представителей «Информационного» поколения. В постперестроечное время формировались ценности представителей «Нового» поколения.

Выборку составили представители «Переходного» поколения (по Н. Хоу-

ву, В. Штраусу — поколение X), 1962—1980 годов рождения, 60 человек (сотрудники компаний); «Информационного» поколения (Y), 1981—1999 годов рождения, 65 человек (работающие студенты заочной и очной форм обучения и магистратуры); «Нового» поколения (Z), начиная с 2000 года рождения, 55 человек (студенты очной и заочной форм обучения, работающие и неработающие). Девушки составили 60,9%, юноши — 39,1%. Применялись следующие методики: методика выявления страхов и угроз [12]; рабочая версия авторского опросника измерения ценностей через страхи (см. Приложение). В авторском опроснике первоначально предлагается проранжировать ценности по степени значимости для человека, затем выделить наиболее актуальные страхи, включенные в предложенный список категорий ценностей.

Результаты исследования

В результате исследования страхов и угроз (первая методика) было выявлено, что в группе работников «Переходного» поколения наиболее выражены страх стихийных бедствий и страх политических изменений. По всей видимости, за данными страхами стоят ценности природы и Других.

Далее были проанализированы страхи респондентов по методике. В группе студентов и работников «Информационного» поколения наиболее выражены следующие страхи: страх криминала (45%), страх стихийных бедствий (34%) и публичности (23%). В основе, очевидно, находятся ценности Других, природы, культуры.

В группе студентов «Нового» поколения наиболее выражены следующие

страхи: страх криминала (48%), страх стихийных бедствий (35%) и страх перед новыми технологиями (31%). За данными страхами просматриваются ценности Других, природы и технологий. Это была предварительная схема исследования. Анализ результатов продемонстрировал возможности данного исследования.

Подсчеты баллов по шкале ценностей авторского опросника показали, что в группе работников «Переходного» поколения наиболее выражены следующие приоритеты ценностных категорий: на первом месте — Культура, далее — Природа, Я, Другие, Технологии, Мистическое. В группе студентов «Информационного» поколения приоритеты ценностных категорий следующие: на первом месте — Я, далее — Культура, Природа, Другие, Технологии, Мистическое. Эта часть опросника позволяет нам выстроить иерархию ценностных категорий. Представители «Нового» поколения определили следующие ценности: на первом месте — Технологии, далее — Мистическое, Я, Природа, Другие, Культура. Результаты представлены в таблице.

Интерпретируя результаты, можно сделать вывод, что представители «Переходного» поколения определяют в жизни

приоритет ценности культуры, для представителей «Информационного» поколения наиболее значима ценность самого человека, представители «Нового» поколения ценят технологии.

В группе представителей «Переходного» поколения в каждой категории страхи распределились следующим образом: в категории «Культура» преобладает страх утраты культуры (54%). Видимо, это свидетельствует о ценности имеющейся культуры. В категории «Природа» преобладает страх хаоса (61%) (приоритет ценности гармонии в природе). В категории «Я» преобладает страх утраты смысла (43%) (ценность смысловой составляющей жизни). В категории «Другие» преобладает страх унижения (48%) (приоритет ценности быть принятым в социум). В категории «Технологии» преобладает страх перегрузок информацией (60%) (ценность точности и постепенности принятия информации). В категории «Мистическое» преобладает страх бессмертия души (41%) (ценность конечного).

В группе представителей «Информационного» поколения в каждой категории страхи распределились следующим образом: в категории «Я» преобладает страх утраты себя (51%). Мы полагаем, что это

Т а б л и ц а

Показатели средних баллов (от 1 до 6) и стандартного отклонения по ценностям в группах

Поколения Ценности	Переходное		Информационное		Новое	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Я	4	0,45	6	0,48	4	0,40
Другие	3	0,46	3	0,45	2	0,30
Природа	5	0,32	4	0,46	3	0,33
Технологии	2	0,49	2	0,34	6	0,49
Мистическое	1	0,37	1	0,37	5	0,44
Культура	6	0,48	5	0,43	1	0,33

может свидетельствовать о приоритетности ценности принятия себя. В категории «Культура» преобладает страх антикультур (44%) (ценность истинной культуры). В категории «Природа» преобладает страх стихийных бедствий и эпидемий (68%) (ценность силы природы). В категории «Другие» преобладает страх утраты других (52%) (ценность других). В категории «Технологии» преобладает страх перед нехваткой информации (42%) (ценность информированности). В категории «Мистическое» преобладает страх наказания Богом и бессмертия души (47%) (ценность высшего суда).

В группе представителей «Нового» поколения в каждой категории страхи распределены следующим образом: в категории «Технологии» преобладает страх множественности миров (59%) (ценность уникальности мира). В категории «Мистическое» преобладает страх темных сил (47%) (ценность контроля за миром). В категории «Я» преобладает страх нелюбви других (55%) (ценность любви). В категории «Природа» преобладает страх эпидемий (64%) (ценность здоровья в приоритете). В категории «Другие» преобладает страх отсутствия идеалов (48%) (ценность идеалов в приоритете). В категории «Культура» преобладает страх отсутствия границ между культурами (51%) (ценность инаковости, отделенности от других; это ценность границ).

Обсуждение результатов исследования

Наше исследование подтверждает, что поколения в обществе имеют расхождение в ведущих ценностях, но есть сходство внутри поколенческих групп. В исследованиях М.В. Моррис (M.W. Morris)

отмечается низкий социальный консенсус в культурных ценностях, который может свидетельствовать о том, что доминирующая парадигма — культура как общие ценности — может являться ошибкой [30]. В исследовании Н.П. Нарбут и И.В. Троцук [8] выявлены страхи студентов («Информационное» поколение): заболеть ВИЧ-инфекцией, не успеть выполнить задание по учебе, достичь семейного благополучия, террористической угрозы, преступности. Это сочетается с полученными нами результатами.

Представленные результаты могут приоткрыть ценностную палитру поколений. У представителей «Переходного» поколения доминирует ценность культуры и имеется большое желание ее удержать. Это можно объяснить тем, что становление поколения пришлось на годы начала перестройки, когда произошел распад СССР и многие получили психологическую травму, поскольку были не готовы к новой жизни. У представителей «Информационного» поколения доминирует ценность Я и имеются трудности в принятии себя. Возможно, что это отражает их индивидуалистическую ментальность, преобладание материальных приоритетов. Это может быть проявлением нарциссизма. Данное поколение стало свидетелем многочисленных терактов, что повлияло на формирование ощущения хрупкости мира и кратковременности жизни. У представителей «Нового» поколения доминирует ценность технологий и обнаруживается подчеркивание своей уникальности. Их не случайно относят к «Digital Native» — коренные жители цифрового общества [35], также их называют «Сетевым» поколением.

Сегодня высказываются мнения, что психологи принимают участие в нормировании ценностных суждений. Но это не

означает, что психология может осуществлять диктат в иерархии ценностей в жизни людей [38]. Тем не менее, мы не можем отрицать, что изменения в обществе, которые порождают новые ценности извне, влияют на население. Следовательно, и внешние, и внутренние ценности могут влиять на жизнь поколений.

Представленный опросник исследования ценностей нуждается в дальнейшей доработке, но первичные результаты имеют определенный интерес. Опросник прост в обращении, ускоряет процесс исследования и раскрывает особенности ценностей с глубинных позиций. В дальнейшем будет изучена и описана более репрезентативная выборка представителей поколений до 200 человек ($p=0,05$) относительно генеральной совокупности в 500 человек.

Выводы

1. Изучение ценностей в науке имеет давнюю традицию. В социологии они привязывались к модусам общественно-

го сознания. В психологии представляли ядерные составляющие направленности личности. Ценности находятся у истоков социализации личности, являясь ориентиром и результатом вхождения в социум.

2. Методические приемы, используемые в измерениях ценностей, ценностных ориентаций личности или групп, демонстрируют способы биполярного измерения, выстраивания иерархий, приписывания значимости. Ценности преимущественно изучались на когнитивном уровне, через представления о них, или рассматривался конативный компонент ценностей и не охватывался эмотивный компонент.

3. В представленной рабочей версии опросника измерения ценностей через актуальные страхи используется прием опосредованного измерения и соотношения смысла страха со смыслом ценности.

4. Первичная апробация опросника на представителях трех поколений («Переходного», «Информационного» и «Нового») показала различие в предпочтениях ценностей и их ядерные составляющие (Я, Культура, Технологии).

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 18-013-00910 «Динамика ценностей поколений как маркер трансформации социальных отношений в российском обществе»).

Благодарности

Автор благодарит за поддержку в исследовании научного руководителя проекта М.И. Постникову.

Приложение

Опросник измерения ценностей через страхи (В.И. Пищик)

Уважаемый участник опроса!

Вы выступаете в качестве эксперта, оценивающего разнообразные ценности Вашего поколения. Вам надо постараться воссоздать максимально точный выбор ценностей. Важнейший критерий качества Вашей работы, который мы будем использовать, — это балльная оценка, которую Вы дадите разным ценностям и страхам, актуальным для Вас.

А. Предлагаем Вам проставить баллы от самого ценного (5 баллов) до самого малозначимого в жизни (1 балл) для следующих ценностей (таблица 1).

Таблица 1

Перечень ценностей

Ценности	Балл
Я	
Другие	
Природа	
Технологии	
Мистическое	
Культура	

Обработка данных — подсчитываются средние значения в каждой группе выбранных ценностей.

В. Ознакомьтесь с высказываниями, представленными в таблице 2, и присвойте им баллы: от самого ценного (5 баллов) до самого малозначимого (1 балл) для Вас (в каждой категории отдельно).

Таблица 2

Перечень страхов в категории ценностей

Категория: Ценность Я		
1.	Я опасаясь быть потерянным для самого себя.	
2.	Я волнуюсь, что никого не люблю.	
3.	Я озадачен утратой смысла во многих аспектах своей жизни	
4.	Мне нехорошо, когда я не чувствую своего тела	
5.	Мне тревожно сделать выбор	
Категория: Ценность других		
1.	Мне угрожают — это опасно	
2.	Меня страшит, что я потерял значимого и близкого человека	
3.	Меня унижают, и это меня тревожит	
4.	У меня нет идеалов, не опасно ли это?	
5.	Самое опасное — терять хорошие отношения с другими людьми	
Категория: Ценность природы		
1.	Я не могу находиться в хаосе, поскольку это тревожит	
2.	Меня пугает все новое	
3.	Самое страшное — это стихийные бедствия	
4.	Я понимаю, что экологический кризис — это самое опасное в мире	
5.	Меня пугают эпидемии	
Категория: Ценность технологий		
1.	Я тревожусь, когда информации не хватает	
2.	Я тревожусь, когда информации слишком много	

3.	Множественность миров – это угроза	
4.	Роботы опасны	
5.	Технологии несовершенны и они угрожают	
Категория: Ценность мистического		
1.	Бог может меня наказать	
2.	Темные силы могут мне причинить вред	
3.	Я не различаю реальность и нереальность – это пугает	
4.	Душа бессмертна – это неотвратимо	
5.	Я имею мистический опыт в жизни – это страшно	
Категория: Ценность культуры		
1.	Культура исчезает – это тревожит	
2.	Страшит, что утрачивается традиция	
3.	Приходит инновация – это небезопасно	
4.	Тревожит, что культур много и нет границ между ними	
5.	Страшит преобладание антикультуры	

Обработка данных – подсчитываются баллы по предпочитаемым ценностям и страхам в группе поколений. Каждый страх включает какую-либо ценность для человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Изд-во и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
2. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М.: Академия, 2009. 304 с.
3. *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 109–111.
4. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
5. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Академический проект, 2017. 154 с.
6. *Леонтьев Д.А.* Методика предельных смыслов (МПС). М.: Смысл, 1999. 36 с.
7. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С.13–25.
8. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 69–74.
9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества: результаты исследовательского проекта: Монография. М.: РУДН, 2017. 400 с.
10. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: АкадемКнига, 2002. С. 98.
11. *Пищик В.И.* Ментальность поколений в текущей современности. М.: ИНФРА-М, 2019. 150 с. doi: org/10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669

12. *Пищик В.И., Муталимова С.Ш.* Особенности конспиративистского менталитета // Когнитивное моделирование: труды второго международного форума по когнитивному моделированию (Словения, г. Изола, 6–13 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. Ч. 2. С. 234–238
13. *Риккерт Г.* О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 365–391.
14. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
15. *Томас У., Знаниецкий Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 349.
16. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.
17. *Громпенаарс Ф., Хамнден-Тернер Ч.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Мн.: Попурри, 2004. 528 с.
18. *Фрейд З.* Анализ фобии пятилетнего мальчика (Маленький Ганс). М.: Просвещение, 1989. 79 с.
19. *Хачатрян М.А.* Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 1. С. 84–98.
20. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Изд-во Школы Культурной Политики, 1994. 760 с.
21. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.
22. *Яницкий М.С.* Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2012. 237 с.
23. *Ячин С.Е.* Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 27–39.
24. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. 2011. doi: 10.9707/2307-0919.1014
25. *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069. N.Y.: Quill William Morrow, 1991. 538 p.
26. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997. 464 p.
27. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 19–51.
28. *Kluckhohn C.K. & Strodtbeck F.* Variations in Value Orientations. Evanston, IL: Row, Peterson. 1961.
29. Live cultural map over time 1981 to 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vividmaps.com/2016/08/live-cultural-map-over-time-1981-to-2015.html> (дата обращения 28.05.2019).
30. *Morris M.W.* Values as the Essence of Culture Foundation or Fallacy? // Journal of Cross-Cultural Psychology (IACCP). 2014. Vol. 45(1). P. 14–24. doi: org/10.1177/0022022113513400
31. *Oppenheim-Weller S. & Kurman J.* Value fulfillment and bicultural identity integration // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 48(3). P. 267–286.

32. *Oppenheim-Weller S., Roccas S., Kurman J.* Subjective value fulfillment: A new way to study personal values and their consequences // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 76. P. 38–49.
33. *Oyserman D.* Culture as situated cognition: Cultural mindsets, cultural fluency, and meaning making // *European Review of Social Psychology*. 2011. Vol. 22. P. 164–214. doi: 10.1016/j.copsyc.2016.10.002
34. *Oyserman D.* Values: Psychological Perspectives // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. 2015. P. 36–40. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/01735-6
35. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants [Электронный ресурс] // *On the Horizon*. MCB University Press. 2001. Vol. 9. No. 5. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 02.02.2019)
36. *Rokeach M.* The nature of human values. New York: Free Press, 1973. 438 p.
37. *Rudnev M., Magun V., Schwartz S.* Relations Among Higher Order Values Around the World // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49(8). P. 1165–1182. doi: 10.1177/0022022118782644
38. *Sanford L.* Drob An axiological model of the relationship between consciousness and value // *New Ideas in Psychology*. 2016. Vol. 43. P. 57–63. doi: 10.1016/j.newideapsych.2016.02.002
39. *Schwartz S.H.* A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. P. 136–182.
40. *Vasanthi S.* Multi generations in the workforce: Building collaboration. Original Research Article // *IIMB Management Review*. 2012. Vol. 24(1). P. 48–66. doi: 10.1016/j.iimb.2012.01.004

Value measurements of generations through actualized fears

V.I. PISHCHIK*,
DSTU, Rostov-on-Don, Russia,
vladaph@yandex.ru

The article presents the results of the study of the values of representatives of generations through actual fears through the author's questionnaire. We have compiled data on the study of values in psychology and sociology and showed that values, value orientations constitute the core of the individual, underlie social norms. The avail-

For citation:

Pishchik V.I. Value measurements of generations through actualized fears. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 67–81. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100206

* *Pishchik Vlada I.* – Doctor of Science in Psychology, Professor at the Department of Educational Psychology and Organizational Psychology, Don State Technical University (Rostov State University), Rostov-on-Don, Russia, vladaph@yandex.ru

able methods for the study of values that identify them at the group or personal level are discussed. A link is found between values and human fears. A working version of the author's questionnaire examining the values of generations through actual fears (fears: I, others, nature, culture, technology, mystical) is presented. The sample of representatives of generations (180 people) shows the results of the initial testing of the questionnaire. It was shown that the «Transitional» generation (according to N. Howe, W. Strauss is generation X) is dominated by the value of culture and the fear of losing it, the «Informational» generation (generation Y) is dominated by the value I and the fear of losing oneself, The «New» generation (generation Z) is the most valuable information technology and the fear of the multiplicity of worlds is actualized. It is concluded that the submitted questionnaire is easy to use, speeds up the process of use and reveals the peculiarities of values from deep positions.

Keywords: values, value orientations, generations, fears, value significance.

Funding

The article was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund. Project No. 18-013-00910 «The Dynamics of Generation Values as a Marker of the Transformation of Social Relations in Russian Society».

REFERENCES

1. Aleksander Dzh. Smysly social'noj zhizni. Kul'tursociologiya [Meaning of social life. Cultural sociology]. Moscow: Publishing and Consulting Group «Praxis», 2013. 640 p.
2. Belinskaya E.P., Tihomandrickaya O.A. Social'naya psihologiya lichnosti [Social psychology of personality]. Moscow: Akademiya, 2009. 304 p.
3. Dyurkgejm E. Cennostnye i «real'nye» suzhdeniya [Value and “real” judgments]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 1991, no. 2, pp. 109–111.
4. Karandashev V.N. Metodika Shvarca dlya izucheniya cennostej lichnosti: koncepciya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz Method for Studying Personality Values: Concept and Methodological Guide]. St. Petersburg: Rech', 2004. 70 p.
5. K'erkegor S. Strah i trepet [Fear and awe]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2017. 154 p.
6. Leont'ev D.A. Metodika predel'nyh smyslov (MPS) [Technique of limiting meanings (NLM)]. Moscow: Smysl, 1999. 36 p.
7. Leont'ev D.A. Cennostnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni [Value Representations in the Individual and Group Consciousness: Types, Determinants and Changes in Time]. *Psychological Review [Psihologicheskoe obozrenie]*, 1998, no. 1, pp 13–25.
8. Narbut N.P., Trocuk I.V. Ctrahi i opaseniya rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksacii [The fears and concerns of Russian students: the possibilities of empirical fixation]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2014, no. 2, pp. 69–74.
9. Narbut N.P., Trocuk I.V. Cennostnye orientacii i social'noe samochuvstvie studenchestva [Value orientations and social well-being of students]: rezul'taty issledovatel'skogo proekta: monografiya. Moscow: RUDN, 2017. 400 p.

10. Parsons T. O social'nyh sistemah [About social systems]. Moscow: AkademKniga, 2002. 98 p.
11. Pishchik V.I. Mental'nost' pokolenij v tekuchej sovremennosti [The mentality of generations in current fluidity]. Moscow: INFRA-M, 2019. 150 p.
12. doi.org/10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
13. Pishchik V.I., Mutalimova S.Sh. Osobnosti konspirativistskogo mentaliteta [Features of conspiratorial mentality]. *Kognitivnoe modelirovanie: trudy vtorogo mezhdunarodnogo foruma po kognitivnomu modelirovaniyu* (Sloveniya, Izola, 6–13 sentyabrya 2014). [*Cognitive modeling: proceedings of the second international forum on cognitive modeling*]. Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2014, part 2, pp. 234–238
14. Rikkert G. O sisteme cennostej [About the value system]. Rikkert G. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture [Natural and Cultural Sciences]*. Moscow: Respublika, 1998, pp. 365–391.
15. Soldatova G.U. Psihologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti [Psychology of inter-ethnic tensions]. Moscow, 1998. 389 p.
16. Tomas U., Znaneckij F. Metodologicheskie zametki [Methodological notes] *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'*. Moscow: Izd-vo MGU, 1994. P. 349.
17. Triandis G.K. Kul'tura i social'noe povedenie [Culture and social behavior]. M.: Forum, 2007.
18. Trompenaars F., Hampden-Terner Ch. Nacional'no-kul'turnye razlichiya v kontekste global'nogo biznesa [National cultural differences in the context of global business]. Minsk: Popuri, 2004. 528 p.
19. Frejd Z. Analiz fobii pyatiletnego mal'chika (Malen'kij Gans) [Analysis of the phobia of a five year old boy (Little Hans)]. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 79 p.
20. Khachatryan M.A. Values and Attribution Processes in Social Cognition. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 84–98. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shchedrovickij G.P. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow: Izd-vo Shkoly Kul'turnoj Politiki, 1994. 760 p.
22. Yadov V.A. Sovremennaya teoreticheskaya sociologiya kak konceptual'naya baza issledovaniya rossijskikh transformacij: Kurs lekcij dlya studentov magistratury po sociologii [Modern theoretical sociology as a conceptual base for the study of Russian transformations: A course of lectures for graduate students in sociology]. St. Petersburg: Intersocis, 2009. 138 p.
23. Yanickij M.S. Cennostnoe izmerenie massovogo soznaniya [Value Dimension of Mass Consciousness]. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2012. 237 p.
24. YAchin S.E. Smysl i cennosti. K kritike teorii cennosti v sovremennoj filosofii [Meaning and values. To criticism of the theory of value in modern philosophy]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Studies]*, 2016, no. 2 (23), pp. 27–39.
25. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. 2011. doi: 10.9707/2307-0919.1014
26. Howe N., Strauss W. Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069. N.Y.: Quill William Morrow, 1991. 538 p.

27. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 464 p.
28. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 2000. Vol. 65, pp. 19–51.
29. Kluchohn C.K. & Strodtbeck F. *Variations in Value Orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson. 1961.
30. Live cultural map over time 1981 to 2015 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.vividmaps.com/2016/08/live-cultural-map-over-time-1981-to-2015.html> (Accessed 28.05.2019).
31. Morris M.W. Values as the Essence of Culture Foundation or Fallacy? // *Journal of Cross-Cultural Psychology (IACCP)*, 2014. Vol. 45(1), pp. 14–24. doi: [org/10.1177/0022022113513400](https://doi.org/10.1177/0022022113513400)
32. Oppenheim-Weller S. & Kurman J. Value fulfillment and bicultural identity integration. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2017. Vol. 48(3), pp. 267–286.
33. Oppenheim-Weller S., Roccas S., Kurman J. Subjective value fulfillment: A new way to study personal values and their consequences. *Journal of Research in Personality*, 2018. Vol. 76, pp. 38–49.
34. Oyserman D. Culture as situated cognition: Cultural mindsets, cultural fluency, and meaning making. *European Review of Social Psychology*, 2011. Vol. 22, pp. 164–214. doi: [10.1016/j.copsyc.2016.10.002](https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2016.10.002)
35. Oyserman D. Values: Psychological Perspectives. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*, 2015, pp. 36–40. doi: [10.1016/B0-08-043076-7/01735-6](https://doi.org/10.1016/B0-08-043076-7/01735-6)
36. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants* [Elektronnyi resurs]. *On the Horizon*. MCB University Press, 2001. Vol. 9, no. 5. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (Accessed 02.02.2019).
37. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
38. Rudnev M., Magun V., Schwartz S. Relations Among Higher Order Values Around the World. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018. Vol. 49(8), pp. 1165–1182. doi: [10.1177/0022022118782644](https://doi.org/10.1177/0022022118782644)
39. Sanford L. Drob An axiological model of the relationship between consciousness and value. *New Ideas in Psychology*, 2016. Vol. 43, pp. 57–63. doi: [10.1016/j.newideapsych.2016.02.002](https://doi.org/10.1016/j.newideapsych.2016.02.002)
40. Schwartz S.H. A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006. Vol. 5, pp. 136–182.
41. Vasanthi S. Multi generations in the workforce: Building collaboration. Original Research Article. *IIMB Management Review*, 2012. Vol. 24(1), pp. 48–66. doi: [10.1016/j.iimb.2012.01.004](https://doi.org/10.1016/j.iimb.2012.01.004)

Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z

Н.В. ЛУКЪЯНЧЕНКО*,
ФГБОУ ВО СибГУ, Красноярск, Россия,
Luk.nv@mail.ru

Л.В. ДОВЫДЕНКО**,
ФГБОУ ВО СибГУ, Красноярск, Россия,
dovydenko.larisa@yandex.ru

И.А. АЛИКИН***,
ФГБОУ ВО КГПУ, Красноярск, Россия,
alikinia@mail.ru

Авторы определяют значимость исследований ценностных оснований понимания жизнедеятельности представителями молодого поколения для его продуктивного включения в систему социально-производственных отношений. В статье представлены результаты исследования аксиологического аспекта представления об успехе студентов вузов, относящихся к поколению ценителей. Выборку исследования составил 591 обучающийся из трех вузов Красноярска. Для выявления значимости ценностей успеха использовалась методика С.А. Пакулиной «Мотивация достижения успеха студентов в вузе». Результаты исследования показывают, что представление студентов об успехе содержит широкий диапазон взаимосвязанных ценностей. При этом ценности интериоризованного (внутренне представленного) успеха имеют большую значимость, чем ценности экстериоризованного (внешне представленного) успеха. Общий уровень значимости ценностей успеха задается совокупным действием ценностей эмоционального состояния, личного успеха и ценностей социальной

Для цитаты:

Лукьянченко Н.В., Довыденко Л.В., Аликин И.А. Ценности успеха в представлении студенческой молодежи поколения Z // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 82–94. doi:10.17759/sps.2019100207

* Лукьянченко Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени М.Ф. Решетнева», Красноярск, Россия, Luk.nv@mail.ru

** Довыденко Лариса Владимировна — магистр психологии, старший лаборант кафедры философии и социальных наук, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени М.Ф. Решетнева», Красноярск, Россия, dovydenko.larisa@yandex.ru

*** Аликин Игорь Анатольевич — кандидат биологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева», Красноярск, Россия, alikinia@mail.ru

значимости. Авторы описывают риски такой структуры аксиологического аспекта успеха для молодых людей с высокой направленностью на достижения.

Ключевые слова: поколения, центениалы, студенты, успех, ценности.

Введение

Стало уже общим местом характеризовать современность как время беспрецедентно быстрых социальных изменений [1]. Секуляризация общества наряду с кардинальными технологическими прорывами породили необходимость выстраивать новые способы жизнепонимания и действия, а разочарование в абсолютах доктрин социального прогресса способствовало, по словам П. Уотсона, «великому повороту внутрь себя» [15, с. 7].

Воззрения на природу человека оказываются в центре внимания и представителей научной мысли, и широких слоев населения [14], и, в силу высокой значимости и сложности реализации человеческого капитала, субъектов социального и производственного управления. С одной стороны, подчеркивается множественность и «текучесть» форм социального существования, что обостряет интерес к механизмам адаптации и удержания личностной целостности. С другой стороны, активизируется поиск их специфики для комфортного социального взаимодействия. В данном контексте разворачиваются исследования, исходные установки которых заданы теорией поколений [13]. Под поколением понимается «общность людей, рожденных в определенный исторический период и являющихся носителями схожих ценностей, сформированных под воздействием общих факторов (социальных, культурных, экономических и политических событий, технического прогресса)» [9]. И, хотя исходный вариант теории поколений [24] пред-

ставляет собой скорее образец «поп-социологии», чем научной концепции, критикуется за недостаточную эмпирическую обоснованность и неотделимость от американского культурно-исторического контекста [22], он дал толчок развитию целого направления научно-прикладных разработок, предметом рассмотрения которых являются отличительные характеристики людей, родившихся в одно время. Стимулом для них является стремление к продуктивному взаимодействию с субъектами социальных отношений разных возрастных категорий в противовес обезличенному традиционному противостоянию «отцов и детей» [19].

А. Борисова, руководитель Управления по работе с персоналом КППМГ в России, опираясь на свой богатый опыт, отмечает, что практические разработки, выросшие из теории поколений, действительно помогают повысить коммуникативную эффективность. Примером такой разработки является известная книга Е. Шамис и Е. Никонова «Теория поколений. Необыкновенный Икс» [19]. В настоящее время фокус обсуждений поколенческой проблематики в значительной мере обращен к особенностям молодых людей, находящихся на пороге взрослой жизни и относимых к поколению Z. Такое обозначение не является единственным. Его эквивалентами являются номинализации: «центениалы», «цифровое поколение», «сетевое поколение» и даже «цифровые аборигены» («digital natives»). Обилие наименований, связанных с цифровыми технологиями, обусловлено тем, что это первое поколение, социализация

которого проходила в условиях широкого распространения цифровых технологий в различных сферах жизни. Приуроченность к появлению Интернета сдвинула рамки поколенческой периодизации на более ранний период по сравнению с тем, который предполагается исходной теорией поколений, и предопределила первоначальную направленность исследований на когнитивные характеристики психической организации молодых людей. Неоднозначные результаты таких исследований, свидетельствующие о большем дифференцирующем влиянии социальных факторов, чем даты рождения, проблематизировали вопрос о специфике выделенного поколения [21; 23; 25; 26; 28]. Более показательные результаты дало изучение ценностей, коммуникативных и идентификационных установок.

Так, Е.П. Белинская провела двухэтапное (2000–2001 и 2014–2015 годы) исследование идентификационных моделей россиян подросткового и младшего юношеского возраста [3]. Идентификационные модели в данном случае — это реальные или вымышленные люди, чьи взгляды воспринимаются как близкие и которые служат образцами для подражания. Сравнение показало, что за 15 лет изменился практически весь спектр возможных характеристик данных моделей.

Собирательный портрет «героя нашего времени» в первом замере характеризовался следующими чертами: профессионально успешен, и это отождествляется с жизненным успехом в целом; не карьерист; в результате успешной профессиональной самореализации имеет хороший уровень материального благополучия; его характеризуют нравственные качества, своеобразный «кодекс чести», гражданская позиция, сводимая к патриотизму; добиваясь своих целей, способен быть

самодостаточным и одновременно ориентированным на кооперацию; знаком респондентам лично и является фигурой современности. Обобщенный идентификационный образ участников второго этапа исследования — человек, не имеющий профессиональной принадлежности, что не является препятствием для того, чтобы «сделать карьеру», под которой понимается занятие должностей в государственных учреждениях; в вопросе материальной обеспеченности — «обычный человек»; обладает не нравственными качествами, а силой характера, обеспечивающей его жизнестойкость, «мужество жить» [3].

С.Б. Цымбаленко, исследуя особенности медийного поведения юных россиян с аналогичной двухэтапной последовательностью (1998 и 2012 годы), обнаружил выраженные различия в значимости информационных источников. У респондентов более раннего этапа исследования первое место занимали сверстники. Участники второго этапа полагались на Интернет (первое по значимости место) и общение со взрослыми (родителями и учителями) [18].

Интересные с психологической точки зрения исследования проводились не только в сравнительном разрезе, но и как сфокусированные на особенностях молодых людей рассматриваемого поколения. Примером может служить проведенное Сбербанком совместно с агентством Validata [20] качественное исследование, методическое обеспечение которого включало: фокус-группы, глубинные интервью, анализ материалов интернет-блогов. В представленных широкой публике результатах (с оговоркой на отсутствие их научной репрезентации) можно обратить внимание на такие характерные, согласно этому описанию, особенности юных россиян: взрослые не являются безусловным

авторитетом (префигуративная межпоколенческая ситуация по М. Мид [8]), но при этом нет выраженного конфликта поколений (партнерские отношения с высокой долей поддерживающих и поощрительных интеракций); в родительском отношении выражена гиперопека; молодые люди не приобретают навыков принятия решений и преодоления проблем реальной жизни; испытывают потребность в постоянном социальном взаимодействии; уверены в собственной исключительности (в силу влияния родительской установки на уникальность и талантливость каждого ребенка); не ориентированы на модель постепенного движения к успеху; выражена установка на гедонизм.

Приведенные описания позволяют говорить, что современная молодежная страта является не только и не столько digital-поколением, сколько «поколением постмодерна». Габитус его формирования составляет не в меньшей степени, чем цифровизация, идеология оберегающего отношения взрослых.

Особый интерес в связи с вышеописанным представляет поколенческая специфика ценностного преломления проблемы успеха, так как эта тема не только не теряет своих трендовых позиций в ориентирах жизнедеятельности, но даже усиливает их. Эта тема тем более важна, что связана с формированием мотивации достижения, являющейся, как показали исследования Мак-Клеланда и других авторов, важным фактором производительности общества [17; 27]. С.А. Пакулина указывает, что «... успех не только феноменальный объект, качественный в отношении результата, и не только сам результат, а прежде всего его оценка и смысл существования для субъекта, который составляет содержательную основу мотивационной сфе-

ры личности» [10, с. 25]. Он, по словам Н.А. Батурина, оказывает «регулирующее и формирующее влияние на самооценку личности, уровень притязаний, мотивацию, атрибуцию результатов, оценку других лиц...» [12, с. 14].

Проблемой является не только выраженность стремления к успеху, но и ценностное содержание, вкладываемое в его понимание. Сложность этой проблемы обусловлена несколькими причинами. Ценностные ориентиры имеют тенденцию меняться с течением времени, собственно, это является постулатом теории поколений, и об этом свидетельствуют результаты исследований [5; 12]. Совокупность ценностей молодых людей, как показали исследования, имеет противоречивый характер [6]. И, соответственно, представление об успехе не монолитно и многоаспектно [4; 7; 10]. Декларируемые ценности не прямо связаны с характером действий субъекта. Как указывает К. Рапай, их действенная интерпретация субъектом опосредована принятым им культурным кодом [11].

Вышеописанное обуславливает актуальность исследования аксиологического аспекта представления современных молодых людей об успехе.

Методическое обеспечение и выборка

В качестве респондентов в исследовании приняли участие студенты трех вузов г. Красноярск: ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»; ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева»; ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный уни-

верситет». Объем выборки составил 591 человек (233 юноши и 358 девушек). 315 респондентов — обучающиеся гуманитарных специальностей, 276 участников исследования — обучающиеся технических специальностей. Исследование проводилось в период с февраля по апрель 2017 года.

В качестве диагностического инструментария использовалась разработанная С.А. Пакулиной методика «Мотивация достижения успеха студентов в вузе» [10]. Для нас важным в данной методике является то, что она разрабатывалась на основе анализа сочинений и анкет студентов, то есть на эмпирическом материале, отражающем реалии представления молодых людей об успехе. Следует отметить, что название методики, сформулированное в мотивационных терминах, не точно отражает ее содержание. По сути процедуры и по характеристике автора она предназначена для определения у студентов ценностного предпочтения разных аспектов успеха. Содержание методики составляют тридцать шесть утверждений, начинающихся со слов: «Успех для меня — это ...». Респондентам необходимо оценить значимость каждого из них в диапазоне пятибалльной шкалы. Результатом является численное выражение относительной значимости выделенных автором «ключевых категорий мотивов достижения успеха», которые, в свою очередь, определены в две группы: экстерноризированный и интерноризированный успех [10]. Экстерноризированный успех составляют: успех-удача; материальный уровень жизни; признание; власть. В группу «интерноризированный успех» входят: успех как результат собственной деятельности; личный успех; успех как психическое состояние; успех как преодоление препятствий; успех-призвание.

Обработка данных включала процедуры описательной статистики (определение средних значений и ранжирование), корреляционного анализа (коэффициент Спирмена), факторного анализа, кластерного анализа (методом будущего соседа в евклидовом пространстве).

Результаты исследования

Для понимания общих тенденций значимости ценностных составляющих представлений респондентов об успехе были определены и проранжированы средние значения их показателей отдельно для обучающихся гуманитарных и технических специальностей (таблица 1).

У студентов разных направлений подготовки, как видим из таблицы 1, иерархии ценностных аспектов успеха сходны. Большую значимость имеют ценности внутреннего плана (интерноризованный успех). Ценности экстерноризованного успеха «власть» и «признание» имеют наименьшую значимость. В первой ранговой паре у студентов-гуманитариев приоритетен личный успех, за которым следует с чуть меньшим весом «успех как результат собственной деятельности». Для обучающихся на технических специальностях «успех как результат собственной деятельности» наиболее значим при втором по значимости месте у показателя личного успеха. Хотя разница между средними значениями показателей небольшая, можно говорить об общей тенденции: для гуманитариев самое ценное проявление успеха заключается в личностной уверенности, ощущении высокого «качества личности», в то время как для получающих техническое образование — в качестве и результативности выполняемой деятельности.

Таблица 1

**Ранговая иерархия средних значений показателей
значимости ценностей успеха (У)**

Место	Группы сравнения	
	Обучающиеся гуманитарных специальностей	Обучающиеся технических специальностей
1	личный У 17,1	У как результат деятельности 17
2	У как результат деятельности 16,7	личный У 16,8
3	У как психическое состояние 16,5	У как психическое состояние 16,4
4	У как преодоление препятствий 16	У как преодоление препятствий 16,1
5	У-призвание 15,7	У-удача 15,6
6	У как материальный уровень жизни 15,4	У-призвание 15,4
7	У-удача 15,2	Успех как материальный уровень жизни 15,4
8	У-признание 13	У-признание 13,4
9	У-власть 11,1	У-власть 11,7

Результаты корреляционного анализа полученных в исследовании показателей отражены в таблице 2.

Все показатели ценностей успеха оказались связаны со всеми другими показателями значимыми положительными связями. Отрицательные связи отсутствуют, что означает, что ни один аксиологический аспект успеха не противопоставляется никакому иному. Очень небольшой, близкий к нижней границе значимости коэффициент корреляции — только у показателей ценностей психического состояния и власти.

Проведение процедуры факторного анализа позволило выделить два фактора, охватывающие 61,8% дисперсии (47,3% — первый фактор и 14,5% — второй). Факторные веса распределились в них следующим образом.

Фактор 1: У-психическое состояние — 0,81; личный У — 0,807; У-преодоление препятствий — 0,69; У-призвание — 0,68; У-результат деятельности — 0,66; У-материальный уровень жизни — 0,53; У-удача — 0,45; У-признание — 0,17; У-власть — 0,06.

Фактор 2: У-власть — 0,90; У-признание — 0,84; У-удача — 0,511; У-материальный уровень жизни — 0,50; У-преодоление препятствий — 0,35; У-результат деятельности — 0,31; личный У — 0,18; У-призвание — 0,12.

Интересно, что оба фактора, включая практически все (за одним исключением) показатели, в порядке их весомости являются зеркальным взаимоотражением. На наш взгляд, в каждом из факторов можно выделить три группы показателей. Показатели со средними весами в обоих факторах: значимость успеха как преодоления препятствий, как материального уровня, как результата собственной деятельности и как удачи. Показатели, имеющие большие веса в первом факторе, а во втором занимающие замыкающие места: успех как психическое состояние и личный успех. Показатели с большими весами во втором факторе и не играющие существенной роли в первом: успех-власть и успех-признание. Показатель успеха-призвания несколько выбивается из группировки, имея средний вес в первом факторе и низкий во втором.

Взаимосвязь показателей значимости ценностей успеха у обучающихся

Ценности	У-удача	У-материальный уровень жизни	У-признание	У-власть	У-результат деятельности	личный У	У-психическое состояние	У-преодоление препятствий	У-призвание	экстериоризованный успех	интериоризованный успех
У-удача		0,42	0,43	0,38	0,40	0,37	0,39	0,41	0,28	0,68	0,48
У-материальный уровень жизни	0,42		0,43	0,43	0,47	0,50	0,34	0,46	0,33	0,70	0,53
У-признание	0,43	0,43		0,67	0,33	0,33	0,22	0,37	0,28	0,84	0,39
У-власть	0,38	0,43	0,67		0,30	0,23	0,09	0,37	0,20	0,83	0,31
У-результат деятельности	0,40	0,47	0,33	0,30		0,51	0,42	0,53	0,42	0,46	0,74
личный У	0,37	0,50	0,33	0,23	0,51		0,56	0,54	0,46	0,43	0,80
У-психическое состояние	0,39	0,34	0,22	0,09	0,42	0,56		0,47	0,44	0,30	0,76
У-преодоление препятствий	0,41	0,46	0,37	0,37	0,53	0,54	0,47		0,39	0,50	0,75
У-призвание	0,28	0,33	0,28	0,20	0,42	0,46	0,44	0,39		0,33	0,72
экстериоризованный успех	0,68	0,70	0,84	0,83	0,46	0,43	0,30	0,50	0,33		0,53
интериоризованный успех	0,48	0,53	0,39	0,31	0,74	0,80	0,76	0,75	0,72	0,53	

Примечание. Уровни значимости: 0,0807 для 95% уровня значимости ($p < 0,05$); 0,1060 для 99% уровня значимости ($p < 0,01$)

Исходя из этого, можно полагать, что аксиологический аспект успеха в студенческой выборке имеет своего рода ядро, включающее ценности преодоления препятствий, материального уровня жизни, результативности деятельности и удачи. И оно находится в месте слияния потоков из двух относительно независимых источников: ценностей субъективно-личностного характера (психическое состояние и личный успех) и социальной значимости (власть и признание).

По результатам проведения кластерного анализа были выделены 4 группы респондентов. Первую из выделенных групп составили 249 респондентов (42% от выборки), вторую — 242 (41%), третью — 78 (13%), четвертую — 22 (4%). Средние значения исследуемых показателей в каждой из групп представлены в таблице 3.

Для наглядности два наибольших значения показателей в группе выделены полужирным шрифтом; значения показателей, занимающие третье по величине место — курсивом с подчеркиванием; наименьшие значения — курсивом.

По особенностям аксиологических профилей выделенные группы можно разбить на две пары: первая и вторая группы; третья и четвертая. У первой пары групп респондентов по сравнению со второй показатели значимости ценностей успеха выше. А внутри пары они выше у второй группы в сравнении с первой. Но иерархии показателей при этом сходны и соответствуют по своему характеру вышеописанному профилю средних значений выборки в целом. Первые два места принадлежат успеху как результату собственной деятельности и личному

Таблица 3

**Средние значения показателей значимости ценностей успеха
в кластерных группах**

№ п/п	Ценности	Кластерные группы			
		1	2	3	4
1	У-удача	15,2	16,8	12,9	12
2	У как материальный уровень жизни	14,8	16,9	13,2	12,4
3	У-признание	13	14,8	9,3	11,1
4	У-власть	11,3	13	7,3	10
5	У как результат собственной деятельности	16,3	18,1	15,3	13,9
6	Личный У	16,2	18,3	16,4	11,4
7	У как психическое состояние	<u>15,7</u>	<u>17,9</u>	16,1	10,5
8	У как преодоление препятствий	15,2	17,6	15	<u>12</u>
9	У-призвание	14,6	16,8	<u>15,6</u>	11,8
10	Экстериоризованный успех	67,8	76,9	53,4	56,8
11	Интериоризованный успех	78	88,8	78,4	59,6

успеху, третья — успеху как психическому состоянию. Самый низкий показатель — у ценности власти.

Третью группу респондентов характеризует приоритетность далеких от внешних, социальных проявлений субъективных аспектов успеха (личный успех, успех как психическое состояние, успех-призвание). Значимость экстериоризованного успеха (успех-власть и успех-признание) — наименьшая среди всех групп. Уровни отнесенных к «ценностному ядру» успеха показателей выше, чем у четвертой группы, но меньше, чем у первой и второй.

У четвертой группы самые низкие показатели значимости ценностей успеха. Особенностью ценностного профиля является, можно сказать, инструментальная направленность. В приоритете успех как результат собственной деятельности и как материальный уровень жизни. Другие ценности экстериоризованного успеха (признание и власть) для респондентов этой группы более важны, чем для третьей. Значимость успеха-психи-

ческого состояния и других ценностей интериоризованного успеха очень низка в сравнении с другими группами.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что группы респондентов с низкой значимостью либо ценностей субъективно-личностного характера, либо ценностей социальной влиятельности имеют сниженный уровень всего ценностного профиля успеха. В соотнесении с данными факторного анализа это подтверждает, что значимость успеха в целом определяется совокупным действием ценностей субъективного переживания успеха и ценностей социальной значимости.

Заключение

По итогам проведения исследования аксиологического аспекта представления об успехе студентов вузов поколения ценителей можно заключить следующее.

Представление студентов об успехе содержит в своей основе широкий диапазон ценностей. Значимости всех ценно-

стей положительно связаны друг с другом, не являются взаимоисключающими.

При этом относительно большую значимость имеют ценности интериоризованного успеха: личный успех (самоуважение, удовлетворенность собой, уверенность в безопасности, самореализация, удовлетворенность в любви и здоровье) и успех как результат собственной деятельности (реализация возможности делать что хочешь, положительный результат в учебе, работе, профессионализм, мастерство, осуществление ожидаемого результата).

Ценности успеха у студентов можно разделить на три группы: «ценностное ядро» (преодоление препятствий, результат собственной деятельности, материальный уровень жизни, удача), ценности субъективно-личностного характера (психическое состояние и личный успех) и ценности социальной значимости (власть и признание). Общий уровень значимости ценностей успеха задается совокупным действием субъективно-личностных ценностей и ценностей социальной значимости. Снижение как тех, так и других влечет за собой снижение уровня всего ценностного профиля успеха.

Данные исследования позволяют определить риски стремления к успеху представителей поколения Z. Поскольку общая значимость успеха задается значимостью успеха как психического состояния (переживание удовлетворения, радости, душевное равновесие,

эмоциональная стабильность, хорошее самочувствие, настроение, ощущение положительного эмоционального подъема) в сочетании со значимостью власти как возможности оказывать влияние и ценности признания, мотивированные на успех молодые люди могут идти «коротким путем», добываясь непосредственно «позитивного состояния» и транслируя его как популярный образец, и получать желаемую социальную значимость. Поскольку исходные ценностные источники успеха связаны с нестабильными феноменами (эмоциональное самочувствие и влияние), создается риск нестабильности стремления к успеху, его ситуативности и эгоцентричности.

Выявленные особенности ценностного основания стремления молодых людей к успеху позволяют определить возможные средства психологической поддержки и развития мотивации достижения у студентов. Опираясь на анализ исследований механизмов и детерминант мотивации достижения [17] и собственный психолого-педагогический опыт, мы полагаем, что продуктивными в качестве направлений разработки таких средств будут: формирование социального интереса и установки на возможность его реализации, выработка индивидуальных стратегий воплощения личностно-социальной полезности и навыков получения положительной обратной связи (когнитивной и эмоциональной) в процессе достижения поставленных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. *Батурин Н.А.* Психология успеха и неудачи. Челябинск: ЮУрГУ, 1999. 100 с.
3. *Белинская Е.П.* Идентификационные модели подростков и молодежи: «герои нашего времени» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.04.2019).

4. *Гребенникова О.В., Хузеева Г.Р., Кончаловская М.М., Аянян А.Н.* Социальные представления и ценностные ориентации в картине мира современных подростков: мозаика противоречий [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
5. *Гусельцева М.С.* Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
6. *Дубовская Е.М., Киселева М.А.* Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.03.2019).
7. *Кондратьев М.Д.* Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 116–130. doi: 10.17759/sps.2017080208
8. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
9. *Нечаев В.Д., Дурнева А.Е.* «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2018. № 1. С. 36–45.
10. *Пакулина С.А.* Психологическая диагностика мотивации достижения успеха студентов в вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб.: Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 2008. № 88. С. 23–32.
11. *Рapai К.* Как мы живем, что покупаем и почему. М.: Альпина Паблишер, 2015. 167 с.
12. *Ржанова И.Е., Алексеева О.С.* Ценностные предпочтения двух поколений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2018).
13. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
14. *Сироткина И.Е., Смит Р.* «Психологическое общество»: характеристика феномена // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 114–121.
15. *Уотсон П.* Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из всего этого вышло. М.: Эксмо, 2017. 830 с.
16. *Федотова В.А.* Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. doi: 10.17759/sps.2016070206
17. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
18. *Цымбаленко С.Б.* Медийный портрет подростка двухтысячных годов. М.: ООДО «Лига юных журналистов», 2018. 72 с.
19. *Шамис Е., Никонов Е.* Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Университет «Синергия», 2016. 185 с.
20. 30 фактов о современной российской молодежи [Электронный ресурс] // AdIndex. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 02.04.2019).
21. *Alkalai Y., Chajut E.* Changes over time in digital literacy // Cyberpsychology and Behavior. 2009. Vol. 12 (6). P. 713–715.
22. *Giancola F.* The Generation Gap: More Myth than Reality // Human Resource Planning. 2006. Vol. 29 (4). P. 32–37.

23. *Hargittai E.* Digital Natives? Variation in internet skills and uses among members of the “net Generation” // *Sociological Inquiry*. 2010. Vol. 80 (1). P. 92–113.
24. *Howe N., Strauss W.* Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.
25. *Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G.* Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? // *Computers and Education*. 2010. Vol. 54 (3). P. 722–732.
26. *Kennedy G., Judd T., Dalgarno B., Waycott J.* Beyond natives and immigrants: Exploring types of net generation students // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2010. Vol. 26 (5). P. 332–343.
27. *McClelland D.C.* Human Motivation. New York, New Rochelle, Melborne, Sidney: Cambridge University Press, 1987. 663 p.
28. *Salajan F.D., Schonwetter D.J., Cleghorn B.M.* Student and faculty inter-generational digital divide: Fact or fiction? // *Computers and Education*. 2010. Vol. 55(3). P. 1393–1403.

Values of success in introducing the generation Z student youth

N.V. LUKYANCHENKO*,

*Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia,
Luk.nv@mail.ru*

L.V. DOVYDENKO**,

*Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia,
dovydenko.larisa@yandex.ru*

I.A. ALIKIN***,

*Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia,
alikinia@mail.ru*

The authors determine the significance of the research of the value bases of the understanding of life activity by the representatives of the young generation for its productive inclusion in the system of social and industrial relations. The authors presented the results of the study of the axiological aspect of the idea of the success of university students belonging to the generation of centenials; The sample of the study was 591 students from three universities in Krasnoyarsk. The significance of success values was revealed by the method of S.A. Pakulina

For citation:

Lukyanchenko N.V., Dovydenko L.V., Alikin I.A. Values of success in introducing the generation Z student youth. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 82–94. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100207

* *Lukyanchenko Natalia V.* – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Siberian State University of Science and Technology; Krasnoyarsk, Russia, Luk.nv@mail.ru

** *Dovydenko Larisa V.* – Master in Psychology, Senior Laboratory Assistant, Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia, dovydenko.larisa@yandex.ru

*** *Alikin Igor A.* – Ph.D. in Biology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia, alikinia@mail.ru

“The motivation for the success of university students.” The results of the study show that students’ perception of success contains a wide range of interrelated values. At the same time, the values of internalized (internally presented) success are of greater importance than the values of externalized (externally presented) success. The overall level of significance of the values of success is given by the cumulative effect of the values of the emotional state, personal success and the values of social significance. The authors describe the risks of such a structure of the axiological aspect of success for young people with a high focus on achievement.

Keywords: generations, centennials, students, success, values.

REFERENCES

1. Aleksander Dzh. Smysly sotsial’noi zhizni: Kul’tursotsiologiya [The meanings of social life. A Cultural Sociology]. Moscow: Praxis, 2013. 640 p. (In Russ.).
2. Baturin N.A. Psikhologiya uspekha i neudachi [Psychology of success and failure]. Chelyabinsk: YUUrGU, 1999. 100 p.
3. Belinskaya E.P. Identification models for adolescents and youth: “heroes of our time”. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological research]*, 2017. Vol. 10, no. 54, p. 10. (In Russian, abstr. in English). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 18.04.2019).
4. Grebennikova O.V., Khuzeeva G.R., Konchalovskaya M.M., Ayanyan A.N. Social’ny`e predstavleniya i cennostny`e orientacii v kartine mira sovremenny`x podrostkov: mozaika protivorechij. *Psixologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2017. Vol. 10, no. 53. p. 5. (In Russian, abstr. in English). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1428-grebennikova53.html> (Accessed: 20.03.2019).
5. Gusel`ceva M.S. Identichnost` v tranzitivnom obshhestve: transformaciya cennostej [The relationship between subjective, objective sleep, anxiety and depression in patients with insomnia, parasomnias, sleep apnea syndrome: a comparative analysis]. *Psixologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2017. Vol. 10, no. 54, p. 5. (In Russian, abstr. in English). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 20.03.2019).
6. Dubovskaya E.M., Kiseleva M.A. Social’naya tranzitivnost` kak faktor formirovaniya cennostnoj struktury` v yunosheskom vozraste [Social transitivity as a factor in the formation of a value structure in adolescence]. *Psixologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2018. Vol. 11, no. 60. p. 11. (In Russian, abstr. in English). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 20.03.2019).
7. Kondratyev M.D. Social concepts about the success of teenagers with different intragroup status and different levels of intellectual success. *Sotsial’naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 116–130. doi:10.17759/sps.2017080208. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Mead M. Kul’tura i mir detstva [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka, 1988. 429 p. (In Russ.).
9. Nechaev V.D., Durneva A.E. «Tsifrovoe pokoleniE»: psikhologo-pedagogicheskoe issledovanie problemy [“Digital generation”: psychological and pedagogical problem solving]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2018, no. 1, pp. 36–45.
10. Pakulina S.A. Psikhologicheskaya diagnostika motivatsii dostizheniya uspekha studentov v vuze [Psychological diagnostics of the motivation to achieve the success of students in the university]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo*

- universiteta im. A.I. Gertsena [News of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University]*. Saint Petersburg: Publ. Herzen Russian State Pedagogical University, 2008, no. 88, pp. 23–32. (In Russian, abstr. in English).
11. Rapai K. Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [How we live, what we buy and why]. Moscow: Al'pina Publisher, 2015, 167 p. (In Russ.)
 12. Rzhanova I.E., Alekseeva O.S. Tsenostnyye predpochteniya dvukh pokolenii [Value preferences of two generations]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*, 2018. Vol. 11, no. 60, p. 6. (In Russian, abstr. in English). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 21.03.20 18).
 13. Semenova V.V. Sotsial'naya dinamika pokolenii: problema i real'nost' [Social dynamics of generations: the problem and reality]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2009. 271 p.
 14. Sirotkina I.E., Smit R. «Psikhologicheskoe obshchestvo»: kharakteristika fenomena [“Psychological Society”: a characteristic of the phenomenon]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2006. Vol. 27, no. 1, pp. 114–121. (In Russian, abstr. in English)
 15. Uotson P. Ehpokha pustoty. Kak lyudi nachali zhit' bez Boga, chem zamenili religiyu i chto iz vsego ehtogo vyshlo [The era of emptiness. How people began to live without God, what replaced religion and what came of it all]. Moscow: Ehksmo, 2017. 830 p. (In Russ.)
 16. Fedotova V.A. Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206. (In Russ., abstr. in Engl.)
 17. Heckhauzen H. Motivatsiya i deyatel'nost' [Motivation and activities]. Sankt-Peterburg: Piter; Moscow: Smysl, 2003. 860 p. (In Russ.)
 18. Tsybalyenko S.B. Mediinyi portret podrostka dvukhtysyachnykh godov [Media portrait of a teenager of the two thousandth's]. Moscow: OODO «Liga yunykh zhurnalistov», 2018. 72 p.
 19. Shamis E., Nikonov E. Teoriya pokolenii. Neobyknovennyi lks [Theory of generations. Unusual X]. Moscow: Universitet «Sinergiya», 2016. 185 p.
 20. 30 faktov o sovremennoi rossiiskoi molodezhi [30 facts about contemporary Russian youth]. *AdIndex*. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (data obrashcheniya 02.04.2019).
 21. Alkalai Y., Chajut E. Changes over time in digital literacy. *Cyberpsychology and Behavior*, 2009. Vol. 12 (6). pp. 713–715.
 22. Giancola F. The Generation Gap: More Myth than Reality. *Human Resource Planning*, 2006. Vol. 29 (4), pp. 32–37.
 23. Hargittai E. Digital Natives? Variation in internet skills and uses among members of the “net Generation”. *Sociological Inquiry*, 2010. Vol. 80 (1), pp. 92–113.
 24. Howe N., Strauss, W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.
 25. Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G. Net generation or Digital Natives: Is there a distinct new generation entering university? *Computers and Education*, 2010. Vol. 54 (3), pp. 722–732.
 26. Kennedy G., Judd T., Dalgarno B., Waycott J. Beyond natives and immigrants: Exploring types of net generation students. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2010. Vol. 26 (5), pp. 332–343.
 27. McClelland D.C. Human Motivation. New York, New Rochelle, Melborne, Sidney: Cambridge University Press, 1987. 663 p.
 28. Salajan F.D., Schonwetter D.J., Cleghorn B.M. Student and faculty inter-generational digital divide: Fact or fiction? *Computers and Education*, 2010. Vol. 55(3). pp. 1393–1403.

Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре)

А.В. БАКИНА*,
ФГБОУ ВО АмГПГУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,
bakina_anna@mail.ru

О.А. ОРЛОВА**,
ФГБОУ ВО АмГПГУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,
olga_shishmareva@mail.ru

С.В. ЯРЕМЧУК***,
ФГБОУ ВО АмГПГУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,
svj@rambler.ru

Статья посвящена исследованию миграционных намерений молодежи города Комсомольска-на-Амуре. В исследовании проверялись две гипотезы: 1) различия между группами молодежи с разной миграционной активностью будут проявляться в рассогласовании между ценностями и их доступностью, а также в уровне субъективного благополучия; 2) компоненты ценностно-смысловой сферы выступают предикторами миграционных намерений молодежи. В выборку вошли 130 испытуемых в возрасте 16–25 лет (средний возраст — 23,1 года). Для изучения ценностно-смысловой сферы использовались методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой и «Индекс персонального благополучия». Результаты исследования показали, что 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% — намерены уехать из города. Пошаговый регрессионный анализ

Для цитаты:

Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. doi:10.17759/sps.2019100208

* Бакина Анна Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГПГУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, bakina_anna@mail.ru

** Орлова Ольга Александровна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГПГУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, olga_shishmareva@mail.ru

*** Яремчук Светлана Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГПГУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, svj@rambler.ru

позволил выделить объяснительные модели, предсказывающие миграционную активность молодежи. Субъективное благополучие является наиболее значимым предиктором миграционных намерений (28% дисперсии). На втором месте оказалась острота расогласования между важностью ценностей и их субъективной доступностью (26% дисперсии).

Ключевые слова: миграционные намерения, субъективное благополучие, ценности, внутриличностный конфликт, молодежь.

Введение

В современном глобализирующемся мире особенно остро стоит вопрос о человеческом ресурсе, поэтому изучение предикторов миграции молодежи представляется актуальной исследовательской задачей. Об особенностях миграционных процессов в мировом масштабе можно судить по данным Организации Объединенных Наций (ООН): 3,4% от общей численности населения планеты (или более 200 млн. чел.) являются международными мигрантами, и почти каждый шестой житель планеты (около 1 млрд. человек) является внутренним мигрантом [25]. Эксперты Статистической службы Европейского союза считают, что за последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза.

По оценке Российской статистической службы, уровень миграции в России является очень высоким, количество мигрантов составляет 4 135 906 человек, из них 353 233 человек международных мигрантов [8]. Российская Федерация входит в пятерку стран с самыми высокими показателями международной миграции. Анализ социально-демографических особенностей мигрантов показал, что миграция носит преимущественно молодежный профиль — вероятность миграции уменьшается с возрастом [17; 18; 22; 24; 28; 31].

Изучение детерминант миграции осуществляется за рубежом как среди людей,

имеющих намерение переехать в другое место, так и среди тех, кто осуществил эти намерения. Вместе с тем последние исследования показывают, что намерения сами по себе являются эффективным предиктором миграционного поведения людей [20], в связи с чем миграционные намерения и миграционное поведение могут быть объединены общим термином «миграционная активность». В современной отечественной науке имеется большое количество работ, посвященных проблемам миграции: изучаются факторы миграции и их группы; исследуются мотивы миграционного поведения и выделяются их виды; изучается качество жизни населения и миграционные процессы; определяются условия и специфика социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов; выделяются неблагоприятные миграционные и конфликтогенные социально-психологические факторы; исследуются особенности международной миграции.

Литература, посвященная изучению причин миграционной активности, сконцентрирована в большей степени на изучении экономических предикторов и построении экономических моделей миграционных процессов, основанных на экономическом благополучии районов, разнице в экономических возможностях между разными странами и районами, доходами населения в разных регионах. Однако исследования последних лет

показывают, что гораздо большая доля миграционных процессов объясняется психологическими причинами, нежели экономическими, так как люди могут оставаться даже в регионах с низким уровнем дохода и уезжать из экономически благополучных мест.

К поиску нового места жительства их побуждает невозможность реализации собственных мотивов, что отражается в снижении субъективного благополучия. Взаимосвязь неудовлетворенности жизнью и отдельными ее сферами с миграционными намерениями людей неоднократно обнаруживалась в зарубежных исследованиях разных стран [19; 28; 29; 30]. Миграция при этом рассматривается как способ восстановления субъективного благополучия человека. Однако обнаружено также и то, что в результате смены места жительства субъективное благополучие мигрантов остается ниже среднего, поскольку мигранты не могут предвидеть, что их потребности будут расти, когда они начнут сравнивать себя с местными жителями, что вновь приведет к нарушению баланса между ценностями и мотивами человека и возможностями их удовлетворения [19; 23; 27]. Привязанность к месту жительства, в свою очередь, является фактором, сдерживающим миграционную активность населения [21].

В отечественной науке понимание миграционных процессов также претерпело существенные изменения. Субъективные факторы стали рассматриваться как основные движущие силы миграционных процессов, поскольку даже мощные социально-экономические факторы по-разному субъективируются и далеко не всегда рождают миграционные намерения [2; 3; 5]. Признается также положение, что взаимодействие среды с потребностями

опосредовано сознанием субъекта: прежде чем совершить действие, человек проходит длительный процесс, в котором формируются мотивы, лежащие в основе миграционных намерений. На признании этих положений строятся различные схемы механизма формирования и регуляции любого вида социального поведения. Готовность личности к определенным действиям, как отмечает В.А. Ядов, называется по-разному: жизненной позицией, направленностью интересов, ценностной ориентацией, социальной установкой, субъективным отношением, доминирующей мотивацией и т.д. Все эти понятия характеризуют фиксированные в социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия действительности, а также действовать в этих условиях определенным образом [15]. Поэтому В.И. Переведенцев, А.У. Хомра, В.М. Моисеенко и др. говорят о необходимости в первую очередь изучать связь между принятием решения о миграции и стремлением удовлетворить потребности. По мнению В.М. Моисеенко, повышение уровня образования, культуры означает расширение потребностей, а их неполная удовлетворенность оказывает влияние на принятие решения о миграции [7]. А.У. Хомра считает, что противоречия между реальными потребностями и степенью их удовлетворения порождают новую специфическую потребность — в миграции [12]. В исследовании С.А. Кузнецовой и А.О. Ореховой обнаружено, что микро- и макросоциальные условия, в которых происходит личностное развитие, оказывают влияние на формирование миграционных намерений [6].

Т.И. Заславская и ее ученики отметили, что в идентичных внешних условиях разные индивиды по-разному оценивают целесообразность миграции [4]. Это за-

висит от особенностей личности, структуры ее интересов и ценностей, потребностей и установок, предполагающих неодинаковое значение разных сторон, условий жизни и отношение к ним. Те особенности личности индивидов, которые в одних и тех же условиях приводят к дифференциации принимаемых решений, можно рассматривать в качестве субъективных факторов миграции.

В исследованиях Р.М. Шамионова было показано, что субъектная позиция личности в большей степени способствует формированию субъективного благополучия. Ограничение субъектной позиции ведет к двум следствиям, касающимся субъективного благополучия: прямому, заключающемуся в снижении субъективного благополучия от сознания (рефлексии) неспособности проявления активности в широком контексте; и к косвенному, заключающемуся в неудовлетворенности результатами своей деятельности, отношений и т.п. [1; 13; 14].

Краткий анализ исследований в области миграционного поведения позволил сделать следующие выводы: миграция представляет собой деятельность, выступающую одним из средств удовлетворения потребностей человека; миграция связана не с осознанием необходимости в ней как таковой, а с тем, что удовлетворение потребностей субъекта становится возможным только в случае смены места жительства. Поэтому миграция как форма социального поведения и вид социальной активности напрямую связана с критериями субъективного благополучия личности. В основе миграционной активности лежат взаимосвязи объективных и субъективных факторов, а формирование миграционных намерений зависит, с одной стороны, от внешних стимулов (требования производства,

территориальные различия в уровне жизни населения, климатические, географические и др.), с другой — от особенностей индивида.

Эмпирическое исследование

Целью исследования является изучение различий ценностно-смысловых конструктов и удовлетворенности разными жизненными сферами у молодежи с разными миграционными намерениями. В своем исследовании мы проверяли следующие *гипотезы*: 1) различия между группами молодежи с разной миграционной активностью будут проявляться в рассогласовании между ценностями и их доступностью, а также в уровне субъективного благополучия; 2) компоненты ценностно-смысловой сферы выступают предикторами миграционных намерений молодежи.

Выборка. В исследовании приняли участие 130 респондентов в возрасте 16—25 лет (средний возраст — 23,1 года), жители г. Комсомольска-на-Амуре. Исследование проходило в 2016—2017 годах.

На первом этапе исследования с помощью анкеты были изучены миграционные намерения молодежи г. Комсомольска-на-Амуре. С целью получения объективной информации и снятия психологического напряжения обследование проводилось анонимно. Для изучения миграционных намерений респондентам было предложено ответить на прямой вопрос: «Собираетесь ли Вы уезжать из города?». В зависимости от ответа все респонденты были разделены на три группы, условно обозначенные нами как «патриоты» (не собираются менять место жительства), «антипатриоты» (намерены уехать из города) и «прагма-

тики» (указали, что могут уехать при определенных условиях).

На втором этапе исследования изучались особенности ценностно-смысловой сферы личности в выделенных группах.

Для изучения ценностно-смысловой сферы у молодежи нами была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [10; 11], позволяющая обнаружить субъективную значимость ценностей, их доступности в сознании человека и разрыв между значимостью конкретной личностной сферы и ее субъективной доступностью.

Для определения степени расхождения испытуемым предлагался упрощенный вариант методики, в котором оценка ценности и доступности осуществлялась методом субъективных оценок по 10-бальной шкале. В методике Е.Б. Фанталовой оцениваются 12 жизненных сфер в соответствии с терминальными ценностями, выделенными М. Рокичем: активная, деятельная жизнь; физическое и психическое здоровье; интересная работа; красота природы и искусства; любовь; материально обеспеченная жизнь; наличие хороших и верных друзей; уверенность в себе; познание; свобода как независимость в поступках и действиях; счастливая семейная жизнь; творчество.

Одним из компонентов ценностно-смысловой сферы личности выступает субъективное благополучие, являясь интегральной обобщенной оценкой соответствия жизни личности ее основным ценностно-смысловым ориентирам [16]. Для оценки субъективного благополучия жизни молодежи была использована методика «Индекс персонального благополучия» [26] в переводе Е. Углановой и

модифицированная кафедрой психологии образования ФГБОУ ВО АмГПУ методика удовлетворенности жизнью в городе. Изменения коснулись индекса удовлетворенности жизнью в стране: в стандартных шкалах изменена формулировка «Удовлетворенность жизнью в России» на «Удовлетворенность жизнью в городе».

Значимость различий между выборками определялась с помощью критерия Манна-Уитни с использованием программы STATISTICA 10.

На третьем этапе для выявления предикторов миграционных намерений молодежи использовалась множественная пошаговая регрессия с включением переменных, которая вычислялась с использованием программы STATISTICA 10. При осуществлении статистического анализа использовалась порядковая шкала оценки миграционных намерений молодежи: 0 — отсутствие миграционных намерений, 1 — допускают возможность переезда при определенных условиях, 2 — имеют однозначные миграционные намерения.

Результаты исследования и их обсуждение

Миграционные намерения молодежи города. Результаты исследования показали, что 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% респондентов заявили, что намерены уехать из города, 52% молодежи указали, что могут уехать при определенных условиях. Результаты схожи с данными Е.П. Сигаревой и С.Ю. Сивоплясовой, полученными на молодежной выборке. В процессе опроса молодежи о миграционных намерениях они выявили три группы респондентов: «прагматики»,

«патриоты» и «антипатриоты». Опрос зафиксировал, что в общей совокупности респондентов значительную часть составляют «прагматики», то есть те, чьи намерения не связаны с определенной территорией, а обусловлены наличием благоприятных условий [9]. Большая часть (52%) молодых комсомольчан также входят в условную группу «прагматиков», т.е. они не исключают возможности своей жизни в городе.

Ценностно-смысловая ориентация молодежи с разными миграционными установками. Результаты исследования по методике «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой представлены в табл. 1, 2 и на рисунке.

Для всех групп молодежи наиболее значимы такие ценности, как наличие

хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь, любовь, творчество и познание, и наименее ценна активная деятельная жизнь. Однако статистический анализ с помощью критерия Манна–Уитни не выявил достоверных различий в значимости ценностей молодежи, кроме параметра «Активная деятельная жизнь». Данная ценность наиболее важна для молодежи, которая хочет остаться или не определилась со своими намерениями.

Наименее доступными ценностями, по мнению «антипатриотов», являются красота природы и искусства, материально обеспеченная жизнь, свобода и интересная работа. Значимость различий в степени доступности ценностей была обнаружена нами между молодежью всех трех групп. Для «антипатриотов»,

Таблица 1
Средние значения ценностей (Ц) и их доступности (Д) у молодежи с разными миграционными намерениями

Ценности	Средние значения (М)					
	«Антипатриоты» (1)		«Патриоты» (2)		«Прагматики» (3)	
	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность
Активная деятельная жизнь	5,9	7,8	8,2	7,2	8,2	6,5
Здоровье	8,6	6,6	8,9	6,9	9,1	6,1
Интересная работа	8,6	6,3	8,7	6,6	8,4	5,1
Красота	7,9	5,2	7,8	7,5	8,6	6,5
Любовь	9,1	6,6	9,3	8,3	8,9	7,8
Материально обеспеченная жизнь	8,5	5,4	9,3	7,2	8,7	6,4
Наличие хороших и верных друзей	9,4	6,6	9,2	7,8	9,0	7,5
Уверенность в себе	8,3	6,8	8,8	7,4	8,8	7,3
Познание	8,9	7,2	8,5	7,9	8,8	7,6
Свобода	8,4	6,3	8,3	11,3	8,7	6,5
Счастливая семейная жизнь	9,3	6,6	9,6	8,4	9,5	7,7
Творчество	9,0	6,9	7,8	7,5	8,0	6,7

по сравнению с молодежью двух других групп, наименее доступными являются счастливая семейная жизнь ($p \leq 0,05$) и красота природы и искусства ($p \leq 0,001$), по сравнению с «патриотами» — материально обеспеченная жизнь ($p \leq 0,001$), а по сравнению с «прагматиками» — им более доступны активная деятельная жизнь и интересная работа.

Представляет интерес сопоставление данных «патриотов» и «прагматиков». Молодежь, которая хочет остаться в городе, значимо в большей степени считает доступными для себя свободу, интересную работу и материально обеспеченную жизнь ($p \leq 0,05$).

Общая сумма рассогласований между ценностью и доступностью в различных жизненных сферах у молодежи, имею-

щей установку уехать из города, в 2 раза превышает эту сумму у молодежи, не желающей уезжать, и в полтора раза — у неопределившейся молодежи. Результаты рассогласования по всем параметрам представлены на рисунке.

Анализ различий в степени рассогласования между ценностями и их доступностью показал наличие многочисленных достоверных различий: у «антипатриотов» наиболее сильное рассогласование между ценностями и возможностями ($M=3,7$), менее сильное — у «прагматиков» ($M=2,8$) и наименьшее рассогласование — у «патриотов» ($M=1,8$). Молодежь, которая имеет миграционные установки, по сравнению с молодежью второй и третьей групп, в большей степени испытывает рассогла-

Таблица 2
Различия в значимости ценностей (Ц) и их доступности (Д) между «патриотами», «антипатриотами» и «прагматиками»

Ценности	Значение U-критерия					
	между 1 и 2		между 1 и 3		между 2 и 3	
	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность
Активная деятельная жизнь	70,0*	373,0	150,0*	710,0*	201,0	667,0
Здоровье	405,0	383,0	1002,0	868,0	742,5	640,5
Интересная работа	402,5	397,5	922,5	686,5*	772,0	493,5*
Красота	396,0	234,0**	842,5	718,0*	641,0	611,0
Любовь	405,5	300,5	862,0	713,5	722,5	703,0
Материально обеспеченная жизнь	373,5	235,0**	922,5	885,5	651,5	500,5*
Наличие хороших и верных друзей	328,0	320,0	814,0	777,5	769,5	715,0
Уверенность в себе	393,5	389,0	887,0	901,0	770,0	743,0
Познание	305,5	317,5	811,0	844,5	656,5	730,5
Свобода	370,5	280,0*	901,5	927,0	670,5	517,0*
Счастливая семейная жизнь	399,0	263,0*	963,5	700,0*	747,5	713,5
Творчество	287,5	342,0	850,5	973,5	666,5	684,5

Примечание. * — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,05$); ** — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,01$).

сование между ценностями и их доступностью в следующих сферах: «любовь» ($p=0,01$), «дружба» ($p=0,02$), «познание» ($p=0,02$), «счастливая семейная жизнь» ($p=0,01$) и «красота природы и искусства» ($p=0,01$), а по сравнению с молодежью второй группы – в сферах «здоровье», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «свобода», «творчество». Можно отметить наибольший внутриличностный конфликт у «прагматиков» в сфере материальной обеспеченности, что еще раз подчеркивает значимость для этой категории молодежи материальных ценностей.

Таким образом, ценностные ориентации у всех групп молодежи примерно одинаковые, однако реализуемость этих ценностей они оценивают по-разному.

«Патриоты» считают, что могут выбрать свое будущее, осуществлять активную жизнь, иметь интересную работу и материальную обеспеченность в условиях родного города, «антипатриоты» не видят возможности свободно строить свою жизнь, иметь материальный достаток и интересную работу в условиях города. Рассогласование между ценностями и их доступностью у «антипатриотов» значимо больше в десяти сферах, что говорит о выраженном внутриличностном конфликте и стремлении его разрешить посредством смены места жительства.

Субъективное благополучие молодежи с разными миграционными намерениями. Результаты исследования удовлетворенности жизнью в городе и

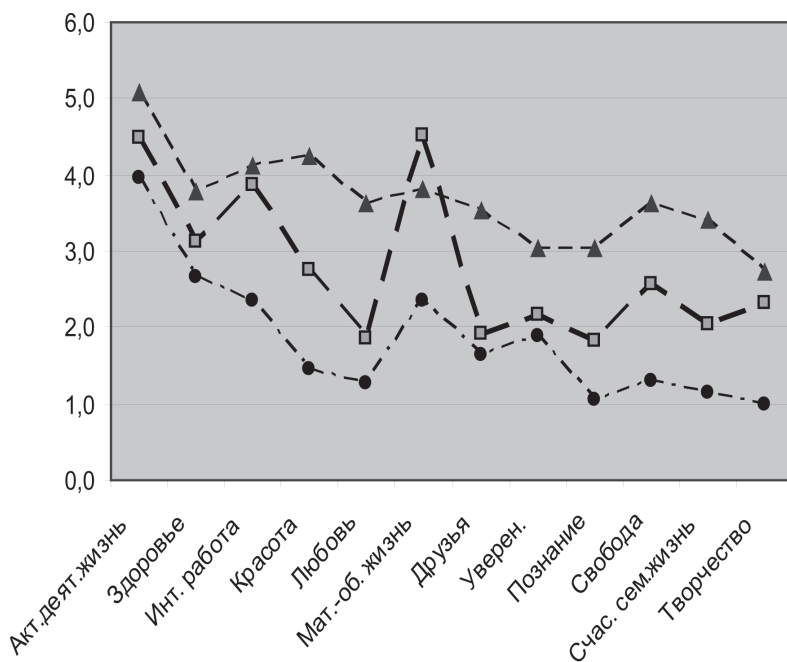

Рис. Общая сумма рассогласований между ценностью и доступностью в различных жизненных сферах у молодых людей: —▲— — «антипатриоты»; —●— — «патриоты»; —■— — «прагматики»

персонального благополучия молодежи представлены в табл. 3 и 4.

Анализ полученных результатов показывает, что «патриоты» имеют значимые различия с «антипатриотами» практически по всем показателям (кроме оценки деятельности администрации города): молодежь, желающая остаться в городе, более удовлетворена всеми предложенными аспектами жизни в городе. «Прагматики» имеют значимое различие только по одному показателю с «патриотами» — оценке состояния природной среды: молодежь, желающая жить в городе, природные условия оценивает как более благоприятные. Сравнение показателей «прагматиков» с «антипатриотами» выявило значимо меньшую степень удовлетворенности по всем параметрам, кроме оценки уровня доходов и деятельности администрации города, у молодежи, желающей уехать из города. Все

группы молодежи проявили единодушие в низкой удовлетворенности деятельностью администрации города, по остальным параметрам уровень удовлетворенности значительно отличается.

Таким образом, «патриоты» в целом удовлетворены жизнью в городе, они счастливы и чувствуют себя в безопасности, их устраивают экономическая (в том числе и уровень доходов), социальная (в том числе и безопасность) и экологическая ситуации. «Прагматики» также удовлетворены жизнью в городе в целом, счастливы и чувствуют себя в безопасности, но, в отличие от предыдущей группы, они не удовлетворены уровнем своих доходов (возможно, это и заставляет их задуматься о переезде). «Антипатриоты» в целом не удовлетворены жизнью в городе (их средние показатели не превышают 4 баллов, кроме оценки уровня счастья), особенно их не устраивают эко-

Таблица 3
Средние показатели удовлетворенности жизнью в городе по разным группам молодежи и их сравнительная характеристика

Показатели удовлетворенности	Средние показатели по группам			Значение коэффициента Манна–Уитни (U)		
	«Антипатриоты» (1)	«Патриоты» (2)	«Прагматики» (3)	между 1 и 2	между 1 и 3	между 2 и 3
Жизнью в Комсомольске	3,2	6,1	5,5	215,5**	546,5**	781,0
Экономической ситуацией в Комсомольске	2,5	4,7	4,2	241,5**	692,0**	806,0
Состоянием природной среды в Комсомольске	3,0	5,3	4,1	244,0**	841,5**	673,5**
Социальной обстановкой в Комсомольске	2,6	5,2	4,6	202,5**	577,0*	797,5
Деятельностью администрации Комсомольска	2,7	3,9	3,4	364,0	962,0	874,5
Уровнем безопасности	3,0	5,1	5,1	219,0**	586,0**	954,5
Своими доходами	3,5	5,1	4,3	353,5*	949,5	827,5
Уровень счастья	5,4	6,9	7,5	363,0*	724,5*	907,0

Примечание. * — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,05$); ** — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,01$).

номическая и социальная ситуации, достаточно низко они оценивают уровень своих доходов, безопасности и местные природные условия.

Аналогичным образом выглядят результаты по персональному благополучию (табл. 4). Практически по всем параметрам персонального благополучия средние показатели группы «патриотов» выше аналогичных у групп «прагматиков» и «антипатриотов».

Наибольшее количество значимых различий выявлено при сравнении показателей «антипатриотов» с другими группами. «Антипатриоты» имеют значимо более низкие показатели по всем шкалам в сравнении с «патриотами», кроме одной — уверенности в своем будущем; а в сравнении с группой «прагматиков» — к уже указанной шкале добавились показатели удовлетворенности своими достижениями и своими взаимоотношениями с соседями. Показатели

персонального благополучия у «патриотов» в сравнении с «прагматиками» значимо выше по шкалам «Удовлетворенность здоровьем» и «Удовлетворенность уровнем достижений».

Итак, оценка персонального благополучия показала, что «патриоты» и «прагматики» имеют значимо более высокий уровень удовлетворенности в отличие от «антипатриотов». Характеризуя их субъективное благополучие, можно констатировать, что группа «патриотов» удовлетворена жизнью в целом, межличностными отношениями и своим здоровьем, они высоко оценивают свои достижения, уровень своей жизни и личную безопасность. Самым низким показателем для группы «патриотов» является степень уверенности в своем будущем, по данной шкале не было обнаружено значимых различий между всеми представленными группами. Данный факт, скорее всего,

Таблица 4

Средние показатели персонального благополучия по разным группам молодежи и их сравнительная характеристика

Показатели удовлетворенности	Средние показатели по группам			Значение коэффициента Манна–Уитни (U)		
	«Антипатриоты» (1)	«Патриоты» (2)	«Прагматики» (3)	между 1 и 2	между 1 и 3	между 2 и 3
Жизнью в целом	6,1	7,2	7	342,5*	860,5*	885,0
Здоровьем	5,2	7,4	6,4	232,5**	784,0*	699,0*
Уровнем жизни	5,4	7,1	6,4	259,5**	834,5**	794,0
Достижениями в жизни	5,6	7,2	6,3	276,0**	923,0	705,5*
Взаимоотношениями с близкими людьми	6,4	7,6	7,5	351,5*	842,5*	970,0
Уровнем личной безопасности	5,5	7,0	7,2	326,0**	688,5*	959,5
Отношениями с соседями	4,7	6,6	6,0	330,5*	911,0	879,0
Уверенность в будущем	5,4	6,5	6,3	378,0	926,0	926,0

Примечание. * — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,05$); ** — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для $p \leq 0,01$).

связан с возрастной спецификой социальной ситуации развития молодежи: необходимость решать проблемы профессионального и личного самоопределения, примеряя на себя разнообразные модели поведения и жизненные роли. При этом они чувствуют, что от правильности этого выбора зависит их дальнейшая жизнь. Эта позиция ставит перед молодыми людьми проблему личной ответственности, что повышает до максимума градус неопределенности — «бояться и хотеть». Показатели персонального благополучия молодежи из группы «прагматиков» значимо более низкие по шкалам здоровья и достижения в жизни, в отличие от группы «патриотов». Скорее всего, для «прагматиков» успех и личные достижения имеют большую ценность, и они не видят возможности для их реализации, что создает дополнительную мотивацию к миграции. Группа «антипатриотов» по всем параметрам персонального благополучия имеет более низкие показатели, чем две предыдущие группы.

Предикторы миграционной активности молодежи. Результаты регрессионного анализа показывают, что изучаемые предикторы миграционных установок предсказываются различными аспектами эмоционально-ценностной сферы личности молодежи (табл. 5).

Использование пошагового регрессионного анализа позволяет выделить пять объяснительных моделей, в разной степени предсказывающих миграционную активность молодежи. Проверка адекватности моделей осуществлялась на основе F-критерия Фишера, все модели демонстрируют достаточную адекватность.

Регрессионная модель, оценивающая вклад важности жизненных цен-

ностей, позволяет предсказать 17% варьирования интенсивности миграционной активности с помощью одновременного действия пяти переменных, из которых наибольшее значение имеют активная деятельная жизнь ($\beta=-0,27$) и здоровье ($\beta=-0,26$). Значения переменных и регрессионных коэффициентов указывают на то, что вероятность миграционной активности возрастает в случае, если личность не считает значимыми для себя в данный период жизни активную жизнь, здоровье и любовь, а ориентирована на творчество и интересную работу.

Регрессионный анализ доступности ценностей для молодых людей показал более высокую объяснительную силу (23%) данной модели в прогнозировании миграционной активности. Переменные, входящие в модель, свидетельствуют о том, что желание уехать из родного города увеличивается, если молодежь считает не достижимыми в данных условиях реализацию потребностей в красоте, счастливой семейной жизни, свободе и познании. Доступность активной деятельной жизни и творчества не является для них сдерживающим фактором, лишь усиливая их намерения к смене места жительства. Возможно, это связано с их убежденностью в том, что они способны реализовать эту ценность в любых условиях.

Высокую объяснительную силу (26% дисперсии) для миграционной активности молодежи имеет рассогласование ценностей и их доступности. В эту модель входят 4 переменные, имеющие высокий уровень значимости: красота ($\beta=0,24$), познание ($\beta=0,18$), свобода ($\beta=0,10$), а также общий уровень рассогласования ($\beta=0,14$). Степень рассогласования указывает на силу внутрилличностного кон-

Результаты пошагового регрессионного анализа предикторов миграционных установок молодежи

Предикторы	β	p	R ²	Адекватность модели
Ценности				
Активная деятельная жизнь	-0,27	0,06	0,17	F=2,2901, при уровне значимости p<0,04007
Любовь	-0,14	0,32		
Творчество	0,16	0,23		
Здоровье	-0,26	0,13		
Интересная работа	0,16	0,32		
Доступность ценностей				
Красота природы и искусства	-0,33	0,00	0,23	F=4,9162, при уровне значимости p<0,00018
Счастливая семейная жизнь	-0,26	0,01		
Активная деятельная жизнь	0,22	0,02		
Свобода	-0,16	0,07		
Творчество	0,16	0,13		
Познание	-0,11	0,27		
Рассогласование ценностей и их доступности				
Красота природы и искусства	0,24	0,01	0,26	F=8,6759, при уровне значимости p<0,00001
Познание	0,18	0,08		
Общая сумма рассогласования	0,14	0,26		
Свобода	0,10	0,32		
Субъективное благополучие				
Удовлетворенность жизнью в Комсомольске-на-Амуре	-0,41	0,00	0,28	F=9,2523, при уровне значимости p<0,00001
Удовлетворенность состоянием природной среды в Комсомольске-на-Амуре	-0,14	0,16		
Удовлетворенность своим здоровьем	-0,16	0,12		
Удовлетворенность своей жизнью в целом	0,19	0,09		
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	-0,10	0,30		

Примечание. β – стандартизированный регрессионный коэффициент; p – уровень статистической значимости; R² – коэффициент множественной детерминации.

фликта в данных сферах. Субъективная недостижимость значимых для человека ценностей (красоты, познания, свободы) позволяет спрогнозировать миграционную активность молодежи.

Самой высокой прогностической способностью (28% дисперсии) обладает модель предикции миграционных установок субъективным благополучием, включаю-

щая в себя 5 переменных: удовлетворенность жизнью в городе ($\beta=-0,41$) и жизнью в целом ($\beta=0,19$), состоянием природы ($\beta=-0,14$), своим здоровьем ($\beta=-0,16$) и взаимоотношениями ($\beta=-0,10$). Исследование удовлетворенности жизнью в городе и персонального благополучия подтвердило, что снижение субъективного благополучия побуждает молодежь ис-

вать способы его повышения. Миграция в данном контексте может рассматриваться как способ восстановления субъективного благополучия.

Обобщая данные регрессионного анализа, можно заключить, что в наибольшей степени предсказывают миграционную активность молодежи субъективная доступность значимых ценностей, несогласованность ценностей и их доступности, а также уровень субъективного благополучия. Чем меньше человек видит возможностей для реализации собственных ценностей и чем выше уровень несогласования между значимостью ценностей и их доступностью, ниже уровень субъективного благополучия, тем выше миграционная активность молодежи.

Высокая значимость для молодого человека интересной работы с возможностью реализовать свою активность через неординарные способности в творчестве с одновременно острым несогласованием в «значимости» и «доступности» ценностей познания, свободы и красоты приводит к снижению уровня субъективной удовлетворенности. Стремление к самосовершенствованию, возможность проявить свои творческие способности, получить свободу в сфере профессиональных интересов, семейной жизни не приносят молодым людям удовлетворения своим настоящим, усиливая миграционные намерения молодежи. Напротив, небольшое число внутриличностных ценностных конфликтов при высокой значимости и возможности реализовать семейное благополучие, основанное на взаимопонимании и любви, с более низкой значимостью творчества и интересной работы позволяет молодым людям чувствовать себя более удовлетворенными своим настоящим. Эти особенности ценностно-смысловой сферы личности

являются сдерживающими факторами миграционной активности молодежи.

Исследование миграционной активности молодежи обнаружило, что субъективная невозможность реализации своих ценностей ведет к снижению субъективного благополучия от осознания неспособности проявления активности в широком контексте. Это состояние вызывает желание изменить что-то в своей жизни, мотивируя человека к миграции. Недостижимость значимых ценностей побуждает молодежь искать способы их реализации в других регионах нашей страны.

Заключение

Молодежь является важнейшим потенциалом развития любого региона и составляет в настоящее время около 1/4 численности населения России, поэтому актуальной задачей молодежной и социально-экономической политики любого города является принятие мер, способствующих снижению миграционного оттока молодежи.

Наше исследование было направлено на выяснение психологических причин миграционных процессов среди молодежи города Комсомольска-на-Амуре. Нами выявлено, что основными условиями, обуславливающими нарастание негативных миграционных процессов молодежи, являются несогласование между ценностями и их доступностью, а также уровень субъективного благополучия.

Исследование показало, что предикторы миграционной активности молодежи обнаруживают себя в области доступности жизненных ценностей: у молодежи, имеющей миграционные установки, обнаружено высокое несогласование между важностью определен-

ных ценностей и их возможностью для реализации почти во всех сферах жизни (личностной, профессиональной и социальной). Рассогласование обнаружено и у молодежи, не имеющей намерения покинуть город, но оно не является таким острым и глубоким, что обеспечивает субъективное благополучие личности и не вызывает состояние внутриличностного конфликта.

Учитывая существенную долю «прагматиков» в составе молодежи г. Комсомольска-на-Амуре, можно говорить о необходимости стимулирования экономических субъектов в целях создания квалифицированных рабочих мест для молодежи, а также развития объектов социальной инфраструктуры города, что позволит сбалансировать реальные условия жизни и ожидания молодежи.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 142/2018Д «Социальные и психологические факторы миграции молодежи города Комсомольска-на-Амуре»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева М.В., Шамионов Р.М. Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 127–130.
2. Зайончковская Ж.А. Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 479–490.
3. Зайончковская Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 106–126.
4. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социального опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–111.
5. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–46.
6. Кузнецова С.А., Орехова А.О. Особенности временных перспектив старшеклассников в миграционно подвижном регионе (на примере Магадана) [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2015. Том 7. № 1. С. 56–68. doi:10.17759/psyedu.2015070106
7. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. М.: Мысль, 1985. 120 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017. 686 с.
9. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Некоторые аспекты миграционной мотивации российской молодежи // Народонаселение. 2014. № 2. С. 65–71.
10. Фанталова Е.Б. Диагностика внутриличностного конфликта. М.: Фолиум, 1997. 48 с.
11. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psychclin/2013/n1/58926.shtml> (дата обращения: 03.07.2018)

12. Хомра А.У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка, 1979. 148 с.
13. Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408
14. Шамионов Р.М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237–249.
15. Ядов В.А. и др. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
16. Яремчук С.В. Субъективное благополучие как компонент ценностно–смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. № 5. С. 85–95.
17. Acsah C., Medvedev D. Internal migration in Ghana: Determinants and welfare impacts // International Journal of Social Economics. 2012. Vol. 39 (10). P. 764–784. doi: 10.1108/03068291211253386
18. Bell M., Charles–Edwards E. Measuring internal migration around the globe: A comparative analysis. Washington: The World Bank, D.C., 2014. 35 p.
19. Chindarkar N. Is subjective well–being of concern to potential migrants from Latin America? // Social Indicators Research. 2014. Vol. 115 (1). P. 159–182. doi: 10.1007/s11205–012–0213–7
20. Creighton M.J. The role of aspirations in domestic and international migration // The Social Science Journal. 2013. Vol. 50 (1). P. 79–88. doi: 10.1016/j.soscij.2012.07.006
21. Cui C., Geertman S., Hooimeijer P. The mediating effects of parental and peer pressure on the migration intentions of university graduates in Nanjing // Habitat International. 2016. Vol. 57. P. 100–109. doi: 10.1016/j.habitatint.2016.05.010
22. Deotti L., Estruch T. Addressing rural youth migration at its root causes: a conceptual framework. Rome: Rural Development FAO, 2016. 60 p.
23. Frieze I.H. et al. Psychological factors in migration and place attachment in Slovene students // Anthropos: Journal of Psychology, Philosophy, and for the Cooperation of Humanistic Studies. 2011. Vol. 3–4 (223–224). P. 179–191.
24. Gavonel M.F. Patterns and drivers of internal migration among youth in Ethiopia, India, Peru and Vietnam [Electronic resource]. Oxford: Young Lives, 2017. URL: <https://www.younglives.org.uk/sites/www.younglives.org.uk/files/YL-WP169-Gavonel.pdf> (Accessed: 03.07.2018).
25. International Migration Report 2017: Highlights. New York: United Nations, 2017. 30 p.
26. International wellbeing index: Translation made by Dr. Ekaterina Uglanova [Electronic resource]. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf> (Accessed: 03.07.2018).
27. Li M. et al. Reasons for leaving home: Comparing predictors of wanting to migrate and travel in Croatian undergraduates // Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes). 2012. Vol. 28 (1). P. 7–27.
28. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. Centro Studi Luca d’Agliano // Development Studies Working Paper. 2016. Vol. 409. P. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097

29. Nowok B. et al. Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective wellbeing // Environment and Planning A. 2013. Vol. 45 (4). P. 986–1002. doi: 10.1068/a45287
30. Otrachshenko V., Popova O. Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // The Journal of Socio–Economics. 2011. Vol. 48. P. 40–49. doi: 10.1016/j.socec.2013.09.008
31. Roman M., Vasilescu M.D. Explaining the migration intentions of Romanian youth: Are teenagers different? // Romanian Statistical Review. 2016. Vol. 64 (4). P. 69–86.

Components of value-semantic sphere of personality as predictors of migration intentions among the youth (on the example of Komsomolsk-on-Amur)

A. V. BAKINA*,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Komsomolsk-on-Amur, Russia, bakina_anna@mail.ru*

O. A. ORLOVA**,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Komsomolsk-on-Amur, Russia, olga_shishmareva@mail.ru*

S. V. YAREMTCHUK***,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Komsomolsk-on-Amur, Russia, svj@rambler.ru*

The article is devoted to the study of migration intentions among young people in Komsomolsk-on-Amur. The study tested two hypotheses: 1) differences between groups of young people with different migration activity will be manifested in the mismatch between values and their accessibility, as well as in the level of subjective well-being; 2) components of the value-semantic sphere are predictors of migration intentions among young people. The sample group included 130 subjects aged 16–25 years (mean age 23.1 years). To explore value-semantic sphere was used the methodology of E.B. Fantalova “level of correlation between “value” and “accessibility” in various

For citation:

Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremtchuk S.V. Components of value-semantic sphere of personality as predictors of migration intentions among the youth (on the example of Komsomolsk-on-Amur). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 95–113. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100208

* Bakina Anna V. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, bakina_anna@mail.ru

** Orlova Olga A. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, olga_shishmareva@mail.ru

*** Yaremtchuk Svetlana V. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, svj@rambler.ru

spheres of life” and the Index of personal well-being. The results of the study showed that 26% of young people are not going to change their place of residence, 22% – are going to leave the city. Step-by-step regression analysis allowed us to identify explanatory models that predict the migration activity of young people. Subjective well-being is the most significant predictor of migration intentions (28% of variance). The second place is occupied by the sharpness of the mismatch between the importance of values and their subjective accessibility (26% of the variance).

Keywords: migration intentions, predictors, subjective well-being, values, intrapersonal conflict, youth.

Funding

This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project №142/2018D «Social and psychological factors of youth migration in Komsomolsk-on-Amur»)

REFERENCES

1. Grigor'eva M.V., Shamionov R.M. Vremennye sootnosheniya sub#ektnyh i lichnostnyh proyavlenij v adaptacionnom processe [Temporal correlations of subject and personal displays in adaptation process]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 2009, no. 9, pp. 127–130.
2. Zajonchkovskaja Zh.A. Migracii i demograficheskoe budushhee Sibiri i Dal'nego Vostoka [Migrations and the demographic future of Siberia and the Far East]. In Glezer O., Poljana P. (eds) *Rossija i ee regiony v XX veke: territorija – rasselenie – migracii [Russia and its regions in the 20th century: territory – resettlement – migration]*. Moscow: Publ. OGI, 2005, pp. 479–490.
3. Zajonchkovskaja Zh.A. Rossiya: migracija v raznom masshtabe vremeni [Russia: Migration in Different Scale of Time]. Moscow: Centr izucheniya problem vyzhdennoj migracii v SNG, 1999, pp. 106–126.
4. Zajonchkovskaja Zh.A., Nozdrina N.N. Migracionnyj opyt naselenija regional'nyh centrov Rossi (na primere social'nogo oprosa v 10 gorodah) [Migration experience of the population of the regional centers of Russia (on the example of social survey in 10 cities)]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 2008, no. 4, pp. 98–111.
5. Kuznetsova S.A. Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013. no. 4, pp. 34–46. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Kuznetsova S.A., Orekhova A.O. Features of Time Perspectives in High School Students in the Migration Mobility Region (on Example of Magadan) [Elektronnyj resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 56–68. doi:10.17759/psyedu.2015070106. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Moiseenko V.M. Territorial'noe dvizhenie naselenija [Territorial movement of the population]. Moscow: Mysl', 1985. 120 p.

8. *Rossiiskij statisticheskij ezhegodnik [Russian statistical yearbook]*. Moscow: Rossta, 2017. 686 p.
9. Sigareva E.P., Sivopljasova S. Yu. Nekotorye aspekty migracionnoj motivacii rossijskoj molodezhi [Some aspects of migration motivation of Russian youth]. *Narodonaselenie [Population]*, 2014, no. 2, pp. 65–71.
10. Fantalova E.B. Diagnostika vnutrilichnostnogo konflikta [Diagnosis of internal conflict]. Moscow: Folium, 1997. 48 p.
11. Fantalova E.B. Diagnostics of values and internal conflicts in the general and clinical psychology [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaja i spetsial'naja psikhologija [Clinical Psychology and Special Education]*, 2013. Vol. 2, no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.) URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml> (Accessed: 03.07.2018)
12. Homra A.U. Migracija naselenija: Voprosy teorii, metodiki issledovanija [Population Migration: Issues of Theory, Research Methods]. Kiev: Naukova dumka, 1979. 148 p.
13. Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Shamionov R.M. O nekotoryh preobrazovanijah struktury sub#ektivnogo blagopoluchija lichnosti v raznyh uslovijah professional'noj socializacii [Subjective Well-being of Personality as a Subject of Socialexistence]. *Mir psihologii [World of psychology]*, 2010, no. 1, pp. 237–249.
15. Jadov V.A. [i dr.] Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: Dispozicionnaja koncepcija [Self-regulation and prediction of social behavior: Dispositional concept]. Moscow: Publ. CSPiM, 2013. 376 p.
16. Jaremtchuk S.V. Sub#ektivnoe blagopoluchie kak komponent cennostno-smyslovoj sfery lichnosti [Subjective well-being as a part of self-regulation system based on personal values]. *Psihologicheskii zhurnal [Psikhologicheskii Zhurnal]*, 2013, no. 5, pp. 85–95.
17. Ackah C., Medvedev D. Internal migration in Ghana: Determinants and welfare impacts. *International Journal of Social Economics*, 2012. Vol. 39 (10), pp. 764–784. doi: 10.1108/03068291211253386
18. Bell M., Charles-Edwards E. Measuring internal migration around the globe: A comparative analysis. Washington: The World Bank, D.C., 2014. 35 p.
19. Chindarkar N. Is subjective well-being of concern to potential migrants from Latin America? *Social Indicators Research*, 2014. Vol. 115 (1), pp. 159–182. doi: 10.1007/s11205-012-0213-7
20. Creighton M.J. The role of aspirations in domestic and international migration. *The Social Science Journal*, 2013. Vol. 50 (1), pp. 79–88. doi: 10.1016/j.soscij.2012.07.006
21. Cui C., Geertman S., Hooimeijer P. The mediating effects of parental and peer pressure on the migration intentions of university graduates in Nanjing. *Habitat International*, 2016. Vol. 57, pp. 100–109. doi: 10.1016/j.habitatint.2016.05.010
22. Deotti L., Estruch T. Addressing rural youth migration at its root causes: a conceptual framework. Rome: Rural Development FAO, 2016. 60 p.

23. Frieze I.H. et al. Psychological factors in migration and place attachment in Slovene students. *Anthropos: Journal of Psychology, Philosophy, and for the Cooperation of Humanistic Studies*, 2011. Vol. 3–4 (223–224), pp. 179–191.
24. Gavonel M.F. Patterns and drivers of internal migration among youth in Ethiopia, India, Peru and Vietnam [Elektronnyi resurs]. Oxford: Young Lives, 2017. URL: <https://www.younglives.org.uk/sites/www.younglives.org.uk/files/YL-WP169-Gavonel.pdf> (Accessed: 03.07.2018)
25. International Migration Report 2017: Highlights. New York: United Nations, 2017. 30 p.
26. International wellbeing index: Translation made by Dr. Ekaterina Uglanova [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf> (Accessed: 03.07.2018)
27. Li M. et al. Reasons for leaving home: Comparing predictors of wanting to migrate and travel in Croatian undergraduates. *Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes)*, 2012. Vol. 28 (1), pp. 7–27.
28. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. Centro Studi Luca d'Agliano. *Development Studies Working Paper*, 2016. Vol. 409, pp. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097
29. Nowok B. et al. Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective wellbeing. *Environment and Planning A*, 2013. Vol. 45 (4), pp. 986–1002. doi: 10.1068/a45287
30. Otrachshenko V., Popova O. Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio–Economics*, 2011. Vol. 48, pp. 40–49. doi: 10.1016/j.socec.2013.09.008
31. Roman M., Vasilescu M.D. Explaining the migration intentions of Romanian youth: Are teenagers different? *Romanian Statistical Review*, 2016. Vol. 64 (4), pp. 69–86.

Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи

А.В. МИКЛЯЕВА*,
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
a.miklyaeva@gmail.com

М.И. ПОСТНИКОВА**,
ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
post-margarita@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение социально-психологической структуры межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в разных регионах России. В исследовании приняли участие 102 студента в возрасте 17–24 лет, проживающие в г. Санкт-Петербурге и г. Архангельске. Теоретико-методологическую базу исследования составили социологический подход к пониманию феномена «поколение», а также социально-психологическая трактовка поколения как большой социальной группы. Результаты структурированы в соответствии с тремя исследовательскими вопросами: 1. Каково влияние гетерогенности социокультурных условий на становление системы межпоколенческих отношений? 2. Каким образом взаимосвязаны между собой характеристики поколенческой идентификации и межпоколенческих отношений? 3. Каким образом реальный опыт взаимодействия с представителями разных поколений опосредует характер межпоколенческих отношений? Результаты исследования показывают, что среди респондентов доминирует идентификация с постсоветским поколением (независимо от места жительства), структура социальных контактов также носит универсальный характер (более 50% составляют представители постсоветского поколения, по 17–20% — переходного и советского поколений, около 5% — послевоенного поколения). Регрессионный анализ свидетельствует о том,

Для цитаты:

Микляева А.В., Постникова М.И. Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 114–126. doi:10.17759/sps.2019100209

* Микляева Анастасия Владимировна — доктор психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ), Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com

** Постникова Маргарита Игоревна — доктор психологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), Архангельск, Россия, post-margarita@yandex.ru

что большое количество внутрипоколенческих связей является предиктором размытой поколенческой идентичности, которая, в свою очередь, опосредует характер межпоколенческих отношений, прежде всего, с представителями «своего» поколения.

Ключевые слова: поколение, межпоколенческие отношения, поколенческая идентичность, молодежь, студенты, военное поколение, послевоенное поколение, советское поколение, переходное поколение, постсоветское поколение.

Постановка проблемы исследования

Проблема взаимоотношений между поколениями привлекает к себе внимание на протяжении многих столетий, но особенно она обострилась на рубеже XX и XXI веков в связи с нарастанием социальной неопределенности и нестабильности. Значимость проблематики межпоколенческих отношений определяется тем, что отношения между поколениями традиционно рассматриваются как опосредующее звено бытия общества, определяющее возможность его непрерывной истории [7], качественного обновления типов деятельности людей в областях культуры и производства [16]. В современной науке приняты два принципиально разных толкования поколения: генерационное (при котором поколение понимается как этап происхождения от единого предка) [16] и социологическое (при котором поколение понимается как совокупность схожих по возрастным признакам людей, на формирование личности которых оказывают влияние схожие социально-исторические условия) [6]. В нашем исследовании поколение трактуется в социологическом ключе как «объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями

формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [2, с. 42]. Выбор данной позиции обусловлен тем, что, по мнению целого ряда исследователей, в современных социально-исторических условиях генерационный подход к трактовке феномена поколения не отвечает существующим сегодня многомерным способам взаимодействия между людьми, трансляции социального опыта [18; 19]. Так, по мнению В.З. Шурбе, опирающейся на типологию культур М. Мид [9], в современных социальных условиях формируется новый тип межпоколенческих отношений — полифигуративный тип культуры, характеризующийся обучением представителей разных поколений у разных поколений, формированием общего опыта одно- и одновременно живущих поколений [19].

Изменение парадигмы исследования межпоколенческих отношений, выражающееся в переходе от анализа «вертикальной» межпоколенческой трансмиссии культурного опыта к изучению «горизонтального» взаимодействия, позволяет по-новому осмыслить закономерности межпоколенческих отношений, переходя от их традиционного анализа в континууме «конфликт поколений — преемственность поколений» к изучению практик реального взаимодействия между поколениями как большими социальными группами и отдельными людьми как представителя-

ми поколений. Современная реальность межпоколенческих отношений может быть описана с помощью термина «селективная преемственность» [6]: некоторые знания, нормы и ценности усваиваются и передаются между поколениями, другие, не соответствующие изменившимся социальным условиям, трансформируются или отвергаются. В этих условиях «разрывы» проходят не между «старшими» и «младшими» поколениями, а между социальными группами, функционирующими в неоднородном социальном и информационном пространстве. В частности, по мнению ряда исследователей, в информационно- и ценностно-однородной культурной среде между «старшими» и «младшими» поколениями гораздо больше общего, чем между представителями одного поколения из разных социальных групп [4]. В этой связи имеющиеся в современной социально-психологической литературе сведения о «ценностном разрыве» между поколениями [14; 17], поколенческих различиях [11; 21], поколенческой идентичности [22] и т.д. нуждаются в детальном анализе на материале кросс-секционных исследований для уточнения содержательной специфики «межпоколенческих разрывов» в контексте гетерогенности социальных условий [13].

Еще одна исследовательская проблема возникает в связи с необходимостью определения поколенческих групп, представленных в социальной структуре современного российского общества. В рамках социологической трактовки феномена «поколение» в качестве критериев дифференциации целесообразно рассматривать социокультурный контекст формирования поколения как большой социальной группы, социально-психологические особенности которой (социальные представления,

нормы, ценности, смысложизненные ориентации и др.) определяются социально-историческими условиями включения людей, близких по возрасту, в поколенческую общность [1]. Анализируя социально-исторический контекст становления межпоколенческих отношений в современной России, разные авторы выбирают различные «переломные моменты» в истории страны, определяющие своеобразие социокультурных условий формирования поколений. Так, Ю.А. Левада в качестве переломных моментов выделяет революционный период (1905–1930 гг.), период «сталинской» мобилизации (1930–1941 гг.), военный и послевоенный периоды (1941–1953 гг.), период «оттепели» (1953–1964 гг.), период «застоя» (1964–1985 гг.), период «перестройки» (1985–1999 гг.), констатируя тем самым наличие пяти поколений в структуре российского общества начала XXI века [8]. В.И. Пищик в качестве переломного события в современной истории России рассматривает смену эпохи социализма постсоветской эпохой, повлекшей за собой изменения социокультурного контекста, что позволяет выделить три поколения: советское, постсоветское и переходное [12]. Аналогичные поколения выделяет и Н.В. Сиврикова, использующая в качестве дифференцирующих критериев, помимо исторической эпохи формирования поколения, возрастные и семейно-ролевые признаки представителей поколенческих групп [15]. В нашем исследовании в качестве критериев дифференциации поколений рассматриваются возраст, историческая эпоха, оказавшая влияние на становление личности, а также социальная роль в семье и в обществе, на основании которых были выделены пять поколений, взаимодействующих в совре-

менном российском обществе: военное поколение (формирование ценностей которого связано с периодом Великой Отечественной войны); послевоенное поколение (формирование ценностей которого связано с периодом послевоенного восстановления СССР); советское поколение (формирование ценностей которого связано с эпохой «позднего» СССР); переходное поколение (формирование ценностей которого пришлось на эпоху перестройки, прекращения существования СССР и период накопления первичного капитала) и постсоветское поколение (формирование ценностей которого связано с эпохой стабилизации социально-экономической ситуации в России) [13].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом развиваются отношения между поколениями как большими социальными группами. Учитывая символический характер поколенческой общности, в основе существования которой лежат механизмы социальной идентификации составляющих ее людей [10], анализ поколенческих взаимоотношений может осуществляться как на уровне изучения социальных представлений и стереотипов (как это чаще всего делается в современной социальной психологии), так и на уровне изучения практик повседневного взаимодействия между представителями разных поколений, а также их психологических эффектов. В зарубежных исследованиях показано, что реальный опыт межпоколенческого взаимодействия опосредует содержание поколенческих стереотипов, снижая их значимость в регуляции межпоколенческого взаимодействия [20].

В соответствии со сказанным выше нами были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Каково влияние гетерогенности социокультурных условий на становление системы межпоколенческих отношений?

2. Каким образом взаимосвязаны между собой характеристики поколенческой идентификации и межпоколенческих отношений?

3. Каким образом реальный опыт взаимодействия с представителями разных поколений опосредует характер межпоколенческих отношений?

Поиск ответов на эти вопросы осуществлялся на примере представителей постсоветского поколения, проживающих в разных социокультурных условиях (Санкт-Петербург и Архангельск).

Программа исследования

Целью проведенного исследования стало изучение социально-психологической структуры межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в разных регионах России. В исследовании приняли участие 102 респондента — учащиеся высших учебных заведений, в том числе 49 жителей г. Архангельска (22 юноши и 27 девушек, средний возраст — $20,81 \pm 2,17$ лет) и 53 жителя г. Санкт-Петербурга (27 юношей и 26 девушек, средний возраст — $19,93 \pm 1,98$ лет).

Исследование проводилось в январе—марте 2018 г. с помощью метода анкетирования. Была разработана авторская анкета (А.В. Микляева). В ходе анкетирования оценивались следующие параметры: 1) содержание поколенческой идентичности и «сила» идентификации (7-балльная шкала); 2) объем и содержание социальных контактов с представителями различных поколений (на основе самооценки, а также анализа системы

социальных контактов, проведенного с помощью модифицированной методики «Социальные сети подростка» [5]); 3) характеристики межпоколенческих отношений, оцененных по параметрам «дискомфорт—комфорт», «дистанция—близость», «конфликтность—бесконфликтность», «неуважение—уважение», «непонимание—понимание», «напряженность—спокойствие» (7-балльная шкала). В процессе обработки полученных результатов использовались критерииальный (U-критерий Манна—Уитни, ϕ^* -критерий Фишера), корреляционный (r_s -коэффициент Спирмена) и регрессионный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные в нашем исследовании результаты позволяют утверждать, что подавляющее большинство студентов Санкт-Петербурга и Архангельска идентифицируют себя с постсоветским поколением, ценности которого формировались в эпоху стабилизации социально-экономической ситуации в России (89,2%). Достоверно реже ($p < 0,01$) наблюдается идентификация с переходным поколением, ценности которого форми-

ровались в эпоху перестройки, распада СССР и периода накопления первичного капитала (7,8%). Другие поколенческие идентификации наблюдаются в единичных случаях. Сравнительный анализ показал, что «сила» идентификации с постсоветским поколением в выборке студентов-петербуржцев достоверно выше, чем в выборке студентов-архангелогородцев (табл. 1).

Анализ самооценки объема социальных контактов респондентов с представителями различных поколений показал, что молодые люди вовлечены преимущественно во взаимодействие с представителями собственного поколения. Как видно из таблицы 2, объем контактов с представителями своего и других поколений у студентов Санкт-Петербурга и Архангельска практически не различается. Студенты в целом достоверно чаще контактируют с представителями своего (постсоветского) поколения ($p < 0,01$), с которыми, как и с представителями переходного поколения, их связывают, в первую очередь, дружеские контакты или контакты по работе.

Послевоенное и советское поколения почти полностью представлены родственниками (чаще всего родителями, бабушками и дедушками). Важно отметить, что респонденты довольно точно

Таблица 1

Идентификация с разными поколениями студентов Санкт-Петербурга и Архангельска

Поколения	Студенты Санкт-Петербурга	Студенты Архангельска	Достоверность различий
Военное	1,44±1,02	2,05±1,52	$p < 0,05$
Послевоенное	1,52±1,02	2,20±1,49	$p < 0,01$
Советское	1,85±1,50	2,64±1,56	$p < 0,01$
Переходное	2,79±2,13	3,59±1,92	$p < 0,01$
Постсоветское	5,15±1,91	4,70±1,61	$p < 0,05$

отражают реальную структуру межпоколенческих отношений, в которые они включены (на это указывает практически полное совпадение сведений, полученных на основе анализа системы социальных связей респондентов и их самооценки поколенческой структуры социальных контактов), и вполне удовлетворены имеющимся положением дел.

Анализ содержания межпоколенческих контактов показывает, что у респондентов-архангелогородцев в целом несколько шире круг социальных контактов, что характерно как для сферы инструментальной поддержки, так и для сферы доверительных отношений (табл. 3).

Оценивая свои отношения с представителями разных поколений, студенты-

архангелогородцы характеризуют их в целом как более благоприятные, в сравнении с оценками студентов-петербуржцев (табл. 4).

Характеризуя свои отношения с представителями других поколений, студенты-архангелогородцы в качестве наиболее позитивных описывают отношения с представителями военного и послевоенного поколений, особенно акцентируя внимание на уважении, бесконфликтности, низкой эмоциональной напряженности этих отношений.

Также позитивная характеристика дается отношениям с представителями собственного поколения, в которых в первую очередь подчеркиваются комфорт, близость и понимание. Отношения

Таблица 2
Оценка объема контактов с представителями различных поколений студентами Санкт-Петербурга (СПб) и Архангельска (А)

Поколения	Самооценка частоты контактов (%)				Анализ социальных контактов (%)	
	Реальный объем контактов		Желательный объем контактов			
	СПб	А	СПб	А	СПб	А
Военное	2,5	2,2	6,1	5,6	-	-
Послевоенное	4,7	5,0	6,7	6,9	1,7	5,3
Советское	16,9	17,2	15,3	13,1	21,6	25,1
Переходное	19,4	22,2	21,7	19,7	17,8	14,5
Постсоветское	56,5	53,4	50,2	54,7	58,9	55,1

Таблица 3
Инструментальные и доверительные контакты студентов с представителями разных поколений

Поколения	Инструментальные контакты			Доверительные контакты		
	Санкт-Петербург	Архангельск	Достоверность различий	Санкт-Петербург	Архангельск	Достоверность различий
Послевоенное	0,16	0,29	-	0,08	0,13	-
Советское	1,04	1,39	-	0,79	1,00	-
Переходное	0,85	0,77	-	0,81	0,55	-
Постсоветское	1,98	3,03	p<0,01	2,81	2,94	-

с представителями советского и переходного поколений характеризуются студентами как неоднозначные, ключевой проблемой в них, с точки зрения респондентов, является проблема понимания. В отношениях с представителями собственного поколения, которые студенты в целом тоже оценивают как достаточно благополучные, в качестве проблемной точки на первый план выходит конфликтность.

В целом, можно отметить, что поколенческое сходство выражается для студентов, прежде всего, в оценках отношений как комфортных и психологически близких, с одной стороны, и несущих в себе потенциал конфликта, с другой стороны. Оценки студентов-петербуржцев в целом демонстрируют те же тенденции по

отношению к старшим поколениям (военному и послевоенному), однако оценки отношений к постсоветскому и переходному поколениям достоверно ниже, чем в выборке студентов-архангелогородцев, в первую очередь по параметру «уважение». Необходимо подчеркнуть, что респонденты обеих групп как наиболее благополучные описывают отношения с представителями военного поколения, опыт социальных контактов с которыми у них крайне мал (на основе анализа системы социальных контактов можно утверждать, что этот опыт полностью отсутствует), а также с представителями послевоенного поколения, опыт общения с которыми ограничен рамками семейного взаимодействия и исчерпывается, прежде всего, инструментальными контактами.

Таблица 4

Оценки отношений с представителями разных поколений респондентами Санкт-Петербурга (СПб) и Архангельска (А)

Оценка отношений с:		Комфорт	Близость	Бесконфликтность	Уважение	Понимание	Спокойствие
военным поколением	СПб	4,25	3,56	5,33	6,06	4,37	4,40
	А	4,91	4,52	5,23	6,57	4,43	5,18
	p<	-	0,05	-	-	-	0,05
послевоенным поколением	СПб	3,94	3,40	5,06	4,87	4,42	3,83
	А	5,09	4,70	4,88	5,95	4,14	5,28
	p<	0,05	0,95	-	0,05	-	0,05
советским поколением	СПб	3,65	3,41	4,12	4,47	3,82	3,78
	А	5,38	4,81	4,55	5,48	4,02	4,93
	p<	0,05	0,05	-	0,05	-	0,05
переходным поколением	СПб	4,42	4,18	4,71	4,40	4,87	4,40
	А	5,38	5,00	4,49	5,14	4,32	5,11
	p<	-	0,05	-	0,05	-	0,05
постсоветским поколением	СПб	4,5	4,63	3,87	3,25	3,85	4,52
	А	4,67	5,34	4,17	5,16	3,83	5,01
	p<	0,05	-	-	0,01	-	-

Корреляционный анализ показал, что структура взаимосвязей между оцениваемыми показателями в выборках респондентов-петербуржцев и архангелогородцев различается довольно существенно. Наиболее яркие различия наблюдаются во взаимосвязях показателей, сгруппированных вокруг параметра «сила идентификации с постсоветским поколением». В выборке студентов-петербуржцев этот показатель отрицательно связан с целым рядом оценок отношений с переходным и постсоветским поколениями ($p \leq 0,05$), с показателем «понимание» в отношениях с представителями военного поколения ($p < 0,05$), с показателями «понимание» ($p < 0,01$) и «близость» ($p < 0,05$) с представителями послевоенного поколения. В выборке респондентов-архангелогородцев обнаружена положительная взаимосвязь между «силой идентификации с постсоветским поколением» и объемом инструментальных ($p < 0,05$) и доверительных ($p < 0,05$) контактов с представителями постсоветского поколения. На этом основании было выдвинуто предположение о том, что между реальным опытом межпоколенческих контактов, силой идентификации с собственным поколением и характером отношений с представителями собственного и других поколений существуют причинно-следственные связи. Это предположение проверялось с помощью регрессионного анализа на материале совокупной выборки ($n=102$). На первом этапе было выявлено, что в качестве детерминанты показателя «сила идентификации с постсоветским поколением» в выборке молодых людей может рассматриваться количество доверительных внутрипоколенческих контактов, характеризующее систему реальных социальных связей респондентов ($r = 0,24$, $p < 0,05$ при $r^2 = 0,39$).

Эти данные можно объяснить с позиций теории социальной идентичности, согласно которой социальная идентификация протекает в условиях межгруппового сравнения, на основе опыта ин- и аутгруппового взаимодействия [23].

На втором этапе было показано, что показатель «сила идентификации с постсоветским поколением» в свою очередь опосредует характер внутрипоколенческих отношений, в частности, высокий уровень поколенческой идентификации является предиктором отрицательной оценки отношений с представителями «своего» поколения по параметру «уважение» ($r = -0,30$, $p < 0,05$ при $r^2 = 0,31$). Этот результат противоречит имеющимся в социальной психологии сведениям об эффекте ингруппового фаворитизма [3], в силу чего взаимосвязь между характеристиками поколенческой идентификации и внутрипоколенческого взаимодействия требует отдельного эмпирического исследования.

Выводы

Таким образом, на основе полученных результатов можно утверждать следующее:

1. Среди студентов-петербуржцев и архангелогородцев преимущественно распространена идентификация с постсоветским поколением, при этом в выборке студентов-петербуржцев констатируется более выраженная идентификация с постсоветским поколением, в сравнении со студентами-архангелогородцами.

2. У студентов-архангелогородцев система социальных контактов в целом несколько шире, чем у петербуржцев, однако ее поколенческая структура в обеих выборках практически одинакова: более

50% составляют представители «своего» (постсоветского) поколения, около 17–20% приходится на переходное поколение, столько же — на советское поколение, послевоенное поколение составляет около 5%, представители военного поколения студентами не упоминаются. Взаимодействие с представителями послевоенного и советского поколений сосредоточено преимущественно внутри семьи, внутр поколенческое общение и общение со смежным (переходным) поколением сосредоточено в основном в сфере дружеских, учебных и профессиональных контактов. На основе результатов регрессионного анализа можно утверждать, что большое количество внутр поколенческих инструментальных связей является предиктором размытой поколенческой идентификации, что наглядно проявилось в выборке студентов-архангелогородцев.

3. Оценки отношений со старшими поколениями (военным и послевоенным) в обеих выборках не различаются и характеризуются положительной модальностью. Однако тот факт, что опыт общения респондентов с представителями названных поколений ограничен, позволяет предполагать, что эти оценки носят преимущественно декларативный характер. Оценки отношений с теми поколениями, с представителями которых респонденты находятся в более или менее тесных повседневных контактах, более дифференцированы.

4. Отношения к «своему» поколению опосредованы силой поколенческой идентификации и достоверно различаются. Студенты-петербуржцы, для ко-

торых характерна большая сила идентификации с постсоветским поколением, оценивают свои отношения с представителями данного поколения достоверно ниже, чем респонденты, проживающие в Архангельске.

В целом, несмотря на выявленные различия в силе идентификации и оценках межпоколенческих отношений, структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге и Архангельске, оказалась во многом схожей. Некоторые результаты, полученные в исследовании, оказались довольно предсказуемыми (например, тот факт, что по мере интенсификации реального межпоколенческого взаимодействия межпоколенческие отношения становятся более дифференцированными). Другие выводы оказались неожиданными. В частности, применительно к нашей выборке «не сработал» эффект ин-группового фаворитизма, согласно которому студенты с сильной поколенческой идентификацией должны были бы оценивать отношения с представителями «своего» поколения выше, а не ниже, как это получилось по результатам нашего исследования. В этой связи возникает целый ряд исследовательских вопросов, которые касаются, в первую очередь, универсальности выявленных закономерностей межпоколенческих отношений для молодых людей, проживающих в других регионах России, а также для представителей других поколений современного российского общества. Поиск ответов на эти вопросы будет осуществлен в наших следующих исследованиях.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-00910А).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 174 с.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.
3. Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 53–67.
4. Изотова Е.И., Голубева Н.А., Гребенникова О.В. Феномен межпоколенной трансмиссии в социокультурном и информационном пространствах современности // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 51–63.
5. Казьмина О.Ю. Тест «Социальные сети подростка» // Школьный психолог. 1998. № 41. С. 2.
6. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
7. Лезгина Д.В. Проблема преемственности поколений (в западноевропейской философии): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 20 с.
8. Левада Ю.А. Сочинения. Избранное: социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
9. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Изд-во «Наука», 1988. 429 с.
10. Микляева А.В. Психология межвозрастных отношений. М.: Перо, 2014. 159 с.
11. Пищик В.И. Типология ментальности советских и постсоветских поколений // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 3. С. 18–24.
12. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
13. Постникова М.И. Психология отношений между поколениями в современной России: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 445 с.
14. Рикель А.М., Доренская С.В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205–227. doi: 10.21702/rpj.2017.4.10
15. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 100–107. doi: 10.17759/chp.2015110210
16. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
17. Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. doi: 10.17759/sps.2016070206
18. Цымбаленко С.Б. Взаимодействие поколений в новом социальном измерении // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 63–69.
19. Шурбе В.З. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 100–106.
20. Abrams D., Eller A., Bryant J. An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias // Psychology and aging. 2006. Vol. 21. P. 691–702.
21. Campbell W.K. et al. Generational Differences Are Real and Useful // Industrial and Organizational Psychology. 2015. Vol. 8 (3). P. 324–331. doi: 10.1017/iop.2015.43

22. Lyons S.T. et al. A qualitative exploration of generational identity: Making sense of young and old in the context of today's workplace // *Work, Aging and Retirement*. 2017. Vol. 3 (2). P. 209–224. doi: 10.1093/workar/waw024
23. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by W.G. Austin and S. Worchel. Monterey: Books Publishing Company, 1979. P. 33–49.

A Socio-psychological Structure of Intergenerational Relationships of students

A. V. MIKLYAEVA *,
Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia, a.miklyaeva@gmail.com

M.I. POSTNIKOVA **,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia, post-margarita@yandex.ru

The article presents the study aimed at researching the socio-psychological structure of intergenerational relations among students living in different regions of Russia. The study involved 102 students living in Saint-Petersburg and Arkhangelsk, aged 17–24 years. The theoretical and methodological basis of the study was a sociological approach to generation, as well as the socio-psychological interpretation of the generation as a large social group. The results are structured according to three research questions: 1) what is the influence of heterogeneity of sociocultural conditions on the formation of the intergenerational relations? 2) how are the characteristics of generational identification and the intergenerational relations interrelated? 3) how does the experience of real interaction with representatives of different generations mediate the intergenerational relations? The results of the study show that the identification with the post-soviet generation dominates among the respondents (regardless of place of residence), the structure of social contacts is also universal (more than 50% of the post-soviet generation, 17–20% of the transitional and soviet generation, about 5% of the post-war generation). Regression analysis shows that a large number of intragenerational relationships is a predictor of blurred generational identity, which, in turn, mediates the intergenerational relationships, primarily with representatives of “own” generation.

For citation:

Miklyaeva A.V., Postnikova M.I. A Socio-psychological Structure of Intergenerational Relationships of students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 114–126. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100209

* *Miklyaeva Anastasia V.* — Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, a.miklyaeva@gmail.com

** *Postnikova Margarita I.* — Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, post-margarita@yandex.ru

Keywords: generation, intergenerational relations, generational identity, youth, students, military generation, post-war generation, soviet generation, transitional generation, post-soviet generation.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 18-013-00910 А).

REFERENCES

1. Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of the historian]. Moscow: Nauka, 1986. 174p. (In Russ.).
2. Glotov M.B. Pokolenie kak kategoriya sociologii [Generation as a category of sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2004, no.10, pp. 42–48. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Gulevich O.A., Onuchin A.N. Osnovny`e napravleniya izucheniya e`ffektov mezhgruppovogo vospriyatiya [The main directions of studying the effects of inter-group perception]. *Voprosy` psixologii [Questions of Psychology]*, 2002, no. 3, pp. 53–67. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Izotova E.I., Golubeva N.A., Grebennikova O.V. Fenomen mezhpokolenoj transmissii v sociokul`turnom i informacionnom prostranstvax sovremennosti [The Phenomenon of intergenerational transmission in social, cultural and information spaces of modernity]. *Mir psixologii [World of psychology]*, 2017, no. 1 (89), pp. 51–63. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Kaz`mina O.Yu. Test «Social`ny`e seti podrostka» [Test “social networks of the teenager”]. *Shkol`ny`j psixolog [School Psychologist]*, 1998, no. 41, p. 2. (In Russ.).
6. Kon I.S. Sociologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat, 1967. 383 p. (In Russ.).
7. Lezgina D.V. Problema preemstvennosti pokolenij (v zapadnoevropejskoj filosofii). Avtopef. diss. kand. psikh. nauk. [The Problem of continuity of generations: in Western philosophy. Ph. D. (Psychology) Thesis]. St. Petersburg, 2004. 20 p. (In Russ.).
8. Levada Yu.A. Sochineniya. Izbrannoe: sociologicheskie ocherki, 2000–2005 [Compositions. Selected: Sociological Essays, 2000–2005]. Moscow: Publ. «Karpov E.V.», 2011. 507 p. (In Russ.).
9. Mid M. Kul`tura i mir detstva. Izbranny`e proizvedeniya. Moscow: Publ. «Nauka», 1988. 429 p. (In Russ.).
10. Miklyaeva A.V. Psixologiya mezhvozrastny`x otnoshenij [Psychology of inter-age relationships]. Moscow: Pero, 2014. 159 p. (In Russ.).
11. Pishhik V.I. Tipologiya mental`nosti sovetskix i postsovetskix pokolenij [The typology of mentality of the Soviet and Post-Soviet generations Typology]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2010. Vol. 7, no. 3, pp. 18–24. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Pishhik V.I. Pokoleniya: social`no-psixologicheskij analiz mental`nosti [Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality]. *Social`naya psixologiya i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Postnikova M.I. Psixologiya otnoshenij mezhdru pokoleniyami v sovremennoj Rossii. Diss. dokt. psikh. nauk. [Psychology of relations between generations in modern Russia. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 445 p. (In Russ.).

14. Rikel` A.M., Dorenskaya S.V. A socio-psychological model of values among different generations in modern russian society]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 205–227. doi: 10.21702/rpj.2017.4.10 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Sivrikova N.V. Problemy` izucheniya pokolenij v psixologii [Problems of research on generations in psychology]. *Kul`turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 100–107. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2015110210
16. Tolsty`x A.V. Opy`t konkretno-istoricheskoy psixologii lichnosti [The experience of concrete historical psychology of personality]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2000. 288 p. (In Russ.).
17. Fedotova V.A. Vzaimosvyaz` cennostej i innovativny`x ustanovok u predstavitelej razny`x pokolenij rossiyan [Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People]. *Social`naya psixologiya i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2016, Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070206
18. Cymbalenko S.B. Vzaimodejstvie pokolenij v novom social`nom izmerenii [The interaction of generations in the new social dimension]. *Mir psixologii [World of psychology]*, 2017, no. 1 (89), pp. 63–69. (In Russ.).
19. Shurbe V.Z. Pokolenie xaj-tek i «novy`j konflikt» pokolenij? [Hi-tech generation and “new conflict” of generations?]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2013, no. 4, pp. 100–106.
20. Abrams D., Eller A., Bryant J. An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias. *Psychology and aging*, 2006. Vol. 21, pp. 691–702.
21. Campbell W.K. et al. Generational Differences Are Real and Useful. *Industrial and Organizational Psychology*, 2015. Vol. 8 (3), pp. 324–331.
22. Lyons S.T. et al. A qualitative exploration of generational identity: Making sense of young and old in the context of today’s workplace. *Work, Aging and Retirement*, 2017. Vol. 3 (2), pp. 209–224. doi:10.1093/workar/waw024 (data obrashhenija: 04.05.2018)
23. Tajfel H., Turner J. (1979). An intergrative theory of intergroup conflict. In: Austin W.G., Worchel S. (eds) *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Books Publishing Company, 1979, pp. 33–49.

Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты

Н.В. ВОЛКОВА*,
НИУВШЭ, Санкт-Петербург, Россия,
nv.volkova@hse.ru

В.А. ЧИКЕР**,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
vchiker@yandex.ru

Л.Г. ПОЧЕБУТ***,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия,
ludmila.pochebut@gmail.com

В статье рассматриваются особенности консолидации социального капитала двух государственных организаций в контексте различий трудового поведения представителей трех поколений (беби-бумеры, поколения X и Y). Авторы вводят понятие «консолидация социального капитала», которая возникает на основе единого смыслового пространства, включающего в себя оценку организационной культуры, приверженности сотрудников целям и ценностям организации, а также их устойчивой организационной идентификации. В значительной степени консолидация социального капитала персонала определяется организационными, поколенческими и субкультурными особенностями. Были обследованы 250 человек с применением комплекса из трех методик по оценке организационной культуры, приверженности и четырех типов идентификации. Материалы, полученные на двух выборках (90 и 160 человек) в г. Санкт-Петербурге и г. Петрозаводске, показали различия между поколениями как вну-

Для цитаты:

Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 127–145. doi:10.17759/sps.2019100210

* *Волкова Наталья Владимировна* — кандидат психологических наук, старший преподаватель Департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, *nv.volkova@hse.ru*

** *Чикер Вера Александровна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, *vchiker@yandex.ru*

*** *Почебут Людмила Георгиевна* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, *ludmila.pochebut@gmail.com*

три организаций, так и между ними. Наибольшие трудности в консолидации социального капитала испытывает поколение X, сформировавшееся в нашей стране в годы перестройки и социальных изменений, что отражается в уровне идентификации представителей данного поколения и противоречиях в восприятии реальной и предпочитаемой организационной культуры.

Ключевые слова: консолидация социального капитала организации, идентификация, приверженность, организационная культура, поколения, субкультурные различия.

Введение

Несмотря на продолжающуюся дискуссию о правомерности выделения научного конструкта «поколение» в психологических исследованиях при изучении различий, возникающих в связи с возрастом респондентов, такой научный подход при анализе выявленных закономерностей в характеристике определенных социальных когорт продолжает активно развиваться, а количество работ по этой тематике неуклонно растет [3; 6; 10; 12; 14; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26; 28].

В.И. Пищик отмечает, что «в итоге накопилось большое количество определений понятия “поколение” и как звена генеалогической цепи, жизненного этапа, и как исторического периода и социально-возрастной категории. Возраст выступает признаком принадлежности к одному поколению, однако принадлежность к нему еще не означает равенство возраста» [12, с. 80–81]. Поколения сменяют друг друга с определенной периодичностью (примерно каждые 15–20 лет). Например, Э.М. Ремарк называл поколение Германии, воевавшее в Первой мировой войне — «потерянное поколение», а поколение, воевавшее во Второй мировой войне, немецкий социолог Х. Шельский обозначил как «скептическое поколение».

В социально-психологическом смысле Б.Д. Парыгин писал о психологии эпо-

хи как исторической общности людей, принадлежащих к одному поколению. Это общность психического состояния и поведения людей определенного времени, которая объединяет их, несмотря на многообразие различий между людьми [11, с. 256].

В социологическом смысле В.В. Радаев (2018 г.) рассматривает поколения как реальные социальные группы, совместно пережившие какие-то важные исторические события, повлиявшие на общность их восприятия и поведения. Автор считает, что разграничивать поколения нужно не по годам рождения, а по периодам, когда представители того или иного поколения вступали во взрослую жизнь [17, с. 16–17]. Наиболее важными факторами формирования психологии поколения В.В. Радаев считает исторические и культурные особенности взросления (социализации) молодых людей. Учитывая эти особенности, он предлагает выделить шесть эпох при классификации современных российских поколений: 1) мобилизационное поколение (1938 г. рождения и раньше, период взросления — 1941–1956 гг.); 2) поколение оттепели (1939–1946 гг. рождения, период взросления — 1956–1964 гг.); 3) поколение застоя (1947–1967 гг. рождения, период взросления — 1964–1984 гг.); 4) поколение реформ (1968–1981 гг. рождения, период взросления — 1985–

1999 г.); 5) поколение миллениалов (1982–2000 г. рождения, период взросления – 1999–2016 г.); поколение Z (г. рождения – 2001 и позднее, период взросления – 2016–20... г.).

Согласно традиционным классификациям (основанным преимущественно на теории В. Штрауса и Н. Хоува; 1991 г., 2009 г.), поколения обозначаются, как правило, следующим образом: величайшее поколение (1900–1923 г.), молчаливое поколение (1924–1943 г.), беби-бумеры (1944–1963 г.), поколение X (1964–1983 г.), поколение Y (1984–2003 г.), поколение Z (2004–20... г.)¹. Исходя из этой теории, мы определяем **поколение** как группу людей, родившихся в определенный период времени, общая социализация которых проходила под влиянием одинаковых исторических, политических и экономических событий, а также в определенной социокультурной среде [5].

В целом, несмотря на некоторые разногласия и сомнения, научное сообщество пришло к мнению, что в обозначении поколений как возрастных групп есть сущностное связующее ядро, определяемое, прежде всего, фиксацией превалирующих ценностей и мировоззрения на определенном историческом отрезке времени и в определенной культуре, в которых формируется личность. Таким образом, возраст – лишь одна из характеристик выделяемых групп.

Одним из первых отечественных авторов, обратившихся к понятию «поколение», был И.С. Кон, который смог объединить в основных признаках поколений

социологический, психологический и философский аспекты рассмотрения. Он считал, что понятие «поколение» определяется соотносительностью следующих составляющих: 1) современники, родившиеся примерно в одно и то же время; 2) ступень в происхождении от общего предка (сын, внук, правнук); 3) отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей; 4) общность жизненного опыта и переживания современников [8]. Именно поэтому ключевые исторические события, переживаемые или уже пережитые совместно большими группами людей, часто принимаются за точку отсчета в определении соотношения с поколением. Это определяет то, что «люди, объединенные в одно поколение, сходным образом воспринимают и интерпретируют историческую ситуацию и выстраивают стратегии своей жизни» [12, с. 82].

Мы, в свою очередь, не единожды обращались к теме поколений в связи с вопросами, возникающими в организационной психологии [4; 5; 33], поэтому конструкты «ценности и мировоззрение поколений», «историческая память поколений» представляются нам удачными, обладающими объяснительными возможностями как рабочего, так и социального поведения людей в обществе.

Одним из наиболее продуктивных направлений, разрабатывающих вопросы теории поколений, стало направление организационной психологии и менеджмента, основные работы в области которых мы обобщили в нашей статье «Особенности карьерной мотивации в контексте теории поколений» [5]. Было

¹ Существуют некоторые разночтения в возрастных границах и названиях выделяемых поколений в работах авторов, занимающихся теорией поколений, что, однако, не нарушает общей логики и направленности научных исследований.

доказано, что представители разных поколений существенно отличаются друг от друга по ряду параметров организационного поведения, карьерной мотивации, по параметрам адаптации и самопрезентации. Другие исследователи показали, что различия касаются также социокультурного, субкультурного, поведенческого и мотивационного аспектов трудовой и социальной направленности представителей различных поколений, их организационного поведения, разрешения конфликтов, устойчивости организации в период кризисов и т.д. [1; 10; 13].

Нам представляется крайне интересным рассмотреть поколенческие различия в аспекте накопления, консолидации и использования социального капитала организаций, который в совокупности может характеризовать эффективность их деятельности [16]. Социальный капитал организации можно понимать как объединяющую и сплачивающую силу, связанную с эффективностью ее деятельности. Консолидация с точки зрения социальной психологии — групповой процесс, который означает согласование членами группы в ходе общения целей, норм, ценностей, средств, стиля и способов совместной деятельности. Консолидация социального капитала — это устойчивая, общепризнанная система деловых и межличностных отношений сотрудников организации. Социальный капитал организации консолидируется на основе единого смыслового пространства, включает приверженность сотрудников целям и ценностям организации, их устойчивую организационную идентичность и выражается в определенной организационной культуре [15].

С. Лионс и Л. Курон (S. Lyons, L. Kuron, 2014 г.) на основе метаанализа публикаций конкретизировали, что

поколения важно рассматривать как социальную силу организации, а не просто демографическую переменную, а авторам подобного рода исследований следует более детально изучать организационный контекст (*organizational context*). Соответственно, в качестве основных эмпирических характеристик исследования социального капитала организации нами были выбраны показатели организационной культуры, организационной идентификации и приверженности сотрудников. Эти феномены отражают не только индивидуальные различия, но и рассматриваются как составляющие организационного контекста, который, по мнению ряда зарубежных ученых, является существенным условием при изучении поколенческих различий [26; 28].

Эмпирическое исследование

Цель исследования: выявить поколенческие и субкультурные особенности консолидации организационного социального капитала.

Гипотезы исследования:

1. Социальный капитал организации и его консолидация определяются комплексом взаимозависимых показателей организационной культуры (реальной и предпочитаемой), организационной приверженности и идентификации сотрудников.

2. Существуют различия в накоплении и консолидации социального капитала, связанные с принадлежностью к определенным поколениям в каждой отдельной организации.

3. Субкультурные различия в оценке показателей социального капитала в наибольшей степени касаются поколений X и Y.

Задачи исследования:

1. Выделить основные показатели консолидации социального капитала организаций, наиболее чувствительных к оценке поколенческих различий рабочего поведения сотрудников.

2. Выявить и сравнить специфику социального капитала двух государственных организаций Северо-Западного федерального округа, принимая во внимание принадлежность их сотрудников к различным поколениям.

3. Описать субкультурные различия в оценке показателей социального капитала организации в контексте теории поколений.

Характеристика выборки исследования. Исследование проводилось в 2018 году в двух городах Северо-Западного федерального округа России: Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Одна из организаций осуществляет свою деятельность в сфере высшего образования крупного мегаполиса — Санкт-Петербург (население около 5 млн. 300 тыс. чел.), вторая организация — в сфере социального обеспечения в среднем российском городе Петрозаводске (население более 300 тыс. чел.).

Соответственно, под субкультурными различиями рассматриваются особенности культуры труда в мегаполисе и среднем российском городе.

В опросе приняли участие 250 сотрудников двух государственных организаций, из которых 68% — женщины, средний возраст — 39,9 лет ($SD=10,93$), и 32% — мужчины, средний возраст которых составил 41,2 года ($SD=9,6$). Основными критериями выбора организаций для исследования стали продолжительность работы в государственном секторе более 10 лет и возможность беспрепятственного сбора большого объема эмпи-

рического материала. Соответственно, для целей настоящего исследования стали доступны данные из сферы образования и социального обеспечения.

В Санкт-Петербурге участниками эмпирического исследования стали 90 человек (70 женщин и 20 мужчин) возрастной категории от 21 до 65 лет. В Петрозаводске выборочная совокупность составила 160 респондентов. На вопросы методик ответили 100 женщин и 60 мужчин возрастной категории от 25 до 61 года. Выбор респондентов проводился случайным образом.

В целях сопоставления полученных результатов с международными исследованиями в нашей работе за основу была взята классификация, предложенная В. Штраусом и Н. Хоувом (1991), с периодами рождения, которые уже применялись в отечественных работах [5]. Эта классификация во многом пересекается и с последними разработками российских исследователей. Важно отметить, что основная причина дискуссий по систематизации поколений лежит в датах смены периодов (cutoff dates). Например, одна из последних классификаций, предложенная В.В. Радаевым (2018), ограничивает поколение X периодом времени рождения продолжительностью 14 лет (1968–1981 гг.), однако релевантность такого небольшого срока обсуждается в международных работах [28].

Согласно классификации В. Штрауса и Н. Хоува (1991 г.) все респонденты были разделены на три возрастные группы: поколение Y (1984–2003 гг.), поколение X (1964–1983 гг.) и беби-бумеры (1944–1963 гг.). В табл. 1 представлены демографические характеристики выборки.

Методики исследования. Исследование было направлено на анализ консо-

Демографические характеристики выборки

Показатель	Санкт-Петербург N=90		Петрозаводск N=160		Итого N=250	
	N	Средний возраст	N	Средний возраст	N	Средний возраст
Гендерные различия средних						
Мужчины	20	37,3	60	42,5	80	41,2
Женщины	70	37,7	100	41,4	170	39,9
Различия средних по поколениям						
Поколение Y (1984–2003 гг.)	43	27,4	41	30,2	84	28,8
Поколение X (1964–1983 гг.)	34	41,9	109	44,6	143	44,0
Беби-бумеры (1944–1963 гг.)	13	60,3	10	58,2	23	59,4

Примечание. N – количество респондентов

лидации социального капитала организации. Выбор диагностических методик соответствовал возможностям оценки основных компонентов этого феномена, связанных, в первую очередь, с восприятием организационной культуры и психологической привязанностью к организации (организационная приверженность и идентификация). Опрос был проведен с использованием трех зарубежных стандартизированных методик, адаптированных к российской специфике отечественными учеными.

1. *Приверженность персонала* измерялась с помощью опросника «Организационная приверженность» (Organizational Commitment Questionnaire), разработанного Л. Портером с коллегами [30] и адаптированного В.И. Доминяком (2006 г.) [7]. Методика отражает следующие три аспекта этого феномена [29, с. 226]:

- насколько сильна вера в цели и ценности организации и их признание;
- готовность прилагать значительные усилия в интересах организации;
- желание сохранить членство в организации.

Опросник включает 15 утверждений, которые оцениваются по шкале Лайкерта. Все полученные ответы суммируются и вычисляется среднее значение.

2. *Организационная идентификация* измерялась с помощью опросника, который базируется на расширенной модели этого феномена, разработанной Г. Крэйнером и Б. Эшфортом [25], в адаптации О.Н. Бурмистровой (2010 г.) [2]. В основе этой модели лежат как позитивные, так и негативные формы организационной идентификации, которые включают следующие измерения:

- *сильная идентификация* – уникальное психологическое состояние, когда человек позитивно соотносит себя с большинством организационных аспектов, демонстрируя положительное отношение к ним;
- *дезидентификация* – психологическое состояние, когда человек отделяет от себя некоторые организационные аспекты, как правило, чувствуя негативное отношение к ним;
- *амбивалентная идентификация* – это психологическое состояние как идентификации, так и дезидентификации по отношению к организационным аспектам.

Человеку импонируют некоторые из них, и в то же время он не может принять другие;

- *нейтральная идентификация* — это психологическое состояние ни идентификации, ни дезидентификации по отношению к организации. Сотрудник определяет себя нейтрально в отношении организационных аспектов, фокусируясь исключительно на личных целях.

Каждое измерение включает в себя 6 вопросов с оценкой по шкале Лайкерта. В результате для каждого респондента определяется четыре показателя организационной идентификации.

3. Восприятие сотрудниками *организационной культуры* измерялось с помощью опросника, базирующегося на рамочной конструкции конкурирующих ценностей, разработанного К. Камероном и Р. Куинном (2001 г.) (Organizational Culture Assessment Instrument, OCAI). Инструмент включает в себя следующие шесть измерений этого феномена [9]:

- важнейшие характеристики организации;
- общий стиль лидерства в организации;
- управление персоналом и описание рабочей обстановки;
- связующая сущность организации;
- стратегические акценты, которые продвигают стратегию компании;
- критерии успеха, которые определяют награды и поощрения.

В опроснике каждое из этих шести измерений включает четыре утверждения, которые соотносятся с одним из четырех типов организационной культуры:

- клановая культура — место работы, где сотрудники доверяют друг другу и имеют много общих интересов;
- иерархическая культура — формализованное место работы, в котором поведение регулируется правилами и инструкциями;

- адхократическая культура — творческое, динамичное и предпринимательское место работы, где сотрудники готовы рисковать для достижения целей организации;

- рыночная культура — место работы, где сотрудники ориентированы на достижение конкретных результатов.

Респондент должен распределить 100 баллов между четырьмя утверждениями в каждом из шести измерений, тем самым выражая свое мнение относительно организационной культуры оцениваемой компании. Опросник заполнялся дважды, чтобы понять как текущую ситуацию в организации, так и желаемую атмосферу. Соответственно, методика определяет то, насколько один из типов культуры доминирует в настоящее время и является наиболее желаемым для персонала в перспективе.

Методы статистической обработки результатов. Статистический анализ был выполнен с помощью программного обеспечения SPSS 20.0 для Windows. Обработка данных проводилась с использованием сравнительного анализа описательных статистик (средние значения, процентное распределение и стандартные отклонения). Принадлежность к поколению выступала в качестве независимой переменной при проведении сравнения показателей зависимых и независимых выборок с использованием дисперсионного анализа и t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ компонентов социального капитала в организации г. Санкт-Петербурга. На первом этапе анализа эмпирических данных был проведен

сравнительный анализ данных с использованием t-критерия Стьюдента по типам организационной культуры, идентификации и приверженности в организации, расположенной в Санкт-Петербурге, принимая во внимание принадлежность опрошенных к определенному поколению. В результате было установлено, что средние значения по *сильной организационной идентификации* у поколения X значимо ниже ($M=3,97$), чем у представителей старшей возрастной группы — беби-бумеров ($M=4,81$) ($t(45)=-2,306$, $p=0,026$). То есть представители старшего поколения (беби-бумеры) отличаются от сотрудников, принадлежащих к среднему поколению (поколению X), более высокой организационной идентификацией и в значительной степени демонстрируют позитивное отношение к ней. Это значит, что организационное поведение представителей именно этого поколения (беби-бумеров) является предпосылкой стабильных, долгосрочных рабочих отношений, несмотря на большую долю в их оценке рыночной составляющей организационной культуры. Представители поколения Y оценивают рыночную составляющую организационной культуры значимо ниже ($M=26,19$), чем беби-бумеры, у которых среднее значение составляет 34,55 ($t(54)=-2,149$, $p=0,036$). Скорее всего, представители молодого поколения (Y) воспринимают характеристики рыночной культуры как вполне приемлемые, обычные для современной организации. Для представителей же старшего поколения (беби-бумеры), проживших основные годы в значительно менее конкурентной рабочей среде, проявление элементов рыночной культуры оказывается более ярким и очевидным.

Анализ компонентов социального капитала в организации г. Петроза-

водска. В ходе сравнительного анализа данных, полученных в г. Петрозаводске, было установлено, что представители поколения X ($M=22,52$) значимо ниже оценивают рыночную культуру в организации по сравнению с беби-бумерами ($M=29,01$) ($t(117)=-2,452$, $p=0,016$). Важно отметить, что дисперсионный анализ, где принадлежность к поколению выступала в качестве независимого фактора, также показал значимые отличия по этому измерению организационной культуры ($F(2,157)=3,576$, $p=0,03$). Соответственно, отношения, связанные с конкуренцией на рабочем месте, которые характерны для рыночной культуры, по-разному воспринимаются сотрудниками — представителями трех поколений и в г. Петрозаводске. Таким образом, эти данные полностью соотносятся с результатами, полученными в организации г. Санкт-Петербурга, и говорят о том, что именно рыночная составляющая организационной культуры по-разному воспринимается представителями трех изучаемых поколений. Представители поколения беби-бумеров в наибольшей степени ощущают такую конкурентную направленность организационных отношений, но при этом сохраняют приверженность организации, вероятно, желая продолжить с ней трудовые отношения.

Сравнительный анализ компонентов социального капитала между поколениями в различных городах. Следующим этапом эмпирического исследования стал сравнительный анализ субкультурных различий таких компонентов социального капитала, как организационная культура, приверженность и идентификация в организациях двух регионов Северо-Запада России. Процедура проводилась с применением t-критерия Стьюдента для двух незави-

симых выборок. В табл. 2 представлены результаты сравнительного анализа и описательные статистики выборки.

Наименьшее количество различий по исследуемым показателям социального капитала организации в зависимости от региона продемонстрировали представители *старшего поколения (беби-бумеры)*. Полученные данные можно, вероятно,

объяснить тем, что социализация этого поколения проходила в относительно одинаковых стабильных условиях, созданных в СССР, и это отражается на их общем отношении к организации и ее ценностям. В этой группе значимо отличаются только средние значения по дезидентификации ($t(21)=-2,84, p=0,01$), нейтральной ($t(21)=-2,741, p=0,012$) и

Таблица 2
Описательные статистики организационной культуры (ОК), приверженности и идентификации

Показатель	Организация	Поколение Y			Поколение X			Беби-бумеры		
		N	M	SD	N	M	SD	N	M	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Организационная приверженность	Санкт-Петербург	43	4,29**	,41	34	4,07**	,58	13	4,17	,47
	Петрозаводск	41	3,58**	,75	109	3,74**	,65	10	3,85	,73
Амбивалентная идентификация	Санкт-Петербург	43	2,00**	1,06	34	2,40*	1,13	13	2,50	1,47
	Петрозаводск	41	2,79**	,85	109	2,85*	,71	10	3,34	1,06
Нейтральная идентификация	Санкт-Петербург	43	2,55*	1,30	34	2,84*	1,20	13	2,31*	,97
	Петрозаводск	41	3,11*	1,04	109	3,28*	1,01	10	3,66*	1,40
Дезидентификация	Санкт-Петербург	43	1,57**	,75	34	1,81**	,91	13	1,67*	,70
	Петрозаводск	41	2,81**	,79	109	2,75**	,72	10	2,52*	,73
Сильная идентификация	Санкт-Петербург	43	4,02	1,39	34	3,97**	1,01	13	4,81*	1,35
	Петрозаводск	41	3,63	1,03	109	3,33**	1,07	10	3,35*	1,18
Клановая ОК текущая	Санкт-Петербург	43	28,85	17,46	34	21,91**	12,81	13	25,64	19,25
	Петрозаводск	41	32,90	12,79	109	34,55**	11,96	10	30,84	10,30
Адхократическая ОК текущая	Санкт-Петербург	43	23,89	10,33	34	25,71	14,77	13	28,78	13,69
	Петрозаводск	41	22,01	7,05	109	22,17	7,22	10	18,48	8,25
Рыночная ОК текущая	Санкт-Петербург	43	26,19	11,48	34	31,96**	15,38	13	34,55	14,77
	Петрозаводск	41	24,21	6,81	109	22,52**	7,46	10	29,01	12,90
Иерархическая ОК текущая	Санкт-Петербург	43	21,10	16,73	34	20,47	12,08	13	13,01	13,03
	Петрозаводск	41	20,79	9,65	109	20,69	9,63	10	21,64	8,58
Клановая ОК предпочтительная	Санкт-Петербург	43	41,63**	23,64	34	36,79	17,69	13	41,35*	13,88
	Петрозаводск	41	29,49**	13,83	109	32,28	18,57	10	25,49*	15,52
Адхократическая ОК предпочтительная	Санкт-Петербург	43	26,29	16,23	34	29,22**	10,71	13	31,41	15,01
	Петрозаводск	41	25,88	8,91	109	22,86**	11,70	10	30,58	19,43
Рыночная ОК предпочтительная	Санкт-Петербург	43	18,98*	9,64	34	20,79	11,19	13	17,05	8,81
	Петрозаводск	41	23,69**	7,81	109	25,25	14,16	10	24,65	11,20
Иерархическая ОК предпочтительная	Санкт-Петербург	43	12,16**	8,67	34	12,96**	9,09	13	11,92	10,02
	Петрозаводск	41	20,94**	13,30	109	19,63**	13,22	10	19,08	6,17

Примечания. * – различия значимы при $p<0,05$, ** – различия значимы при $p<0,01$; N – количество респондентов, M – среднее значение, SD – стандартное отклонение

сильной идентификации ($t(21)=2,703$, $p=0,013$), а также представления о клановой культуре ($t(21)=2,581$, $p=0,017$). Согласно полученным данным, организационная идентификация в большей степени выражена в организации г. Санкт-Петербурга, что соотносится с видением ее организационной культуры как клановой, в наибольшей степени поддерживающей доверие и общность сотрудников. Это позволяет говорить о консолидации социального капитала организации для представителей этого поколения в г. Санкт-Петербурге, важности для сотрудников сложившейся организационной субкультуры.

Наиболее противоречивым оказалось поколение X, годы формирования представителей которого проходили в период перестройки и распада Советского Союза. В ходе сравнительного анализа были установлены значимые различия средних значений по организационной приверженности ($t(141)=2,673$, $p=0,008$) и всем четырем компонентам идентификации — амбивалентной ($t(141)=-2,789$, $p=0,006$), нейтральной ($t(141)=-2,103$, $p=0,037$), сильной ($t(141)=3,082$, $p=0,002$) и дезидентификации ($t(141)=-6,182$, $p=0,000$). Можно сказать, что сотрудники поколения X в организациях Санкт-Петербурга в целом более привержены целям и ценностям своей организации и в большей степени идентифицируются с ней, чем сотрудники г. Петрозаводска. Диагностируемые в организациях существующие клановая ($t(141)=-5,288$, $p=0,000$) и рыночная ($t(141)=4,856$, $p=0,000$) культуры также воспринимаются представителями разных регионов на значимом уровне по-разному у представителей этого поколения. В г. Санкт-Петербурге клановая составляющая оценивается ниже, а рыночная выше, чем в г. Петрозаводске, что,

вероятно, может быть связано со спецификой конкурентных отношений, более выраженных в городе-миллионнике. Интересно отметить, что предпочитаемая организационная культура также значительно отличается по оценкам сотрудников двух регионов, но по другим компонентам: иерархическому ($t(141)=-2,746$, $p=0,007$) и адхократическому ($t(141)=2,821$, $p=0,005$) измерениям. То есть в идеале в организации г. Санкт-Петербурга, в отличие от г. Петрозаводска, в меньшей степени желательна иерархическая структура, а в большей степени — адхократическая, предполагающая творчество и самовыражение, что вполне обосновано для сферы высшего образования. В г. Санкт-Петербурге преобладает оценка культуры организации как рыночной, а предпочтительной является адхократическая культура. При этом уровни идентификации и приверженности остаются высокими, что позволяет ожидать от персонала высокую организационную стабильность. В Петрозаводске для поколения X очень важна клановая культура — как текущая, так и предпочтительная, а приверженность и идентификация ниже, чем в Санкт-Петербурге. Вероятно, от организации все еще ожидается реализация патерналистской модели, связанной с обеспечением нужд работающих, но без ответных обязательств с их стороны.

Таким образом, комплекс показателей, измеряющих социальный капитал у представителей поколения X, описывает определенную специфику его консолидации, связанную с субкультурными особенностями предпочитаемых отношений в организации. В предыдущих исследованиях установлено, что поколения, период становления которых проходил в эпоху экономических трудностей, делают особый акцент на гарантии занятости, по

сравнению с теми, кто социализировался в благоприятных условиях [27]. Полученные результаты показывают субкультурные различия по этому параметру между представителями поколения X в разных городах. Тезис подтверждается данными, полученными в организации г. Санкт-Петербурга, но опровергается данными, полученными на предприятии г. Петрозаводска. По данным газеты «Вести Карелия» от 18 марта 2019 г. [18], количество безработных в 2018 году в Карелии составило 8,2% от численности экономически активного населения. Это вдвое выше, чем в среднем по России. Среди регионов Северо-Западного федерального округа по уровню безработицы Карелия остается самым неблагоприятным регионом. Это проявляется в высокой напряженности на рынке труда. Несмотря на это, уровни организационной приверженности и идентификации у сотрудников организации г. Петрозаводска значимо ниже, в то время как дезидентификация, нейтральная и амбивалентная идентификация значительно превышают средние значения респондентов из Санкт-Петербурга. Можно предположить, что существуют некие специфические факторы организационного развития конкретного предприятия в г. Петрозаводске, которые для представителей активного и трудоспособного поколения X являются критичными даже при такой нестабильной ситуации на рынке труда. В связи с этим консолидация социального капитала у представителей этого поколения в конкретно взятой организации происходит наиболее противоречиво, а стабильность ищется в клановой модели организации. Таким образом, противоречивая ситуация, сложившаяся в организации, требует дальнейшего анализа.

Представители поколения Y, которое часто называют «нетерпеливым», про-

демонстрировали отсутствие значимых различий в восприятии реальной организационной культуры, т.е. и в той, и в другой региональной группе обследованных существует практически одинаковое, согласованное в своих тенденциях восприятие существующей организационной культуры. По мере убывания оценок выделяются клановая, рыночная, адхократическая и иерархическая культуры. Однако в отношении предпочтительной культуры в коллективе между двумя группами наблюдаются различия. Как было отмечено в предыдущих исследованиях [22; 28], для этого поколения характерны гибкость, открытость и независимость, а также фокусирование на собственной карьере. В результатах нашего исследования значимые отличия в предпочитаемой организационной культуре были зафиксированы в отношении клановой ($t(82)=2,854$, $p=0,005$), иерархической ($t(82)=-3,6$, $p=0,001$) и рыночной ($t(82)=-2,456$, $p=0,016$) культур. Это означает, что представители поколения Y в г. Санкт-Петербурге более ориентированы в перспективе на клановую культуру. В г. Петрозаводске отмечается стремление к иерархической и рыночной культуре, предполагающее свободное организационное развитие с жестким управлением и возможностью изменить ситуацию, которая, вероятно, не устраивает молодых. Организационная приверженность ($t(82)=5,381$, $p=0,000$) и три типа идентификации (амбивалентная ($t(82)=-3,748$, $p=0,000$), нейтральная ($t(82)=-2,185$, $p=0,032$) и дезидентификация ($t(82)=-7,445$, $p=0,000$) также показали значимые субкультурные различия между регионами у представителей этого поколения. Выявлено, что представители поколения Y в Санкт-Петербурге более привержены организации, а в Пе-

трозаводске отмечается в целом невысокий уровень идентификации сотрудников с организацией, что выражает их неустойчивую организационную позицию. В целом можно сказать, что представители поколения Y существенно различаются в двух изученных организациях. В г. Санкт-Петербурге представители этого поколения, несмотря на свою «нетерпеливость», более привержены организации, готовы работать в конкурентных отношениях. В г. Петрозаводске проявляется стремление изменить ситуацию за счет рыночных возможностей и структурированного управления. Показатели организационной приверженности, вне зависимости от принадлежности к определенному поколению, ниже в г. Петрозаводске.

Выводы

1. В работе зафиксированы различия в консолидации социального капитала организаций в зависимости от принадлежности их сотрудников к поколениям беби-бумеров, X и Y, а также субкультуры региона. Наиболее активно представлено в настоящий момент на рынке труда поколение X, а характеристики его организационного социального капитала наиболее противоречивы в г. Петрозаводске.

2. Проанализированы основные показатели социального капитала организаций, чувствительные к оценке поколенческих различий рабочего поведения сотрудников. Это показатели организационной культуры (реальной и предпочитаемой), приверженности целям и ценностям организации и идентификации с ней. Их совокупная однонаправленная оценка может говорить о сформированности социального капитала организа-

ции, а также выявлять возможности его накопления. Консолидация социального капитала организации в большей степени выражена в г. Санкт-Петербурге. В г. Петрозаводске отмечается невысокая идентификация сотрудников с организацией и приверженность к ней.

3. Сравнительный анализ межпоколенческих различий показал следующее:

а. В Санкт-Петербурге представители поколения беби-бумеров отличаются от поколений X и Y более высокой идентификацией с организацией и более высокой оценкой рыночной организационной культуры, что можно объяснить как их многолетней включенностью в организационную жизнь, так и реакцией на сложившиеся рыночные условия работы, поиск стабильности.

б. В Петрозаводске представители поколения беби-бумеров выше оценивают рыночную культуру в организации, чем представители поколения X. Таким образом, как и в Санкт-Петербурге, в центре внимания для беби-бумеров оказываются рыночные элементы организационной культуры, которые не проявлялись столь явно в советское время — время их становления и зрелости, а в последние годы стали превалирующими и явными.

с. Для поколения беби-бумеров выражена идентификация с организацией, предпочтительной организационной культурой является клановая, формирующая взаимное доверие и общность сотрудников. В то же время представители этого поколения высоко оценивают рыночную организационную культуру в организации, признавая ее соответствие требованиям современности. Такие характеристики можно считать предпосылкой стабильных, долгосрочных рабочих отношений, на которые ориентированы представители этого поколения.

4. Сравнительный анализ субкультурных различий выявил следующее.

Сотрудники всех поколений, работающие в организации Санкт-Петербурга, демонстрируют большую приверженность целям и ценностям организации, чем сотрудники организации в Петрозаводске. Таким образом, установленным фактом можно считать низкий уровень организационной приверженности и идентификации сотрудников со своей организацией на предприятии в Карелии, несмотря на высокий уровень безработицы и нестабильность на рынке труда. Мы считаем, что определяющими в этом явлении оказываются организационные условия конкретного предприятия, нуждающиеся в дополнительном изучении.

5. Наибольшие трудности в консолидации социального капитала испытывают представители поколения X, сформировавшегося в нашей стране в годы перестройки и социальных изменений, что отражается в уровне их идентификации, а также в противоречиях в восприятии реальной и предпочитаемой организационной культуры как в г. Санкт-Петербурге, так и в г. Петрозаводске.

6. Представители поколения Y в Санкт-Петербурге в перспективе ориентированы на клановую культуру, создающую организационную стабильность и интеграцию. В Петрозаводске представители этого поколения стремятся к формированию иерархической и рыночной культур в организации, что способствует не только более свободному организационному развитию и накоплению социального капитала, но и создает возможности для более жесткого управления при необходимости изменения ситуации.

7. Обнаружены существенные различия в консолидации социального капитала между современными трудоспособными поколениями (беби-бумеры, X и Y), а также субкультурные различия. Наиболее стабильно в показателях социального капитала поколение беби-бумеров, наибольшие различия демонстрируют поколения X и Y. Отмечаются различия в консолидации социального капитала также и в каждой исследуемой нами организации. При этом можно предположить, что социальные условия регионов и конкретные условия предприятия особым образом формируют организационное поведение представителей каждого поколения.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00560 «Методология и социально-психологические методы исследования социального капитала организации»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артюхина Л.В.* Жизненные и профессиональные ценности поколений — основа корпоративной культуры компании в условиях кризисов и конкуренции // *Современные гуманитарные исследования.* 2015. № 5. С. 179—183.
2. *Бурмистрова О.Н.* Организационная идентификация и оценка сотрудниками эффективности деятельности руководителя: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 183 с.
3. *Верна В.В.* Практические аспекты управления персоналом с учетом положений теории поколений // *Материалы V международной научно-практической конференции «Современные технологии управления персоналом»* (г. Симферополь,

- 27–28 сентября 2018 г.). Симферополь: Издательство «Типография «Ариал», 2018. С. 38–43.
4. *Волкова Н.В., Чикер В.А.* Адаптация персонала в российских организациях: различие профессиональной мотивации и уровня самомониторинга представителей трех поколений (на материале компаний г. Санкт-Петербурга) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психологические науки. 2015. № 4. С. 21–38.
 5. *Волкова Н.В., Чикер В.А.* Особенности карьерной мотивации в контексте теории поколений: результаты эмпирического исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент. 2016. № 4. С. 79–105.
 6. *Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.
 7. *Доминяк В.И.* Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 281 с.
 8. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
 9. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 311 с.
 10. *Лизовская В.В.* Ценностные и социокультурные аспекты восприятия ценовых и мотивационных стимулов в разрезе теории поколений // Материалы международной научно-практической конференции «Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен» (г. Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.). СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 223–226.
 11. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.
 12. *Пищик В.И.* Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
 13. *Пищик В.И., Королева, Н.В.* Ситуационный анализ конфликтного взаимодействия сотрудников компании, принадлежащих к поколениям X и Y // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 78–89. doi:10.17759/sps.2018090106
 14. *Постникова М.И.* Психология отношений между поколениями в современной России. СПб.: РГПУ, 2011. 44 с.
 15. *Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В.* Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 2. С. 47–71. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
 16. *Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Кузнецова И.В.* Социальный капитал личности. М., ИНФРА-М, 2014. 250 с.
 17. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: Эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
 18. Снижение безработицы не помогло Карелии подняться со «дна» рейтинга регионов РФ [Электронный ресурс] // «Вести Карелия». 18 марта 2019 г. URL: <https://vestikarelii.ru/news/snizhenie-bezrabotitsy-ne-pomoglo-karelii-podnjatsja-so-dna-rejtinga-regionov-rf/> (дата обращения: 20.03.2019).
 19. *Старцева А.А.* Сравнительный анализ ценностей разных поколений (X, Y, Z) и их актуализация в управлении персоналом // Сборник материалов международных

- научно-практических конференций по проблемам социальной психологии, управления персоналом, менеджмента и маркетинга (г. Москва, 30 ноября 2017 г.). Реутов: ООО СВИВТ, 2018. С. 158–166.
20. *Трегубенко И.А.* Психологическая диагностика исторической памяти // Научные труды. 2011. № 19. С. 106–121.
21. *Федотова В.А.* Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206
22. *Черников Б.В.* Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 153–158.
23. *Шамис Е.* Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Ун-т Синергия: Школа Бизнеса, 2017. 138 с.
24. *Шамис Е., Антюпов А.* Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
25. *Kreiner G.E., Ashforth B.E.* Evidence toward an expanded model of organizational identification // Journal of Organizational Behavior. 2004. Vol. 25 (1). P. 1–27.
26. *Lyons S.T., Kuron L.K.J.* Generational differences in the workplace: A review of evidence and directions for future research // Journal of Organizational Behavior. 2014. No. 35. P. 139–157.
27. *Lub X.D., Ba P.M., Blomme R.J., Schalk R.* Why do generational differences in psychological contracts exist? // Generational diversity at work: New research perspectives / In E. Parry (ed.). Oxon: Routledge, 2015. P. 37–51.
28. *Marcus J., Leiter M.P.* Generational Differences: Effects of Job and Organizational Context // Age Diversity in the Workplace. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited, 2017. P. 65–94.
29. *Mowday R.R., Steers R.M. and Porter L.W.* The Measurement of Organizational Commitment // Journal of Vocational Behavior. 1979. Vol. 14 (2). P. 224–247.
30. *Porter L.W., Steers R.M., Mowday R.T., Boulian P.V.* Organizational commitment, job satisfaction, and turnover among psychiatric technicians // Journal of Applied Psychology. 1974. Vol. 59 (5). P. 603–609.
31. *Strauss W., Howe N.* Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York: Quill William Morrow, 1991.
32. *Strauss W., Howe N.* Millennials Rising: The next great generation (vintage original). New York, 2009. 432 p.
33. *Volkova N, Chiker V.* On-boarding in Russian organization: differences of cognitive and social attitudes across three generations // 5th Annual Conference on Cognitive and Behavioral Psychology (Singapur, 2016). P. 18–24.

Consolidation of the social capital among different generational cohorts: organizational and subcultural facets

N.V. VOLKOVA*,

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia
nv.volkova@hse.ru

V.A. CHIKER**,

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
vchiker@yandex.ru

L.G. POCHEBUT***,

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
ludmila.pochebut@gmail.com

The aim of this article is to consider the consolidation of social capital in two Russian state organizations under the context of different generational cohorts, namely, Baby Boomers, Generation X and Y, and the features of their organizational behavior. Consolidation of social capital is based on the integrated semantic area that could include the estimation of organizational culture, employees' commitment to company goals and values as well as strong organizational identification. Extensively, consolidation of social capital is determined by organizational, generational and subcultural peculiarities of staff. Altogether, 250 employees participated in this study and filled in three questionnaires to estimate organizational culture, commitment and four dimensions of identification. The data collected in two sample groups (90 and 160 people) in St. Petersburg and Petrozavodsk respectively demonstrated the significant differences among generational cohorts both in the organization and between them. The most hardships in the consolidation of social capital undergo generation X whose formative years had been within Perestroika span and strong social changes in Russia. All that is reflected at their level of organizational identification and contradictions while perceiving current and preferred organizational cultures.

Keywords: consolidation of organizational social capital, identification, commitment, organizational culture, generational cohorts, subcultural differences.

For citation:

Volkova N.V., Chiker V.A., Pochebut L.G. Consolidation of the social capital among different generational cohorts: organizational and subcultural facets. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no.2, pp. 127–145. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100210

* *Volkova Natalia V.* — PhD in Psychology, Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, nv.volkova@hse.ru

** *Chiker Vera A.* — PhD in Psychology, Senior Researcher, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, vchiker@yandex.ru

*** *Pochebut Ludmila G.* — Doctor of Science in Psychology, Professor of Social Psychology St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ludmila.pochebut@gmail.com

Funding

The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project 19-013-00560 “Methodology and socio- psychological research methods of social capital of an organization”).

REFERENCES

1. Artjuhina L.V. Zhiznennye i professional'nye cennosti pokolenij – osnova korporativnoj kul'tury kompanii v uslovijah krizisov i konkurencii [Life and professional values generations – the basis of corporate culture in the conditions of crisis and competition]. *Sovremennye gumanitarnye issledovanija [Modern Humanities research]*, 2015, no. 5, pp. 179–183. (In Russ.).
2. Burmistrova O.N. Organizacionnaja identifikacija i ocenka sotrudnikami jeffektivnosti dejatel'nosti rukovoditelja. Diss. kand. psihol. nauk [Organizational identification and evaluation by employees the operational efficiency of a supervisor. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2010.183p.
3. Verna V.V. Prakticheskie aspekty upravlenija personalom s uchetom polozhenij teorii pokolenij [Practical aspects of personnel management taking into account the provisions of the theory of generations]. Materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «*Sovremennye tehnologii upravlenija personalom*» (Simferopol', 27–28 sentjabrja 2018 g) [Proceedings of the Fifth International conference “*Contemporary approaches of human resource management*”]. Simferopol': Izdatel'stvo «Tipografija «Arial» 2018,pp. 38–43.
4. Volkova N.V., Chiker V.A. Adaptacija personala v rossijskikh organizacijah: razlicnie professional'noj motivacii i urovnja samomonitoringa predstavitelej treh pokolenij (na materiale kompanij g. Sankt-Peterburga) [On-boarding in Russian organizations: Career motivation and self-monitoring differences across three generations (case study of organizations in Saint-Petersburg)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14: Psihologicheskie nauki [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psychology]*, 2015, no. 4, pp. 21–38. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Volkova N.V., Chiker V.A. Osobennosti kar'ernoj motivacii v kontekste teorii pokolenij: rezul'taty jempiricheskogo issledovanija [Features of Career Choices through the Generation Theory: The Results of Empirical Research]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Serija 8: Management [Vestnik of Saint Petersburg University. Seriya 8: Management]*, 2016, no. 4, pp. 79–105. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Glotov M.B. Pokolenie kak kategorija sociologii [Generation as a category in sociology]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]*, 2004, no. 10, pp. 42–48. (In Russ.).
7. Dominyak V.I. Organizacionnaja lojal'nost': model' realizacii ozhidaniy rabotnika otsvoej organizacii. Diss. kand. psihol. nauk [Organizational commitment: the model of employee expectation from the organization. PhD (Psychology) diss]. St. Petersburg. 2006. 281 p.
8. Kon I.S. Rebenok i obshhestvo [The child and the society]. Moscow: Akademija, 2003. 336p.
9. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury [Diagnosing and changing organizational culture]. St. Petersburg: Piter Publishing, 2001. 311 p.

10. Lizovskaja V.V. Cennostnye i sociokul'turnye aspekty vosprijatija cenovyh i motivacionnyh stimulov v razreze teorii pokolenij [Valuable and sociocultural aspects to perceive price and motivational incentives in the context of the generational theory]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Molodezhnaja politika Rossii v kontekste global'nyh mirovyh peremen»* (Sankt-Peterburg, 22–24 nojabrja 2018 g.) [Proceedings of the International scientific conference “Youth policy in Russia under the context of global changes”]. SPb: SPbGUPTD, 2018, pp. 223–226.
11. Parygin B.D. Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii [Social psychology. Problems of methodology, history and theory]. SPb: IGUP. 1999. 592 p.
12. Pishchik V.I. Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011. no. 2, pp. 80–88. (In Russ., abstr. in Engl.)
13. Pishchik V.I., Koroleva N.V. Situational analysis of conflict interaction of employees belonging to generations X and Y. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 78–89. doi:10.17759/sps.2018090106. (In Russ., abstr. in Engl.)
14. Postnikova M.I. Psihologija otnoshenij mezhdru pokolenijami v sovremennoj Rossii [Psychology of intergenerational relations in modern Russia]. Saint-Petersburg: Russian State Pedagogical University, 2011, 44 p.
15. Pochebut L.G., Chiker V.A., Volkova N.V. Social'no-psihologicheskaja model' kognitivnogo social'nogo kapitala organizacii: koncepcija i aspekty issledovanija [Conceptual framework of cognitive social capital in organizations from a social psychology perspective]. *Organizacionnaja psihologija [Organizational psychology]*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 47–71. (In Russ., abstr. In Engl.). URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/en/2018-8-2/221052223.html> (Accessed: 05.05.2019).
16. Pochebut L.G., Svencickij A.L., Mararica O.V., Kazanceva T.V., Kuznecova I.V. Social'nyj kapital lichnosti [Social capital of individuality]. Moscow: Infra-M, 2014, 250 p.
17. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: Empiricheskij analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical study]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2018, no. 3, pp. 15–33. (In Russ., abstr. in Engl.)
18. Snizhenie bezraboticy ne pomoglo Karelii podnjat'sja so «dna» rejtinga regionov RF [Elektronnyj resurs] [Decreasing of the unemployment rate has not allowed Karelia to rise from the lowest rate among other Russian regions]. «*Vesti Karelija*» [*Vesti of Karelia*]. 18 marta 2019g. URL: <https://vestikarelii.ru/news/snizhenie-bezrabotitsy-ne-pomoglo-karelii-podnjatsja-so-dna-rejtinga-regionov-rf/> (accessed 20.03.2019).
19. Starceva A.A. Sravnitel'nyj analiz cennostej raznyh pokolenij (H, Y, Z) i ih aktualizacija v upravlenii personalom [Comparative analysis of the values of different generations (X, Y, Z) and their actualization in human resource management]. *Sbornik materialov mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij po problemam social'noj psihologii, upravlenija personalom, menedzhmenta i marketinga* (Moskva, 30 nojabrja 2017 g.) [Proceedings of international conferences in social psychology, human resource management and marketing]. Reutov: OOSVIVT, 2018, pp. 158–166.
20. Tregubenko I.A. Psihologicheskaja diagnostika istoricheskoy pamjati [Psychological Diagnostics of the Historical Memory]. *Nauchnye Trudy [Scholarly works]*, 2011, no. 19, pp. 106–121.

21. Fedotova V.A. Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206. (In Russ., abstr. in Engl.)
22. Chernikov B.V. Differenciacija trudovyh cennostej sredi pokolenij sovremennyh rabotnikov [The differences in work values among generations of modern workers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2014, no. 385, pp. 153–158. (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Shamis E. Teorija pokolenij. Neobyknovennyj Iks [Generational theory. Exceptional X]. Moscow: Un-t Sinergija: Shkola Biznesa. 2017. 138 p.
24. Shamis E., Antipov A. Teorija pokolenij [The theory of generation]. *Marketing. Menedzhment [Marketing. Management]*. 2007, no. 6. pp. 42-46.
25. Kreiner G.E., Ashforth B.E. Evidence toward an expanded model of organizational identification. *Journal of Organizational Behavior*, 2004. Vol. 25, no. 1, pp. 1–27.
26. Lyons S.T., Kuron L.K.J. Generational differences in the workplace: A review of evidence and directions for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 2014, no. 35, pp. 139–157.
27. Lub X.D., Ba P.M., Blomme R.J., Schalk R. Why do generational differences in psychological contracts exist? In E. Parry (Ed.). *Generational diversity at work: New research perspectives*. Oxon: Routledge, 2015, pp. 37–51.
28. Marcus J., Leiter M.P. Generational Differences: Effects of Job and Organizational Context. *Age Diversity in the Workplace*. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited, 2017, pp. 65–94.
29. Mowday R.R., Steers R.M. and Porter L.W. The Measurement of Organizational Commitment. *Journal of Vocational Behavior*, 1979. Vol. 14, no. 2, pp. 224–247.
30. Porter L.W., Steers R.M., Mowday R.T., Boulian P.V. Organizational commitment, job satisfaction, and turnover among psychiatric technicians. *Journal of Applied Psychology*, 1974. Vol. 59, no. 5, pp. 603–609.
31. Strauss W., Howe N. Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York: Quill William Morrow, 1991.
32. Strauss W., Howe N. Millennials Rising: The next great generation (vintage original). New York, 2009.
33. Volkova N., Chiker V. On-boarding in Russian organization: differences of cognitive and social attitudes across three generations. *5th Annual Conference on Cognitive and Behavioral Psychology* (GBR, 2016, Singapur), pp. 18–24.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе

А.В. МАХНАЧ*,
ИП РАН, Москва, Россия,
atak@inbox.ru

В статье рассмотрены особенности изменений в структуре замещающей семьи в связи с появлением в ней приемного ребенка, касающиеся реструктуризации границ, правил, норм, существующих до его появления в семье. Описаны структурные характеристики замещающей семьи, которые позволяют более полно анализировать особенности семьи, важные для ее жизнеспособности. С учетом фактора поколения проанализированы признаки семейной системы в диаде «бабушка (дедушка)—внук (внучка)» и специфика прохождения замещающей семьей стадий развития. Межпоколенческая перевернутая структура может оказаться достаточно жесткой и поддерживаться всеми членами семьи. Обосновывается предположение о том, что межпоколенная коалиция может проявиться в постепенном выстраивании отношений ребенка с замещающими родителями и латентном/открытом конфликте ребенка с приемными бабушкой/дедушкой, с возможностью появления скрытой коалиции между замещающей маму бабушкой и ребенком, «выталкиванием» из этой коалиции приемного отца, который приходится дедушкой ребенку. Делается вывод о том, что изучению состава семьи по признаку родственных межпоколенческих связей между замещающими родителями и приемными детьми не уделено достаточно внимания, данная тема остается малоизученной, несмотря на ее актуальность.

Ключевые слова: замещающая семья, жизнеспособность семьи, состав семьи, межпоколенческие связи, семейные структуры, семейные стадии, родственное усыновление.

Для цитаты:

Махнач А.В. Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 146–156. doi:10.17759/sps.2019100211

* Махнач Александр Валентинович — кандидат психологических наук, заместитель директора по науке, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, atak@inbox.ru

Актуальность

Современное состояние проблем сиротства ставит вопросы развития всех форм семейного жизнеустройства сирот как наиболее эффективного способа решения их проблем, создания условий для интеграции и социализации детей-сирот [10]. В представлении семьи как малой социальной группы важно следующее положение: семья является промежуточным звеном в системе «индивид—общество». Среди признаков семьи как малой группы для теоретического анализа и эмпирического исследования замещающих семей нам представляются наиболее актуальными:

- общие цели и общая для всех членов семьи деятельность по воспитанию сироты;

- эмоциональный климат внутри семьи, способствующий совладанию с трудными ситуациями и негативными влияниями факторов риска;

- нормы и ценности семьи, усиливающие воспитательные воздействия на приемного ребенка;

- ролевая четкость между членами семьи, помогающая новому члену семьи усваивать социальные роли;

- относительная независимость семьи от других социальных групп, способствующая формированию границ у сироты, не привыкшего иметь их в ситуациях социального взаимодействия;

- открытость системы для приема новых членов;

- сплоченность семьи и устремленность в будущее;

- принятые особые формы и способы управления взаимодействием в семье с целью достижения близких и дальних результатов.

Также представляет интерес жизнеспособность семьи как малой социальной

группы. С учетом того факта, что в России нередко замещающими родителями для сирот становятся родные бабушки или дедушки [5; 8], *семьи старшего супружеского возраста* обычно оформляют опеку над своими внуками [1; 9]. Частое явление для семей такого состава — неполная семья со значительным различием в возрасте членов семьи. По этой причине изучение жизнеспособности замещающих семей, чаще — семей-усыновителей с пожилыми супругами, является актуальной научной проблемой.

Характеристики замещающих семей по составу

Проблема поколений в замещающей семье как малой группе присутствует, прежде всего, в кровной опеке, которая относится в России к приоритетной в сравнении с другими формами семейного устройства ребенка-сироты. Опека или усыновление, осуществляемые бабушками или дедушками ребенка, закреплены законодательно: «бабушки и дедушки, совершеннолетние братья и сестры несовершеннолетнего подопечного имеют преимущественное право быть его опекунами или попечителями перед всеми другими лицами» — в соответствии со ст. 10, п. 5. ФЗ РФ «Об опеке и попечительстве» (48-ФЗ РФ от 24.04.2008 с изменениями на 03.08.2018). Также в соответствии с законодательством они как близкие родственники могут не проходить специальную подготовку в школах приемных родителей. К темам, которые возникают в связи с этим как в практической плоскости, так и в теоретической, мы можем отнести следующие:

- в кровной семье или среди некоторых ее членов могут сознательно игнори-

роваться определенные коммуникации в семье, замалчиваться какие-то семейные тайны;

— отношения с кровными родителями не всегда завершены, чаще «повзрослевший ребенок сам решит, что делать с информацией о них;

— желание бабушки (дедушки) оградить взаимодействие приемного ребенка с кровными родителями;

— принимаемый бабушкой или дедушкой статус замещающего родителя может спровоцировать признание ими собственной некомпетентности как родителей, воспитавших сына или дочь, которые оказались неспособны воспитывать ребенка, что вызывает социальный стыд, желание сохранить тайну опеки;

— низкий материальный уровень таких семей;

— трудности в воспитании ребенка, увеличивающиеся при достижении им подросткового возраста. Именно в этот период поколенческие проблемы могут обостряться: различные системы ценностей; социальная и психологическая дезадаптация опекунов, нарастающая по мере их старения; проблемы со здоровьем, требующие помощи уже в их адрес со стороны подростков, не готовых к такой роли, и т.д.

Все вышесказанное определяет необходимость социально-психологической поддержки со стороны органов опеки, которая принимается с большой благодарностью в том случае, если она проявляется в виде искренней заботы и человеческого участия. Серьезные проблемы могут возникнуть в случае усыновления ребенка бабушками и дедушками вследствие того, что такая форма не подразумевает социально-психологического сопровождения.

Среди выделенных А.В. Черниковым признаков семейной системы [11] с учетом фактора поколения в диаде «бабушка (дедушка)—внук (внучка)», по нашему мнению, к замещающей семье (чаще всего опекунской) могут быть отнесены следующие:

— несбалансированность семейной структуры по параметрам близости и гибкости в связи с привычным для бабушки (дедушки) ролевым поведением, которое им было свойственно до появления опекаемого ребенка, и новым поведением, в котором их ролевой репертуар вынужденно расширен. С оформлением опеки над внуком у бабушки (дедушки) в отношении него роли удваиваются: появляется родительская в дополнение к роли бабушки (дедушки);

— влияние факта новой роли у опекаемого ребенка: он не только внук, но еще и опекаемый родственниками сирота, особенно в том случае, если бабушка (дедушка) оформили возмездную опеку, а не усыновление (удочерение). Ребенок в более сознательном возрасте может связывать получаемые по закону деньги на его содержание и выплаты бабушке (дедушке) со своей ролью в опекунской семье;

— межпоколенная коалиция, проявившаяся в выстраивании отношений приемного ребенка с одним из опекунов (например, с бабушкой), может приводить к латентному или открытому конфликту (непринятию) ребенка с другим опекуном, что может снизить ресурсность и жизнеспособность семьи в целом;

— скрытая коалиция между членами семьи, например: между замещающей мамой и ребенком и «выталкивание» приемного отца из этой коалиции. При этом последний предпринимает усилия по выравниванию межпоколенческих связей, а ребенок или мать этому противятся;

— перевернутая иерархия появляется в семье, если бабушка/дедушка оформляют опеку над внуком/внучкой вследствие смерти родных детей. Иногда такая иерархия может возникнуть в семье, относящейся к приемному ребенку с недооценкой опекунами своих возможностей и способностей, от неуверенности в своей «родительской» компетентности. Роли между поколениями перевернуты — потребности ребенка ставятся на первое место, все подчиняется его диктату. Межпоколенческая перевернутая иерархия может оказаться достаточно жесткой и поддерживаться всеми членами семьи;

— когда статус ребенка в семье становится выше, чем статус одного из опекунов, или в случае, если отмечается отсутствие различий в статусе ребенка (детей) и родителей. В такой структуре семьи биологически детерминированная межпоколенческая дистанция сознательно сокращается ребенком, с чем соглашаются ведомые разными чувствами (вины, страха быть строгими, сострадания и пр.) замещающие родители.

Другим условием для появления дисфункциональности (в традициях функционального подхода в системной семейной теории) или сниженной жизнеспособности (в нашем понимании) замещающей семьи такого рода может оказаться необязательность прохождения родственниками специальной подготовки в школах приемных родителей.

Далее проанализируем специфику семейных стадий в замещающей семье в русле системного подхода в психотерапии Э. Дюваль (1962 г.), Б. Картер и М. Мак-Голдрик (1988 г.), Дж. Хейли (1973 г.). Для начала мы рассмотрим эти процессы на примере замещающих семей с разным составом, а затем покажем особенности развития замещающей семьи,

состоящей из бабушек/дедушек и внуков. Начнем с третьей стадии развития, на которой в семье появляется ребенок. В замещающей семье он появляется в значительно более короткий период, чем это происходит естественным путем в обычной семье. Третья стадия семейного цикла, связанная с рождением ребенка, является кризисным периодом для всей системы [3]. В замещающей семье с появлением приемного ребенка происходит неожиданная реструктуризация границ, правил, норм, принятых и существующих до его появления. Замещающие родители должны понять и принять всей семьей неизбежность трансформации многих ранее принятых условий ее жизнедеятельности. Если в обычных семьях к рождению ребенка готовятся девять месяцев, то в замещающей семье появление приемного ребенка, как правило, происходит в более короткий период. Это часто приводит к усилению тревожности, беспокойству у замещающих родителей — не только в связи с появлением в скором будущем ребенка, но и по причине короткого времени адаптации к факту его появления.

На этой стадии в супружеской паре, *не имеющей кровного ребенка*, появление приемного может воспроизвести первый кризис семьи — когда пара молодых людей создавала семью. Часто этот кризис «накладывается» на другой кризис — безуспешность попыток зачать собственного ребенка. Эта форма кризиса может наблюдаться в замещающих семьях, которые не имеют кровных детей. Супруги должны обсудить, отчасти вновь — гласные и негласные правила совместной жизни, но уже с учетом нового члена семьи. Для организации жизни замещающей семьи необходимо — как несколько лет назад, когда они были мо-

лодоженами, — определиться с тем, кто и какие выполняет функции, но уже с учетом появления в семье нового члена. Вместе с тем семьи с достаточным супружеским стажем могут обладать большей ресурсностью, потому что за время существования семьи такие замещающие родители способны создать семейные ресурсы. В наших исследованиях показана взаимосвязь семейного стажа и жизнеспособности семьи [6; 7]. На наличие и использование в семейной жизни этих ресурсов необходимо обращать внимание психологам в ходе подготовки и сопровождения замещающей семьи.

Выделяемая А.Я. Варга четвертая стадия развития семьи связана с появлением второго ребенка в семье. Эта стадия достаточно мягкая, т.к. она повторяет во многом предыдущую стадию. Более спокойно эта стадия в замещающей семье пройдет в случае, если в ней уже имеется кровный ребенок, и процесс адаптации родителей к приемному пройдет мягче — по причине имеющегося опыта воспитания кровного ребенка. Показано, что приемные дети указывают на необходимость дружбы с родными детьми (20%), необходимость принятия и понимания родными детьми приемных (12,5%). Родители отмечают необходимость участия и помощи родных детей в воспитании приемных (18%). Наиболее выраженной является потребность в установлении контакта между родными и приемными детьми [4]. Если в семье рождается ребенок, как часто это бывает после появления приемного, детская ревность с его стороны, ухудшение поведения в целом, регрессивные проявления в развитии и поведении могут привести в семью нестабильность и даже привести к возврату приемного ребенка в интернатное учреждение. В связи с появлением нового

члена семьи семейная структура подвергается серьезной перестройке. В семье с приемным ребенком она становится как менее устойчивой, т.к. семья вынуждена принимать его особенности (нормы поведения, предпочтения и др.), не всегда соглашаясь с ними, так и более стабильной — вследствие воспроизводства уже полученного позитивного опыта воспитания первого ребенка.

На пятой стадии начинают активно стареть и болеть престарелые родители, и семья вновь переживает трудные времена. Стареющие родители становятся зависимыми от среднего поколения, занимая позицию не всегда любимых маленьких детей в семье. Вместе с тем по жизни они привыкли быть главными, принимать решения за всех, быть в курсе всех событий [3]. В семье, в которой замещающим родителям около 40 лет и старше, их родители — люди преклонного возраста, и забота о них становится фактором риска или защиты для всей семьи. Если замещающие родители будут проявлять заботу о своих родителях, привлекать к этому приемного ребенка, то образец поведения «хорошего сына» или «хорошей дочери» в адрес стареющих родителей сможет быть направлен в будущем уже по отношению к ним. Для многих замещающих родителей воспитание приемных детей видится в перспективе до их совершеннолетия, и в этом отличие от родных детей. Родители не уверены в том, что хорошие отношения с приемным ребенком останутся и после достижения им этого возраста. По данным исследователей, подавляющее большинство замещающих родителей (95%) выразили готовность воспитывать приемных детей только до их совершеннолетия [2]. В этом состоит отличие от семей, воспитывающих только собствен-

ных детей, с которыми они остаются всегда, даже если фактически дети живут отдельно. По этой причине дальнейшее межпоколенческое взаимодействие со всеми вытекающими из этого обязанностями по отношению друг к другу в замещающей семье может не случиться.

Таким образом, мы рассмотрели триады «бабушки/дедушки—родители—дети». В замещающей семье, где опекунами являются бабушки и дедушки, речь идет об отношениях в диаде «бабушка/дедушка—внук/внучка». В таких семьях прохождение всех стадий развития во многом будет определяться целым рядом факторов: возраст опекунов, состояние здоровья, их образование, наличие работы, проживание в городе/деревне. Как известно, в крупных городах и в маленьких населенных пунктах наблюдается различное восприятие возраста и наступление старости.

Рассмотрим подробнее, каким образом возраст опекунов может оказывать влияние на стадии развития. В том случае, если это молодые 40-летние бабушки и дедушки: в неблагополучных семьях ранние рождения детей широко распространены, родители могут взять на себя опеку над своими внуками в ситуациях раннего материнства/отцовства у детей и т.д. Вследствие этого они фактически выполняют функции своего поколения. В таких семьях еще возможно рождение своего ребенка, живы родители, бабушки/дедушки и т.д. Мы можем говорить о типичных стадиях развития таких семей, начиная с четвертой стадии — «появление второго ребенка». Соответственно, их материальное положение, уровень социальной и психологической адаптации, возможности полноценного воспитания внуков до совершеннолетнего возраста, оказываемая

им материальная и моральная поддержка могут не являться проблемой.

Если же речь идет о пожилых людях 60—70 лет, вынужденных решать не свойственные их возрастной группе задачи, все стадии развития семьи здесь нарушаются. Третья стадия — появление ребенка в семье — фактически совпадает с пятой стадией, когда у них начинает ухудшаться здоровье, возникает необходимость в помощи. С выходом на пенсию у опекунов появляются материальные проблемы и неуверенность в своих силах, страх не успеть вырастить ребенка. Серьезным ресурсом в таких семьях могут стать отношения с их другими взрослыми детьми (дядями и тетями ребенка). Если последние активно участвуют в жизни ребенка, в какой-то мере становятся старшими друзьями или наставниками, или просто родственниками, дающими ощущение защищенности, то они фактически играют роль связующего звена между двумя поколениями (бабушки/дедушки и внуки).

В независимости от возраста бабушек/дедушек, воспитывающих внуков, они оказывают очень серьезное влияние на возникновение межпоколенческих проблем в отношениях. Их оценка роли кровных родителей в жизни ребенка, предоставляемые ими возможности общения ребенка с родителем/родителями и качество контактов с ними могут формировать различные отношения между поколениями. При этом могут запускаться серьезные межпоколенческие конфликты, которые будут воспроизводиться в дальнейшем в последующих поколениях.

Таким образом, мы кратко показали специфику прохождения замещающей семьей стадий развития с учетом фактора поколения в диаде «бабушка (дедушка)—внук (внучка)».

В работах отечественных авторов характеристике состава семьи в связи с родственными межпоколенческими связями между замещающими родителями и приемными детьми не уделено достаточно внимания. Это объясняется следующим: кандидаты в замещающие родители-родственники часто не оказываются в эмпирической выборке исследователя, т.к. имеют право не обучаться в школах приемных родителей вне зависимости от той формы семейной заботы о ребенке (усыновление или опека), которую они выберут. Являясь родственниками сироте, они преимущественно выбирают усыновление и по этой причине далее после факта усыновления не попадают в фокус работы специалистов центра содействия семейному устройству. Часто усыновители-родственники обращаются за помощью, когда проблемы с усыновленным (опекаемым) ребенком заходят слишком далеко, и очень часто — вследствие недопонимания требований или ожиданий бабушки (дедушки) от внука (внучки). Несомненно, изучение специфики группы усыновителей-родственников является перспективным направлением исследований, особенно с учетом их нежелания пускать в семью чужих, сохраняя тайну усыновления — в некоторых семьях.

В типологии семей *по различию семейных структур* мы обратимся к тем характеристикам, которые оказывают существенное влияние на формирование жизнеспособности замещающей семьи и каждого ее члена, в особенности — приемного ребенка. Несомненно, каждая из них заслуживает отдельного изучения, но отметим те характеристики, которые позволяют выделить факторы риска и защиты, способствующие или не способствующие формированию и развитию жизнеспособности замещающих родителей.

В проводимых нами исследованиях к определению состава семьи по числу ее членов наиболее близки понятия «нуклеарная», «расширенная» и «неполная» семья. Наш интерес связан с тем, что кандидаты в замещающие родители в основном представляют собой нуклеарные семьи, но среди них немало неполных семей: матерей-одиночек, желающих воспитывать сироту, и бабушек и/или дедушек детей, потерявших по разным причинам своих биологических родителей. В дискурсе сиротства многие из понятий, с помощью которых описывается состав семьи, в исследованиях практически не представлены. В частности, функционально неполные семьи, в которых инициатором по оформлению опеки над сиротой и полному выполнению всей последующей работы по воспитанию выступают жена или муж, а другие члены семьи исключают себя из этого процесса — особенно в период подросткового возраста ребенка. Например, не оказывается помощь семье со стороны их родителей, не принявших идею о воспитании в семье сироты. Впоследствии такое неполное выполнение функций нередко является одной из причин возврата ребенка в интернатное учреждение. Так, например, в диаде «бабушка (дедушка)—внук (внучка)» один из опекунов может взять на себя ответственность, в то время как другой устраняется из этого процесса. Неполные семьи, образованные чаще матерью-одиночкой и приемным ребенком, кровными бабушкой и/или дедушкой и приемным ребенком, как феномен сиротства также остаются вне интереса исследователей. Мать-одиночка или опекун в возрасте могут быть особенно уязвимы к различным рискам: экономическим трудностям, плохим навыкам функционирования, что ставит приемного ребен-

ка в заведомо неблагоприятные условия развития. Изучение факторов, которые способствуют благополучию одиноких матерей или стариков, вынужденных воспитывать своих внуков, может привести к обнаружению наиболее эффективных способов содействия адаптации детей в условиях риска.

Выводы

1. Выделенные в работе характеристики состава замещающей семьи позволяют более полно анализировать особенности семьи, сопоставляя их и выделяя наиболее важные для ее жизнеспособности. Также наиболее часто встречающаяся тема в изучении состава замещающих семей — возможные взаимосвязи состава семьи по признаку детности, семейного стажа, места проживания с компонентами жизнеспособности.

2. В обсуждении признаков семейной системы с учетом фактора поколения в

диаде «бабушка (дедушка)—внук (внучка)» выделены наиболее важные: несбалансированность семейной структуры по параметрам близости и гибкости в связи с появлением приемного ребенка. Изменение ролей происходит путем ее расширения: появляется родительская в дополнение к роли бабушки (дедушки). Делается предположение о том, что межпоколенная коалиция может проявиться в постепенном выстраивании отношений ребенка с замещающими родителями и латентном/открытом конфликте ребенка с приемными бабушкой/дедушкой. Возможно появление скрытой коалиции, например: между замещающей мамой и ребенком и «выталкивание» приемного отца из этой коалиции.

3. В анализе специфики стадий развития в замещающей семье, где опекунами являются бабушки и дедушки, прохождение всех стадий развития будет определяться: возрастом опекунов, состоянием здоровья, их образованием, наличием работы, местом проживания.

Финансирование

Работа выполнена по Государственному заданию Минобрнауки РФ № 0159-2019-0001 «Психологические проблемы профессионального менталитета в условиях организационных и технологических инноваций».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристова Н.Г.* Усыновление/удочерение: ad disputandum // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т.А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 29—53.
2. *Асламазова Л.А., Юрина А.А.* Социально-психологический портрет современной приемной семьи // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 235—237.
3. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
4. *Декина Е.В., Самсонова Г.О.* Взаимодействие собственных детей и приемного ребенка с ОВЗ в замещающей семье: к проблеме подготовки специалистов-коммуникаторов // Живая психология. 2018. Т. 5. № 3. С. 275—286. doi:10.18334/lp.5.3.39455
5. *Козлова Т.З.* Создание и крушение семей людей, лишенных родительских прав // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3. С. 84—90.

6. Махнач А.В. Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 249–264.
7. Махнач А.В., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 127–149. doi:10.17759/sps.2018090209
8. Микляева А.В., Безгодова С.А., Юркова Е.В. Ролевая идентичность опекунов в контексте их удовлетворенности функциональными характеристиками семейных отношений // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 357–360.
9. Музафарова А.Т. Особенности приемной семьи с кровным родством // Материалы научно-практической конференции «Современное поле семейной психотерапии» (г. Москва 23–24 сентября 2017 г.) / Под ред. Е.Ю. Чеботаревой. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2017. С. 203–207.
10. Осипова И.И. Замещающая семья в России // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 70–81.
11. Черников А.В. Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001. 208 с.

The problem of generation in a foster family as a special small social group

A. V. MAKHNACH*,
IP RAS, Russia, Moscow,
amak@inbox.ru

The peculiarities of changes in the structure of a foster family after the child adoption, related to the restructuring of borders, rules, norms that exist in the family before adoption are discussed. The structural features of a foster family are described, which make it possible to analyze the characteristics of the family that are important for its resilience. Taking into account the generation factor, the characteristics of the family system in the dyad grandmother (grandfather) – grandson (granddaughter) and the specifics of the developmental stages of a foster family are analyzed. Intergenerational inverted structure can be quite hard, as it seems to all family members. It justifies the assumption that the intergenerational coalition

For citation:

Makhnach A.V. The problem of generation in a foster family as a special small social group. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 146–156. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100211

* Makhnach Alexander V. — PhD in Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, amak@inbox.ru

can manifest itself in the gradual forming of the child's relationship with foster parents and the latent / open conflict between the child and the foster grandmother / grandfather. The possibility of a hidden coalition between the foster mother and the child and pushing the foster father out of this coalition is shown. It is concluded that the study of family composition on the basis of kinship intergenerational relations between foster parents and foster children is not given enough attention, the topic remains poorly investigated, despite its relevance.

Keywords: *foster family, family resilience, family composition, intergenerational connections, family structures, family stages, kinship adoption.*

Funding

Research has been made for State task: "Psychological problems of professional mentality in the conditions of organizational and technological innovations", No. 0159-2019-0001

REFERENCES

1. Aristova N.G. Usynovleniye / udochereniye: ad disputandum [Adoption: ad disputandum]. In: T.A. Gurko (Ed.). Aktual'nyye problemy semey v Rossii [Actual Problems of Families in Russia]. Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., 2006, pp. 29–53.
2. Aslamazova L.A., Yurina A.A. Sotsialno-psikhologicheskiiy portret sovremennoy priyomnoy semi [Socio-psychological portrait of a modern foster family]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2016, Vol. 1 (56), 235–237.
3. Varga A.Ya. Sistemnaya semeynaya psikhoterapiya [Systemic Family Psychotherapy]. Sankt-Petersburg: Rech, 2001. 144 p.
4. Dekina E.V., Samsonova G.O. Vzaimodeystviye sobstvennykh detey i priyemnogo rebenka s OVZ v zameshchayushchey seme: k probleme podgotovki spetsialistov-kommunikatorov [The interaction of their own children and a foster child with HIA in a foster family: on the problem of training communicator specialists]. *Zhivaya Psikhologiya* [Live Psychology], 2018, Vol. 5 (3), 275–286. doi: 10.18334 / lp.5.3.39455
5. Kozlova T.Z. Sozdaniye i krusheniye semey lyudey, lishennykh roditel'skikh prav [Creation and the collapse of families of people deprived of parental rights]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2014, Vol. 3, pp. 84–90.
6. Makhnach A.V. Psikhopatologicheskaya simptomatika i semeynnye resursy u kandidatov v zameshchayushchiye roditeli [Psychopathological symptoms and family resources of foster parents' applicants]. In: A.V. Makhnach, K.B. Zuev (Eds.). *Semya, brak i roditelstvo v sovremennoy Rossii. Vyp. 2* [Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia, Issue 2]. Moscow: "Institute of Psychology RAS" Publ., 2015, pp. 249–264.
7. Makhnach A.V., Tolstykh N.N. Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants. *Sotsial'naiya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and

- Society*], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 127–149. doi:10.17759/sps.2018090209. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Miklyayeva A.V., Bezgodova S.A., Yurkova E.V. Role identity of guardians in the context of their satisfaction with the functional characteristics of family relations [Rolevaya identichnost' opekunov v kontekste ikh udovletvorennosti funktsional'nymi kharakteristikami semeynykh otnosheniy]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 2018, Vol. 7, no. 3 (24), 357–360.
9. Muzafarova A.T. Osobennosti priyemnoy sem'i s krovnyim rodstvom [Features of the adoptive family with consanguinity]. In: E.Yu. Chebotareva (Ed.). *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennoye pole semeynoy psikhoterapii"* (g. Moskva 23–24 sentjabrja 2017 g.). [Materials of the Scientific-Practical Conference "Modern Field of Family Psychotherapy"]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2017, pp. 203–207.
10. Osipova I.I. Foster family in Russia. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2006. no. 2, pp. 70–81. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Chernikov A.V. Sistemnaya semeynaya terapiya: integrativnaya model diagnostiki [Systemic Family Therapy: an Integrative Diagnostic Model]. Moscow: Class, 2001.

Как подростки слышат советы родителей о будущем?

А.А. БОЧАВЕР*,
Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
a-bochaver@yandex.ru

К.Д. ХЛОМОВ**,
ИОН РАНХиГС, Москва, Россия,
kirkhlomov@gmail.com

А.А. КОРНЕЕВ***,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
korneeff@gmail.com

А.В. ЖИЛИНСКАЯ****,
Университетская гимназия, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
alisez@yandex.ru

Тема проектирования будущего соответствует возрастным задачам старших подростков, но становится источником напряжения в семьях задолго до окончания школы детьми. Когда дети достигают подросткового возраста, в семьях перестраивается процесс коммуникации, и диалог между детьми и родителями нередко оказывается затруднен; социальные изменения и невозможность напрямую применять родительский опыт в современных условиях осложняют задачи самоопределения и выстраивания жизненной траектории. В статье обсуждаются представления подростков о родительских высказываниях об их будущем: описываются 20 типичных форм высказываний о будущем,

Для цитаты:

Бочавер А.А., Хломов К.Д., Корнеев А.А., Жилинская А.В. Как подростки слышат советы родителей о будущем? // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 157–174. doi:10.17759/sps.2019100212

* *Бочавер Александра Алексеевна* — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования, Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, a-bochaver@yandex.ru

** *Хломов Кирилл Данилович* — кандидат психологических наук, начальник психологической службы, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИОН РАНХиГС), Москва, Россия, kyryll@rambler.ru

*** *Корнеев Алексей Андреевич* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория нейропсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, korneeff@gmail.com

**** *Жилинская Алиса Викторовна* — кандидат психологических наук, психолог, Университетская гимназия, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, alisez@yandex.ru

с которыми сталкиваются современные подростки со стороны своих близких и которые имеют разный фокус — на ребенке, на его семье и на социальной среде. Анализируются их достоинства, недостатки и возможные психологические эффекты; сравнивается представленность категорий высказываний в группах подростков разного возраста и пола, обучающихся в разных организациях. Обсуждается необходимость организации конструктивных обсуждений будущего между подростком и его социальным окружением.

Ключевые слова: подростковый возраст, проектирование будущего, профессиональный выбор, высказывание, родительское предписание, обсуждение будущего, поколения, детско-родительские отношения.

В семье, где есть подросток, серьезной задачей является планирование его будущего. В этом процессе обычно принимает участие не только сам подросток, но и его ближайшее социальное окружение, посредством вербальных и невербальных посланий или предписаний помогая подростку прояснить намерения и возможности, поддерживая и осуждая разные идеи и выборы и выступая ролевыми моделями.

Цель данной статьи — обсудить варианты восприятия подростками высказываний ближайшего социального окружения относительно их будущего с позиции их фокуса и потенциальных позитивных и негативных эффектов для ребенка.

Родители подростков находятся в непростой и отчасти противоречивой ситуации. Им тревожно и хочется помочь подросткам достичь успеха, однако те способы родительской поддержки и мотивации, которые были эффективны, пока дети были младше, теряют свою эффективность. Родители хотят и готовы делиться своим личным опытом взросления, профессионального становления, принятия решений, но в «неадаптированном» виде такие рекомендации плохо применимы, поскольку социальная среда существенно изменилась за те 20–30 лет, которые прошли после их подростко-

вого периода. В это же время родители чувствуют необходимость поддержать самостоятельность и взросление детей, что, тем не менее, может вызывать сильнейшую тревогу, страх утраты близких отношений с детьми, страх одиночества. Кроме того, у родителей подростков уже накоплена усталость от родительства и многолетней ответственности, которая может заставлять их форсировать сепарацию детей. Подростки тоже переживают смешанные чувства — хотят взрослеть, боятся отдалиться от родителей, стремятся остаться в стороне от постоянного давления и игнорировать намеки на необходимость повышения ответственности и др. Эти сложные конфигурации взаимоотношений родителей и подростков на фоне хронической неопределенности и быстрых социальных изменений среды отчасти отражаются в том, как происходит обсуждение будущего в семье [4; 6; 7; 16].

На наш взгляд, стиль обсуждения жизненной траектории в семье и ближайшем окружении подростка (обсуждение планов, выработка оснований для выбора, использование семейного опыта и т.п.) — это важный фактор, который влияет на то, насколько подросток оказывается способен выстраивать осознанную, последовательную и неспонтанную

траекторию развития, и в то же время он может быть перспективной мишенью психологического сопровождения детско-родительских отношений в подростковом возрасте.

Темы построения подростком своего жизненного пути, подростковой субъектности, образа будущего и планирования его достижения достаточно активно представлены в исследованиях, посвященных, например, обнаружению себя во времени, ориентации на будущее, «разорванности» субъективного времени [20; 5; 1; 10; 11]; обсуждается связь между временной и содержательной направленностью подростков и социальным статусом в группе сверстников [15]; сравниваются ценностные ориентации подростков разных поколений [13]. О.В. Кузнецова выделяет пять эмпирических стратегий построения своей жизненной перспективы [9]. Разрабатываются психологические программы, направленные на помощь подросткам в формировании образа будущего и личной организации времени [14; 12]. Вопрос содержания представлений о будущем все чаще ставится применительно не к школьникам, а к студентам [2].

Однако тема родительской роли в проектировании жизненного пути детей, несмотря на ее значимость, изучена недостаточно. В общем виде анализируя воспитательную деятельность родителей, иногда выделяют разные методы осуществления воздействия, такие как убеждение, принуждение, поощрение, внушение, заражение; кроме того, выделяют три типа воздействий в зависимости от той сферы, на которую они направлены: эмоциональные (вызывают и поддерживают определенные эмоциональные состояния у ребенка), когнитивные (преобразовывают систему знаний у ребенка)

и поведенческие (регулируют поступки ребенка) [8]. Когда обсуждается будущее подростка, родительские воздействия направлены на все три сферы функционирования, вызывая определенную эмоциональную окраску этих обсуждений (вдохновение, благодарность, надежду или, наоборот, страх, подавленность, раздражение, желание дистанцироваться); создавая определенное информационное поле вокруг планирования будущего (касающееся вариативности обсуждаемых профессий, опоры на те или иные критерии при совершении выбора, анализа востребованности и перспективности тех или иных образовательных маршрутов и т.п.); поддерживая или останавливая действия (подражание родителям, совершение самостоятельных выборов, поиск других референтных лиц).

Проведенное в Германии исследование семей с подростками, где родители являются владельцами бизнеса, показало, что вопрос будущего детей является источником внутреннего конфликта для их родителей: как состоявшиеся бизнесмены они хотят, чтобы их дети продолжали их дело; как современные родители они дорожат диалогом с детьми и боятся навязывать им свое мнение. В результате подростки находятся в ситуации, когда тема их будущего является очень эмоционально насыщенной, но не может открыто обсуждаться. В указанном проекте исследователи-психологи в качестве благодарности за готовность участвовать в исследовании проводили фасилитирующие беседы с родителями и подростками, помогая им перевести тему будущего подростков в статус обсуждаемых [21]. Небольшое исследование родительских ожиданий в отношении детей с ОВЗ с использованием авторской анкеты показало неоднород-

ность этих ожиданий и частичное несоответствие с ожиданиями детей [3].

Родительский стиль косвенно связан с проявлениями внутренних и внешних проблем у детей; так, лонгитюдное исследование 109 семей показало, что строгий поведенческий контроль в сочетании с психологическим контролем усиливает поведенческие проблемы у детей; в то же время, если дети демонстрируют поведенческие проблемы, это приводит к снижению позитивного родительского поведения и усилению контроля. Сочетание психологического и поведенческого контроля со стороны родителей может представлять собой «сверхуправление» (*overmanagement*), которое подростки воспринимают как неподходящее и излишне вторгающееся, от которого они уклоняются через девиантное поведение [17].

Социокультурные процессы — увеличение продолжительности жизни, снижение рождаемости в развитых странах [22] — тоже не могут не влиять на то, как родители сопровождают взросление своих детей. Так, например, в исследовании турецких семей [18] обсуждается резкое повышение психологической ценности и снижение экономической значимости детей на протяжении трех последних десятилетий, что выражается в изменении ожиданий от выросших детей, изменении качеств, которые хочется видеть в детях, в актуальном и желаемом количестве детей, в смене предпочтения сыновей на дочерей.

В данном проекте нас интересовало то, какие высказывания о себе и своем будущем от близких слышат подростки, и о каких психологических эффектах мы можем говорить в контексте детско-родительских отношений и планирования своей жизни подростками.

Эмпирическое исследование

В исследовании участвовали 668 респондентов в возрасте от 12 до 23 лет, преимущественно учащиеся школ и колледжей города Москвы, а также студенты одного из российских вузов. Респонденты были разделены на четыре возрастные группы для анализа возрастной динамики в восприятии молодежью родительских высказываний о том, как им следует планировать будущее: группа младших подростков (12–13 лет, 106 человек), средних (14–15 лет, 269 человек), старших (16–17 лет, 269 человек), группа студентов (18–23 года, 24 человека).

Респондентам предлагалось заполнить специально разработанную анкету (см. Приложение), где они фиксировали предписания, исходящие от представителей их социального окружения и касающиеся их будущего. Всего было получено 928 текстов высказываний (в среднем 1,3 на каждого респондента); распределение по агентам, транслирующим эти высказывания, отражено на рис. 1. Высказывания содержали инструкции о том, как следует себя вести подростку перед лицом необходимости профессионализации и проектирования будущего и на что ему стоит опираться, совершая и воплощая выборы.

Полученные тексты обрабатывались методом контент-анализа, который проводили совместно два специалиста-психолога. В первоначальной кодировочной таблице присутствовало 3 категории, различающиеся по ориентации высказывания на ребенка, на его семью или на внешнюю социальную среду. В процессе обсуждения кодировщики существенно развернули эту схему, результатом их работы стало выделение двадцати доминирующих вариантов высказываний, со-

державших приоритетные ориентиры, которыми рекомендуют руководствоваться

родители при планировании будущего, по мнению их детей-подростков (рис. 2).

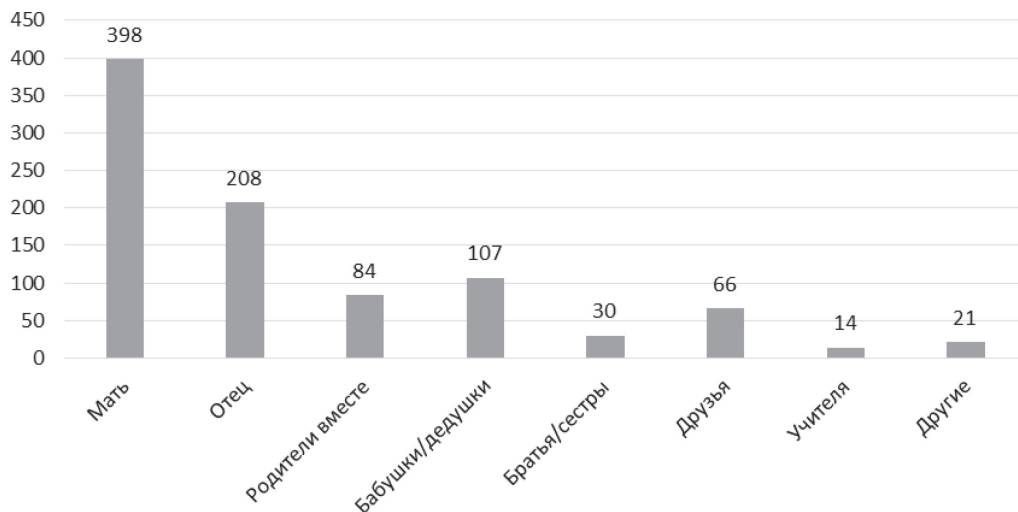

Рис. 1. Агенты высказываний о будущем подростков

Рис. 2. Основные типы родительских высказываний о будущем, с точки зрения подростков

(1) «Будь как мы!» (18,2%). Примеры: *«Дедушка: “Я был машинистом, ты должен стать машинистом”»; «Мама: “В нашем роду все повара, и ты должна стать поваром”»; «Папа: “Я вижу тебя юристом, иди по моим стопам”».* Это доминирующий тип высказываний, транслирующий необходимость продолжения семейных традиций. Такое предписание может исходить от одного родителя, от родителя и прародителя (с взаимным усилением, поскольку речь идет о семейной традиции), от двух родителей с противоречащими посланиями (повара/экономисты) либо с выработкой компромиссного варианта (военные/врачи, значит, ребенку надо стать военным врачом). Знакомая профессия обещает определенность, предсказуемость в плане востребованности, финансирования, признания, позволяет обеспечить ребенку дополнительную поддержку за счет опыта и связей. Такое послание служит инструментом совладания с тревогой для родителей в транзитивном обществе. Идея принадлежности торжествует над идеей уникальности: подросток сталкивается со скрытым или явным запретом или осуждением отделения, отличия от членов своей семьи, ему сложно быть услышанным в своих желаниях и намерениях, не согласующихся с семейной историей.

(2) «Ориентируйся на свой интерес, удовольствие, желание!» (16,4%). Примеры: *«Папа: “Главное, чтобы твоя будущая профессия тебе нравилась”»; «Мама: “У тебя должна быть профессия, которую ты будешь любить”».* Такое послание не привязано к жестким представлениям о том, кем надо быть, о социальной востребованности, необходимом доходе; оно направлено на выявление личного интереса у ребенка. Упование на интерес и внутреннюю мотивацию самого ребенка позволяет

родителям избежать давления/принятия решений за него, сохраняет мир и спокойствие в семье, помогает ребенку достичь определенных успехов в случае, если такой интерес присутствует и достаточно стабилен и надежен. Подросток, слышащий такое послание, получает поддержку семьи; в то же время при отсутствии стойкого интереса он может оказаться в своеобразной ловушке, когда от него будут ждать не выбора, но интереса и удовольствия, что выглядит не совсем позитивным в контексте повышения уровня депрессии среди молодежи, по данным международных исследований [19]. Динамичность подростковых интересов может препятствовать последовательному воплощению того или иного плана, что будет затруднять завершение начатого и препятствовать линейному продвижению по ступеням образования и карьеры, увеличивая разнонаправленность предпринимаемых усилий.

(3) «Я так хочу!» (14%). Примеры: *«Мама: “Пойдешь на врача! Я уже все сказала!”»; «Папа: “Ты станешь программистом!”».* Подросток слышит категоричные высказывания, содержащие требования к приобретению конкретной профессии, но лишены аргументов. Такая форма высказываний практически гарантирует их неисполнение либо, как минимум, внутренний сильный протест и недовольство вынужденным выбором со стороны ребенка. Может быть, таким образом высказанная рекомендация свидетельствует о детско-родительском конфликте, и тогда мнение взрослого отражает в свернутом виде семейные ценности, против которых нормативно восстает подросток. Возможно, наоборот, такая директивность родителей сочетается с пассивностью подростка и отсутствием у него интереса к будущему. Безапелляционная форма команды мешает

подростку найти смысл в рекомендуемой профессии и скорее предполагает, что смысла в профессиональном выборе нет.

(4) «Твой выбор, твоя ответственность» (14,4%). Примеры: «Мама: *“Кем хочешь, тем и становись, это твой выбор”*»; «Папа: *“Твой выбор”*». Родители, которые высказываются таким образом, полностью делегируют ответственность за выбор самому подростку, отказывая ему в поддержке, совете и опоре. Это может быть свидетельством лояльности родителей к детскому выбору, но скорее они продиктованы родительской усталостью, желанием наделить ребенка самостоятельностью и отстраниться от воспитания. Такие послания оставляют ребенка один на один с его представлениями о том, на что надо опираться при выборе профессии, о том, чего он хочет добиться, и если для человека с уже сформировавшимся образом будущего и ясными целями такой контекст может быть полезным и развивающим, то для недостаточно зрелого и неуверенного в своих рассуждениях ребенка может способствовать переживанию одиночества, брошенности и бессилия вместо воодушевления.

(5) «У тебя есть способности/склонности, реализуй их!» (11,5%) Примеры: «Папа: *“Ты хорошо пишешь сочинения, твое будущее — это журналистика”*»; «Мама: *“У тебя хороший голос. Ты должна стать певицей!”*». Это тип наиболее ориентированных на индивидуальные особенности ребенка родительских предписаний, он подразумевает оптимистичные ожидания, намекает на то, что определенный путь уже пройден, и дает детям информацию о них самих: родители внимательны к детям, выделяют их сильные стороны и верят, что на них можно опираться. Даже если ребенок не следует такому предписанию, он знает, что у него есть определенный ресурс — умение,

способность, талант, который можно при желании реализовать. С другой стороны, желания ребенка могут серьезно не совпадать с его способностями, и тогда поддержка родителями его достижений может препятствовать экспериментам ребенка в других, более субъективно значимых для него сферах.

(6) «Главное — учись!» (8,2%). Примеры: «Родители: *“Учись, учись и еще раз учись. Чтобы быть успешным в будущем”*»; «Мама: *“Выучись хорошо и заработай профессию”*». За такой инструкцией родителей лежит вера в то, что учеба и работа хронологически последовательны, и что хорошая работа и социальный успех являются прямым следствием хорошей учебы. В условиях чрезвычайного многообразия образовательных возможностей и форм обучения в мегаполисе такое предписание выглядит излишне обобщенным; с одной стороны, оно транслирует определенные ценности, с другой, в нем не учитываются ни особенности и интересы подростка, ни специфика его социальной среды, ни содержание этой учебы, которой уделяется столько внимания.

(7) «Выбор за тобой, а мы тебя поддержим!» (6,1%). Примеры: «Мама: *“Полностью поддерживаю твое решение”*»; «Мама: *“Выбери, куда ты хочешь поступить, и я сделаю все возможное”*»; «Папа: *“Пилотом так пилотом, если надо, найду друзей — подскажут”*». Здесь сочетаются делегирование выбора ребенку с поддержанием безопасности ситуации через заботу, поддержку и помощь. Выбор ребенка признается и уважается, но не через уход/завершение родительской ответственности (как в предписании «Твой выбор, твоя ответственность»), а через сопровождение его решения и последующих шагов.

(8) «Ориентируйся на потенциальный доход» (5,5%). Примеры: «Бабушка:

«Нужно идти на юриста или финансиста, чтобы много зарабатывать»»; «Мама: “Ты должна стать банкиром, потому что они получают большие деньги”». Приоритет — высокий заработок; в то же время неучтенными остаются индивидуальные предпочтения и склонности подростка; кроме того, такие предписания могут содержать несколько наивные мифы родственников о профессиях, от которых они далеки.

(9) «Ориентируйся на социальный запрос» (5,1%). Примеры: «Бабушка: “Сейчас большой спрос на технологов, будешь им!” (Услышала по телевизору)»; «Мама: “Иди в медицинский, так как это востребованная профессия, которая пригодится тебе в будущем”»; «Мама говорит, что я должен связать свою жизнь с компьютерами, так как это перспективно». Этот тип высказываний дает подростку задачу отвлечься от сиюминутных импульсов и предположить, что будет в будущем, ориентироваться на необходимость востребованности профессии. Проблема состоит в том, что предсказать эту востребованность сложно, и прогнозы старших не всегда обоснованы.

(10) «Ты неудачник!» (3,1%). Примеры: «Батя: “Ты неудачник и будешь дворником”»; «Маман: “О, дворник из школы пришел”»; «Учитель: “Твоя последняя надежда в будущем — выйти удачно замуж!” :(;»; «Мама: “Как ты можешь не знать, где учиться?!?! Кем ты станешь в будущем?!?! Ты вообще представляешь, что ты станешь делать в будущем?!?”». Такое послание обесценивает самого ребенка, а также его усилия, успехи и перспективы. Формулировки этой категории зачастую саркастические и грубые. Подростки, которые так пересказывают послания взрослых, демонстрируют отсутствие поддержки с их стороны и свою покинутость, которая может быть окрашена печалью или гневом.

(11) «Ориентируйся на социальный престиж» (2,4%). Примеры: «Мама: “Иди в МВД, так как это престижно”»; «Мама: “Ты должен поступить в престижный институт”». Предписание опирается на представление взрослого о престиже и высоком статусе, при этом не учитываются ни предпочтения и сильные стороны подростка, ни социальные аспекты, связанные с востребованностью и финансовой успешностью обсуждаемой специальности.

(12) «Сделай то, чего не смог/ла я!» (1,8%). Пример: «Мама: “Я не получила красный диплом, ты должна его получить, и ты пойдешь работать, куда я скажу”». В этом случае будущее ребенка становится способом реализовать родительские невоплощенные амбиции, и ребенок из субъекта своей жизни становится объектом, творческим проектом родителей. Реализация такого послания способствует риску отчуждения подростка от собственной жизни, потери ориентиров и сложностям с сепарацией в сочетании с негативными переживаниями, вызванными неудовлетворенностью собственных потребностей подростка.

(13) «У тебя все получится!» (1,8%). Примеры: «Друзья: “У тебя все получится”»; «Мама и папа верят в меня и говорят, что в будущем ждет высокооплачиваемая профессия». Это недифференцированные, но оптимистичные высказывания относительно будущего; они могут эмоционально поддержать подростка, хотя не дают представления о конкретных алгоритмах деятельности по достижению этого благополучного будущего.

(14) «Помогай нам!» (1,8%). Примеры: «Мама: “Иди на врача, потому что, если вдруг что-то произойдет, ты сможешь помочь в любой момент”»; «Бабушка: “Стань врачом, будешь нас лечить”». Подросток

слышит послание о собственной пользе для семьи в перспективе, которое, однако, сковывает его в реализации собственных, независимых от семьи планов.

(15) «Ориентируйся на развитие!» (1,6%). Примеры: «*Мать: “Ты не занимаешься саморазвитием. Ты должен уметь все: готовить, петь, танцевать, строить, мастерить, играть на разных инструментах и так далее”*»; «*Мама: “Ты можешь быть кем хочешь, если на этой работе ты будешь развиваться”*». Категория развития аккумулирует в себе некие универсальные ценности, которые трудно поддаются определению, однако их легко оспорить («ты не развиваешься»).

(16) «Будь не как мы!» (1,2%). Примеры: «*Папа: “Я работаю в цехе автомобилей, я не очень хочу, чтобы ты туда пошел, так как здесь очень тяжело”*». Такой тип высказываний предлагает подростку идти путем, альтернативным тому, что выбрали его родители, но без противопоставления и с меньшей категоричностью, чем в типе высказываний «Сделай то, чего не смог/ла я!». В целом такая форма предполагает возможность обсуждения достоинств и недостатков тех траекторий, которые выбрали родители, и поиск более оптимальных решений.

(17) «Найди работу!» (1%). Примеры: «*Мама: “Найдешь хорошую работу — перестанешь быть балбесом”*»; «*Родители: “Найди работу”*». Это послание предполагает окончание периода детства и переход в категорию взрослых, оно отражает ожидания родителей от социальной траектории детей (отсутствие высшего образования, неквалифицированный, но ранний заработок) и свидетельствует о родительской усталости.

(18) «Главное — удобство!» (0,7%). Примеры: «*Мама: “Место работы не должно быть очень далеко от дома”*»;

«*Родители: “Решай сам, главное поближе и удобно ездить”*». Здесь бытовое удобство имеет большее значение, чем содержание и другие характеристики (перспективность, престижность) выбранной профессии. Место работы/учебы должно безболезненно встроиться в существующий уклад семьи, когда можно посреди дня прийти домой пообедать или выгулять собаку: в таком представлении дом выглядит гораздо более значимым местом, чем место работы или учебы, а отношения с семьей более предпочтительны, чем отношения со сверстниками-коллегами, однокурсниками, романтическими партнерами и пр.

(19) «Главное, чтобы ты был/а счастлив/а!» (0,6%). Примеры: «*Мама говорит, что я буду счастлив*»; «*Папа: “Главное, чтобы ты была счастлива”*». Такие высказывания указывают на значимость субъективной успешности и на готовность родителей принять ребенка даже в ситуациях социального неуспеха, однако их недифференцированность содержит негласное требование от ребенка быть счастливым, чтобы не расстроить родителей.

(20) «Все произойдет само собой!» (0,4%). Примеры: «*Папа: “Не заглядывай в будущее, все будет само собой”*». Такое послание, с одной стороны, вероятно, снижает тревогу подростка перед грядущими экзаменами и дальнейшими событиями, с другой, представляется отчасти эскапистским в условиях высокой конкурентности и неопределенности.

Такая дробная классификация привела к тому, что большая часть типов высказываний встречается редко (менее, чем у 10% испытуемых), и статистика в данном случае может быть недостаточно надежной, поэтому для уточнения устойчивости полученных результатов надо проводить дополнительное исследова-

ние; однако она позволяет увидеть детали, которые оказались бы не видны при более высоком уровне обобщения.

С помощью критерия хи-квадрат была проверена значимость отличия распределения каждого из ответов от равномерного по возрастным группам (табл. 1). Значимый результат свидетельствует о том, что частота вариантов

высказываний в возрастных группах неравномерна. Высказывания «Будь как мы!» и «Сделай то, чего не смог я!» слышат значимо чаще более младшие подростки, а послания «Ориентируйся на развитие!», «Найди работу!» и «Главное, чтобы ты был/а счастлив/а!», наоборот, более характерны для студенческой выборки.

Таблица 1

**Представленность выбора типа ответов в разных возрастных группах
(% от общего количества респондентов в группе)**

№	Высказывания	12– 13 лет	14– 15 лет	16– 17 лет	18– 23 года	Вся вы- борка	Значимость по хи-квадрату
1	Будь как мы	28.3	19.7	13.0	8.3	18.3	0.003
2	Ориентируйся на интерес и удовольствие	17.9	16.4	16.4	12.5	16.5	0.931
3	Твой выбор, твоя ответственность	12.3	11.9	17.5	20.8	14.5	0.205
4	Я так хочу	13.2	15.2	14.1	4.2	14.1	0.509
5	У тебя способности, реализуй их	17.0	11.5	9.3	12.5	11.5	0.219
6	Главное — учись!	6.6	8.2	9.3	4.2	8.2	0.729
7	Твой выбор, мы поддержим	3.8	6.3	7.1	4.2	6.1	0.658
8	Ориентируйся на потенциальный доход	2.8	6.7	5.2	8.3	5.5	0.460
9	Ориентируйся на социальную конъюнктуру	2.8	4.5	6.3	8.3	5.1	0.439
10	Ты неудачник	2.8	3.7	3.0	0.0	3.1	0.770
11	Ориентируйся на престиж	1.9	2.2	3.0	0.0	2.4	0.772
12	Сделай то, чего не смог я	5.7	0.7	1.5	0.0	1.8	0.010
13	Помогай нам	3.8	1.1	1.9	0.0	1.8	0.321
14	У тебя все получится	2.8	1.5	1.9	0.0	1.8	0.745
15	Ориентируйся на развитие	2.8	1.1	1.1	8.3	1.6	0.037
16	Будь не как мы	1.9	1.1	1.1	0.0	1.2	0.862
17	Найди работу	0.0	0.7	0.7	12.5	1.0	0.000
18	Бытовое удобство	0.9	0.4	0.7	4.2	0.7	0.227
19	Главное, чтоб ты был счастлив!	0.0	0.0	1.1	4.2	0.6	0.035
20	Все произойдет само собой	0.0	0.4	0.7	0.0	0.4	0.766

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены значимые различия распределений.

При сравнении представленности высказываний среди мальчиков и девочек (табл. 2) было обнаружено, что девочки значимо чаще слышат такие высказывания, как «Ориентируйся на интерес и удовольствие», «Твой выбор — твоя ответственность!», «У тебя способности, реализуй их», «Выбор за тобой, а мы поддержим», «Ориентируйся на потенциальный доход», «Ориентируйся на социальный запрос». Указанные различия могут указывать на то, что девочки лучше различают (либо родители действительно сильнее акцентируют) послания, в которых подчеркивается ин-

дивидуальность девочки — ее интересы, выборы, способности и склонности. В то же время высказывания, подчеркивающие социальные аспекты будущего — социальная востребованность, финансовая обеспеченность — также сильнее присутствуют среди тех, что описывают девочки. Высказывания, в центре которых лежат семья, родительская власть и семейные ценности («Будь как мы!», «Главное — учись!», «Я так хочу»), одинаково часто встречаются среди ответов мальчиков и девочек.

Далее выявленные типы высказываний были сгруппированы обратно в

Таблица 2

Представленность выбора типа ответов в группах, различающихся по полу (% от общего количества респондентов в группе)

№	Высказывания	Муж.	Жен.	Вся выборка	Значимость по хи-квадрату
1	Будь как мы	19.8	16.6	18.2	0.321
2	Ориентируйся на интерес и удовольствие	12.4	20.5	16.4	0.007
3	Твой выбор, твоя ответственность	11.5	17.5	14.4	0.038
4	Я так хочу	14.5	13.6	14.0	0.810
5	У тебя способности, реализуй их	6.8	16.3	11.5	<0.001
6	Главное — учись!	8.6	7.8	8.2	0.832
7	Твой выбор, мы поддержим	3.3	9.0	6.1	0.003
8	Ориентируйся на потенциальный доход	2.7	8.4	5.5	0.002
9	Ориентируйся на социальную конъюнктуру	2.4	7.8	5.1	0.002
10	Ты неудачник	3.8	2.4	3.1	0.398
11	Ориентируйся на престиж	1.8	3.0	2.4	0.426
12	Сделай то, чего не смож я	1.8	1.8	1.8	1.000
13	Помогай нам	1.2	2.4	1.8	0.365
14	У тебя все получится	1.5	2.1	1.8	0.747
15	Ориентируйся на развитие	1.5	1.8	1.6	0.976
16	Будь не как мы	1.2	1.2	1.2	1.000
17	Найди работу	0.6	1.5	1.0	0.433
18	Бытовое удобство	1.2	0.3	0.7	0.380
19	Главное, чтоб ты был счастлив!	0.6	0.6	0.6	1.000
20	Все произойдет само собой	0.6	0.3	0.4	1.000

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены значимые различия распределений.

три категории по ориентации на ребенка, семью или социальное окружение. Эта группировка использовалась для сравнения частоты представленности высказываний разного типа в группах подростков, учащихся в школах с разным рейтингом — высоким (262 человека), средним (161 человек) и низким (221 человек). Сравнение по школам (табл. 3) показало, что в школах с высоким рейтингом представленность высказываний, ориентированных на ребенка, его индивидуальные особенности и потребности, выше, чем в организациях с низким рейтингом.

Сравнение по возрастным группам (табл. 4) показало, что значимо чаще высказывания, ориентированные на семью,

представлены в ответах более младших респондентов; чем старше респонденты, тем реже они упоминают эти типы высказываний. На уровне тенденции можно говорить о том, что частота высказываний, ориентированных на социальное окружение, напротив, с возрастом респондентов растет.

Сравнение данных по полу (табл. 5) показывает, что о высказываниях, ориентированных на ребенка, чаще сообщают девочки, а о высказываниях, ориентированных на социальное окружение, чаще сообщают мальчики.

Фокус на ребенке предполагает внимание к индивидуальным особенностям и предпочтениям ребенка, высокую долю ответственности ребенка

Таблица 3

Данные по школам. Представленность выбора типа ответов в процентах от общего числа респондентов в группе

Фокус высказываний	Образовательная организация с низким рейтингом	Образовательная организация со средним рейтингом	Образовательная организация с высоким рейтингом	Вся выборка	Значимость по хи-квадрату
Ребенок	48.9	47.8	59.5	55.3	0.021
Семья	33.9	39.1	34.4	36.0	0.519
Социальное окружение	13.1	12.4	14.9	14.8	0.742

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены значимые различия распределений.

Таблица 4

Данные по возрастным группам. Представленность выбора типа ответов в процентах от общего числа респондентов в группе

Фокус высказываний	12–13 лет	14–15 лет	16–17 лет	18–23 года	Вся выборка	Значимость по хи-квадрату
Ребенок	52.8	49.8	56.1	62.5	53.0	0.391
Семья	48.1	37.2	28.6	8.3	34.5	<0.001
Социальное окружение	8.5	14.1	15.2	29.2	14.1	0.058

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены значимые различия распределений, курсивом — значимые на уровне тенденции (субзначимые).

Таблица 5

**Данные по полу. Представленность выбора типа ответов в процентах
от общего числа респондентов в группе**

Фокус высказываний	Муж.	Жен.	Вся выборка	Значимость по хи-квадрату
Ребенок	42.6	63.9	53.0	<0.001
Семья	37.3	31.9	34.5	0.169
Социальное окружение	8.3	20.2	14.1	<0.001

Примечание. Полужирным шрифтом обозначены значимые различия распределений.

в принимаемых решениях. Фокус на семье акцентирует сходство и близость членов семьи, значимость преемственности и чувства принадлежности и невысокую роль ребенка в принимаемом решении. Фокус на социальном окружении предполагает, что самые важные факторы, которые следует учитывать при построении будущего, лежат в обществе, вне ребенка и семейного контекста. Обсуждая полученные результаты, мы не можем быть уверенными в том, что родители действительно транслируют подобные предписания, скорее речь идет о том, что подростки оказываются чувствительны к таким посланиям. Одним из ограничений исследования является участие маленькой группы студентов, однако их включение в проект позволило обнаружить интересную возрастную динамику в типах воспринимаемых родительских посланий, которая нуждается в дальнейшем исследовании.

Заключение

У всех типов высказываний есть достоинства и ограничения. Когда эти предписания комбинируются, у подростка появляется хотя бы отчасти объемное видение разных аспектов совершаемого

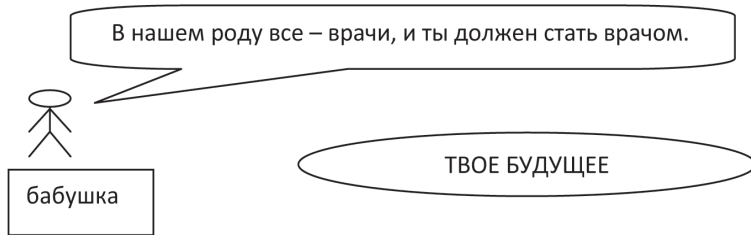
выбора, и он может сравнивать фокусы высказываний, системы аргументов, эмоциональную окраску высказываний и другие характеристики. В то же время, в соответствии с нашими данными, подростки в среднем упоминают меньше двух различных высказываний, что указывает на некоторую дефицитарность неформальных обсуждений с ними их будущего в семье.

На данном этапе мы сознательно не стремились к выделению обширных и немногочисленных категорий родительских высказываний, рассматривая как задачу проблематизацию вопроса о способах и стилистике обсуждения будущего подростков в детско-родительских разговорах. Дробная классификация кажется более полезной с точки зрения узнавания кейсов и интеграции данных в практическую деятельность по сопровождению семей с подростками: полученные результаты позволяют с точки зрения подростка увидеть спектр разнообразных родительских высказываний. Важнейшей задачей психолого-педагогической работы, адресованной подростку и его социальному окружению, является организация такого обсуждения будущего, в котором бы признавались разнонаправленные ценности и не обесценивался бы ни детский, ни родительский опыт.

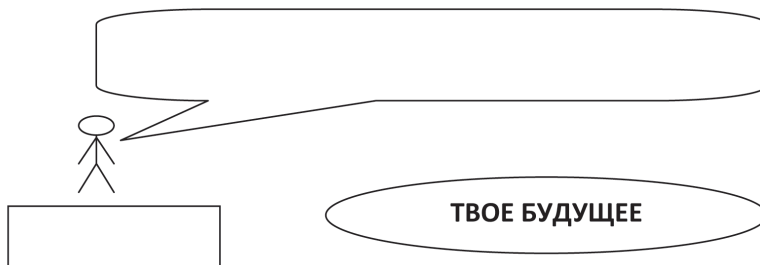
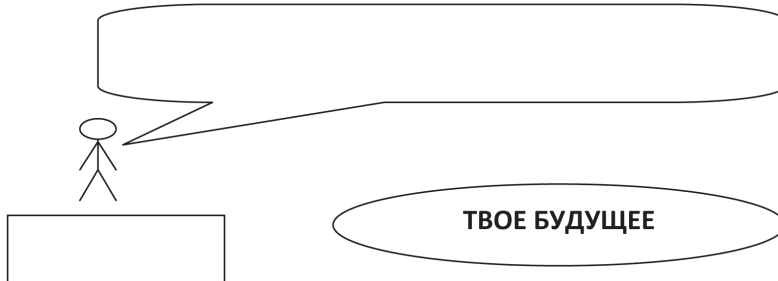
Анкета

Многие ждут от человека в 14–17 лет, что он начнет думать о будущем. Какие идеи о **твоем** будущем есть у твоего окружения?

Пример заполнения:

Твой вариант (если двух рисунков недостаточно – дорисуй на обороте):

ЛИТЕРАТУРА

1. Байтингер О.Е. Психологические детерминанты переживания будущего как проблемы в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 17 с.

2. *Барбанова В.В., Зеленова М.Е.* Представление студентов о будущем как аспект их личностного и профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 28–41.
3. *Белоногова Е.В.* Родительские экспектации в отношении подростков с ДЦП // Инклюзивное образование: методология, практика, технологии / Под ред. О.Н. Ертановой, М.М. Гордон. М.: МГППУ, 2011. С. 95–97.
4. *Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д.* Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 31–38.
5. *Демина И.А.* Изучение жизненных перспектив старшеклассников в контексте субъективной картины жизненного пути: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 24 с.
6. *Жилинская А.В.* Развитие целеполагания у старших подростков (на материале проектной деятельности): Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГППУ, 2015. 180 с.
7. *Жилинская А.В., Бочавер А.А.* Три подхода к изучению построения подростками траектории жизненного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 19. № 1. С. 36–45.
8. *Захарова И.В.* Психологические аспекты воспитательных воздействий в семье: системный подход // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 2. С. 196–201.
9. *Кузнецова О.В.* Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 5–15.
10. *Леонтьев Д.А.* О времени: иллюзия ответов // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. Т. 4. № 1. С. 113–118.
11. *Леонтьев Д.А., Сулимина О.В., Бастракова А.С.* Траектории личностного развития у подростков, воспитывающихся в семье, и подростков-сирот // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 30–48.
12. *Ткаченко Е.И.* Психологическая помощь старшекласснику в прогнозировании основных этапов жизненного пути: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Армавир: Северо-Кавказский гос. техн. ун-т, 2002. 20 с.
13. *Толстых Н.Н.* Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70–78.
14. *Толстых Н.Н.* Психологическая технология развития временной перспективы и личностной организации времени // Активные методы в работе школьного психолога / Под ред. И.В. Дубровиной. Киров: «ЭНИОМ», 1991. С. 62–73.
15. *Толстых Н.Н., Кондратьев М.Д.* Особенности интенциональности личности разностатусных подростков // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 90–104.
16. *Хломов К.Д.* Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208
17. *Galambos N.L., Barker E.T., Almeida D.M.* Parents do matter: Trajectories of change in externalizing and internalizing problems in early adolescence // Child development. 2003. Vol. 74 (2). P. 578–594.
18. *Kagitcibasi C., Ataca B.* Value of Children and Family Change: A Three-Decade Portrait From Turkey // Applied psychology: An international review. 2005. Vol. 54 (3). P. 317–337.

19. Lu W. Adolescent Depression: National Trends, Risk Factors, and Healthcare Disparities // American journal of health behavior. 2019. Vol. 43 (1). P. 181–194.
20. Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning // Developmental Review. 1991. Vol. 11 (1). P. 1–59.
21. Schmitt-Rodermund E., Schröder E. Antecedents and consequences of adolescents' motivations to join the family business // Journal of Vocational Behavior. 2013. Vol. 83 (3). P. 476–485.
22. Trommsdorff G., Nauck B. Introduction to Special Section for Journal of Cross-Cultural Psychology: Value of Children: A Concept for Better Understanding Cross-Cultural Variations in Fertility Behavior and Intergenerational Relationships // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. Vol. 41 (5-6). P. 637–651. doi: 10.1177/0022022110373335

How do adolescents hear their parents' advice about the future?

A.A. BOCHAVER*,
NRU HSE, Moscow, Russia,
a-bochaver@yandex.ru

K.D. KHLOMOV**,
RANEPa, Moscow, Russia,
kirkhlomov@gmail.com

A.A. KORNEEV***,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia, korneff@gmail.com

A.V. ZHILINSKAYA****,
University School, Moscow, Russia,
alisez@yandex.ru

The theme of designing the future corresponds to the age tasks of older adolescents, but becomes a source of tension in families long before the children finish school. When children reach adolescence, communication is rebuilt in families, and dialogue between

For citation:

Bochaver A.A., Khlomov K.D., Korneev A.A., Zhilinskaya A.V. How do adolescents hear their parents' advice about the future? *Sotsial'naiia psikhologīia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 157–174. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100212

* *Bochaver Alexandra A.* — PhD in Psychology, Researcher, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, a-bochaver@yandex.ru

** *Khlomov Kirill D.* — PhD in Psychology, Chief of the psychological health department, Senior researcher, cognitive investigation laboratory, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public administration, Moscow, Russia, kyrill@rambler.ru

*** *Korneev Aleksei A.* — PhD in Psychology, Senior researcher associate, Laboratory of neuropsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, korneff@gmail.com

**** *Zhilinskaya Alisa V.* — PhD in Psychology, Psychologist, University School, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, alisez@yandex.ru

children and parents is often difficult. The article discusses the features of what parental statements about the future of adolescents sound in the presentation of adolescents themselves. There are described 20 typical forms of statements about the future faced by modern adolescents from their relatives, that have a different focuses – on the child, on his/her family and on the social environment. Their advantages and disadvantages and possible psychological effects are analyzed; the representation of categories of statements in groups of adolescents of different age and sex and students in different organizations is compared. The necessity of organization of constructive discussions of the future between the teenager and his social environment is proved.

Keywords: adolescence, future design, professional choice, statement, parental order, discussion of the future, generation, parent-child relationship.

REFERENCES

1. Bajtinger O.E. Psihologicheskie determinanty perezhivaniya budushchego kak problema v yunosheskom vozraste. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [Psychological determinants of the experience of the future as a problem in youth. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg., 1998. 17 p.
2. Barabanova V.V., Zelenova M.E. Predstavlenie studentov o budushchem kak aspekt ih lichnostnogo i professional'nogo samoopredeleniya [Students' future representation as an aspect of their personal and professional self-determination]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2002, no. 2, pp. 28–41.
3. Belonogova E.V. Roditel'skie ehkspektacii v otnoshenii podrostkov s DCP [Parents' expectations towards the adolescents with ICP]. In Ertanova O.N., Gordon M.M. (eds.) *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologii [Inclusive education: methodology, practice, technics]*. Moscow, MSUPE, pp. 95–97.
4. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiiia [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 31–38. doi:10.17759/jmfp.2016050204. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Demina I.A. Izuchenie zhiznennykh perspektiv starsheklassnikov v kontekste sub"ektivnoj kartiny zhiznennogo puti. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [The study of the high-school students' life prospects in the context of the subjective image of the life span. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1997. 24 p.
6. Zhilinskaya A.V. Razvitie celepolaganiya u starshih podrostkov (na materiale proektnoj deyatel'nosti. Diss. kand. psikhol. nauk [The goal-setting development among older adolescents (on the project activity example). PhD (Psychology) diss.]. Moscow, MSUPE, 2015. 180 p.
7. Zhilinskaya A.V., Bochaver A.A. Tri podhoda k izucheniyu postroeniya podrostkami traektorii zhiznennogo puti [Three approaches to the adolescents' life course designing research]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 2018. Vol. 19, no. 1, pp. 36–45.
8. Zakharova I.V. Psihologicheskie aspekty vospitatel'nykh vozdeystvij v sem'e: sistemnyj podhod [Psychological aspects of the pedagogical interventions in the family: system approach]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya:*

psihologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2009, no. 2, pp. 196–201.

9. Kuznecova O.V. Time Perspective in Personal and Professional Self-Determination in Adolescents. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2007. no. 3, pp. 5–15. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Leont'ev D.A. O vremeni: illyuziya otvetov [About the time: An illusion of the answers]. *EHkzistencial'naya tradiciya: filosofiya, psihologiya, psihoterapiya [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy]*, 2004 (4), no. 1, pp. 113–118.

11. Leont'ev D.A., Sulimina O.V., Bastrakova A.S. Traektorii lichnostnogo razvitiya u podrostkov, vospityvayushchihsya v sem'e, i podrostkov-sirot [The personal development trajectories in the adolescents raising in the families and in the orphanage]. *Voprosy psihologii*, 2014, no. 4, pp. 30–48.

12. Tkachenko E.I. Psihologicheskaya pomoshch' starsheklassniku v prognozirovanii osnovnyh etapov zhiznennogo puti. Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [Psychological aid to the high-school student in forecasting of the main life stages. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Armavir, Severo-Kavkazskij gos. tekhn. un-t, 2002. 20 p.

13. Tolstykh N.N. Adolescents and their parents: what are the values and what do they want today? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2012. no. 4, pp. 70–78. (In Russ., abstr. in Engl.)

14. Tolstykh N.N. Psihotekhnologiya razvitiya vremennoj perspektivy i lichnostnoj organizacii vremeni [Psychotechnic of the time perspective and personal time organization development]. In I.V. Dubrovina (eds.). *Aktual'nye metody v rabote shkol'nogo psihologa [Actual methods in the school psychologist's work]*, Moscow, 1991, pp. 62–73.

15. Tolstykh N.N., Kondratyev M.D. Features of Intentionality in Adolescents of Different Statuses. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 90–104. (In Russ., abstr. in Engl.)

16. Khlomov K.D. Social risks in the context of individual life paths of contemporary teenagers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208. (In Russ., abstr. in Engl.)

17. Galambos N.L., Barker E.T., Almeida D.M. Parents do matter: Trajectories of change in externalizing and internalizing problems in early adolescence. *Child development*, 2003. Vol. 74 (2), pp. 578–594.

18. Kagitcibasi C., Ataca B. Value of Children and Family Change: A Three-Decade Portrait From Turkey. *Applied psychology: An international review*, 2005. Vol. 54 (3), pp. 317–337.

19. Lu W. Adolescent Depression: National Trends, Risk Factors, and Healthcare Disparities. *American journal of health behavior*, 2019. Vol. 43 (1), pp. 181–194.

20. Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning. *Developmental Review*, 1991. Vol. 11 (1), pp. 1–59.

21. Schmitt-Rodermund E., Schröder E. Antecedents and consequences of adolescents' motivations to join the family business. *Journal of Vocational Behavior*, 2013. Vol. 83(3), pp. 476–485.

22. Trommsdorff G., Nauck B. Introduction to Special Section for Journal of Cross-Cultural Psychology: Value of Children: A Concept for Better Understanding Cross-Cultural Variations in Fertility Behavior and Intergenerational Relationships. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2010. Vol. 41 (5–6), pp. 637–651. doi: 10.1177/0022022110373335

Психологическое сопровождение интеллектуально успешных подростков с разным интрагрупповым статусом

М.Д. КОНДРАТЬЕВ*,
ГБОУ Школа № 1241, Москва, Россия,
mdkondr@gmail.com

В статье приводятся данные исследования социально-психологических и личностных характеристик интеллектуально успешных подростков с различным интрагрупповым статусом и рекомендации по их психологическому сопровождению. Под интеллектуально успешными подростками понимаются подростки, показавшие высокие результаты при участии в интеллектуальных олимпиадах и конкурсах. В качестве показателя интрагруппового статуса используется интегральный статус индивида в контактном сообществе (школьном классе). Исследовались такие характеристики, как временная ориентация (опросник временной перспективы (ZTPI) Ф. Зимбардо), временная перспектива будущего (метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Нюттена), направленность личности (ориентационный опросник Б. Басса), социальные представления об успешности (метод П. Вержеса). Показано, что интеллектуально успешные подростки с разным интрагрупповым статусом отличаются спецификой социально-психологических и личностных характеристик. В статье приводятся рекомендации для широкого круга специалистов, работающих с подростками.

Ключевые слова: *интеллектуально успешные подростки, интрагрупповой статус, интенциональность, психологическое сопровождение.*

Введение

Интеллектуально успешные подростки — это подростки, добивающиеся высоких результатов при участии в интеллектуальных конкурсах и олимпиадах. Именно с этой группой связаны надежды

современного общества, поскольку сегодняшние подростки станут активными строителями будущего. Они также получают поддержку со стороны государства.

Требования педагогической практики диктуют необходимость продолжать изучение проблем, связанных с особы-

Для цитаты:

Кондратьев М.Д. Психологическое сопровождение интеллектуально успешных подростков с разным интрагрупповым статусом // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 175–183. doi:10.17759/sps.2019100213

* Кондратьев Михаил Дмитриевич — педагог-психолог, ГБОУ Школа № 1241, Москва, Россия, mdkondr@gmail.com

ми образовательными потребностями и спецификой личности одаренных, высокомотивированных, показывающих выдающиеся результаты обучающихся [8]. И выделение успешных школьников в логике фиксации уже проявленных достижений формирует группу интеллектуально успешных подростков, весьма неоднородную по своему составу.

Вопрос о реализации в будущем интеллектуально успешными подростками их интеллектуального и творческого потенциала является крайне важным для современного общества, и поэтому сопровождение подростков из этой группы на базе образовательных организаций становится одним из приоритетных направлений работы психолога-практика. В свою очередь, это требует всестороннего изучения социально-психологических и личностных особенностей интеллектуально успешных подростков.

Эмпирическое исследование

Исследование проводилось в 2015–2018 годах и на первом этапе включало последовательное изучение социально-психологических и личностных характеристик как интеллектуально успешных подростков, так и их сверстников, не имеющих высоких интеллектуальных достижений. Результаты, полученные в ходе первого этапа, представлены в опубликованных ранее работах [2; 3; 7].

Второй этап исследования посвящен сравнительному анализу социально-психологических и личностных характеристик интеллектуально успешных подростков с различным интрагрупповым статусом.

Методический инструментарий исследования представлен несколькими

блоками. Первый блок включает социально-психологические инструменты, необходимые для определения интегрального статуса индивида в контактном сообществе: социометрия, референтометрия, методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти, методика определения степени ценностно-ориентационного единства группы (М.Ю. Кондратьев) [4]. Анализ личностных особенностей строится на изучении двух компонентов интенциональности личности — темпорального и содержательного. Здесь используются опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) [1], метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (ММИ) [6], ориентационный опросник Б. Басса (направленность личности) [5], метод выявления структуры социальных представлений П. Вержеса [9], контент-анализ сочинений участников исследования. Для повышения надежности полученных интерпретаций использовался метод фокус-групп, в ходе применения которого участники исследования подробно раскрывали содержание своих представлений о жизненных планах, будущем, успехе.

Участниками исследования были школьники, обучающиеся в 9–10 классах общеобразовательных школ города Москвы, всего 573 подростка, из них интеллектуально успешными являлись 305 человек.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе первого этапа исследования установлено, что интеллектуально успешные подростки по всем исследованным характеристикам интенциональности

(особенности содержательных и темпоральных характеристик временной перспективы, временных ориентаций, направленности личности) отличаются от своих сверстников, не имеющих высоких интеллектуальных достижений [2; 3]. Также группа интеллектуально успешных подростков выделяется спецификой социальных представлений об успешности: их социальные представления связывают будущую успешность, в первую очередь, с собственной учебной и профессиональной активностью, а не с удачей и внешними обстоятельствами [3].

В дальнейшем участники исследования, отнесенные ранее к группе интеллектуально успешных, были распределены на подгруппы в соответствии с их интегральным статусом. Установлено, что интеллектуально успешные подростки, находящиеся в типичной межличностной ситуации развития (обычный класс общеобразовательной школы), могут иметь разный интегральный интрагрупповой статус. Согласно полученным в исследовании данным, 21% интеллектуально успешных подростков имеет высокий интегральный статус, 72% — средний, 7% — низкий. Это означает, что интеллектуальная успешность сама по себе не гарантирует подростку той или иной статусной позиции в системе отношений межличностной значимости, когда речь идет о типичной для большинства образовательных организаций ситуации (в классе интеллектуально успешными являются от 20% до 80% обучающихся).

Установлено также, что интеллектуально успешные подростки с различным интегральным статусом обладают специфической интенциональностью, проявляющейся в направленности личности и в особенностях временной перспективы и временных ориентаций. Высокостатус-

ные и среднестатусные интеллектуально успешные подростки, в отличие от низкостатусных, занимают по отношению к своей настоящей и будущей жизни позицию, которую можно охарактеризовать как субъектную: они строят планы на будущее, связывают свою успешность с учебной и профессиональной активностью, характеризуются наличием временной компетентности (умение связывать текущую активность с будущей успешностью) и имеют более выраженную деловую направленность личности.

В то же время низкостатусные интеллектуально успешные подростки характеризуются низкой временной компетентностью и другими особенностями интенциональности, которые ставят под сомнение успешность реализации ими своего интеллектуального и творческого потенциала. Так, возникающие у них коммуникативные трудности они склонны объяснять недостатками партнеров по взаимодействию, а собственную недостаточную коммуникативную компетентность они планируют компенсировать профессиональной компетентностью. В современном мире, где любая профессиональная деятельность предполагает взаимодействие с другими, в том числе в ходе командной и групповой работы, подобная позиция может затруднять реализацию подростком его потенциала.

С нашей точки зрения, вышеописанные данные, полученные в результате эмпирического исследования, приводят к выводу о целесообразности выстраивания системы психологического сопровождения через работу с интенциональностью личности. Например, школьник, понимающий и принимающий, *каким* врачом и *почему* он хочет быть, добьется и в школьном обучении (краткосрочная перспектива), и в профессиональной самореализации (долгосроч-

ная перспектива) сравнительно больших результатов, чем школьник, который только «хорошо знает» биологию и химию в рамках школьной программы. Более того, понимание и принятие специфики современного мира, где любая деятельность просто немыслима без сотрудничества с другими людьми, в совокупности с развитием коммуникативных навыков в период школьного обучения серьезно повышают шансы сегодняшнего подростка добиться успеха в будущем.

Таким образом, для успешной интеграции в общество и сопутствующей реализации интеллектуального и творческого потенциала подросткам важна успешность не только в сфере интеллектуальных олимпиад и конкурсов, но и в сфере социального взаимодействия. Психологическое сопровождение интеллектуально успешных подростков на базе общеобразовательных организаций должно строиться с учетом их социально-психологических и личностных особенностей.

Практические рекомендации

На основании полученных данных сформулирован *набор характеристик* интеллектуально успешного подростка, который, на наш взгляд, может выступить ориентиром в работе специалистов-практиков. *Общая характеристика*: направленность в будущее, способность ставить цели и находить пути их достижения, субъектная позиция по отношению к событиям жизни, стремление к взаимодействию с другими людьми в логике сотрудничества и осознание его ценности, готовность к продолжению образования в течение всей жизни. *Временная ориентация*: умеренная ориентация на негативное и позитивное прошлое, вы-

сокая — на гедонистическое настоящее и будущее, низкая — на фаталистическое настоящее. *Временная перспектива будущего* представлена объектами, связанными с профессиональной самореализацией, творчеством, достижениями, просоциальной активностью; жизненные планы выходят за пределы школьного обучения, выражена временная компетентность. *Направленность личности*: высокая выраженность деловой направленности (на задачу). *Социальные представления об успешности*: деньги выступают следствием достижения успеха, удача — возможным его компонентом, работа предполагает управленческую и творческую деятельность; крайне важна профессиональная самореализация.

Общие принципы психологического сопровождения интеллектуально успешных подростков сформулированы нами следующим образом:

В основе психологического сопровождения интеллектуально успешных подростков должна лежать работа с образом будущего как источником мотивации в сегодняшней активности («кем и каким быть?»).

Работа, направленная на развитие способностей или развитие личности интеллектуально успешных подростков, должна строиться на изменении характеристик интенциональности, а не на тренировке отдельных навыков.

Необходимо учитывать не только факт наличия у подростка достижений на интеллектуальных олимпиадах и конкурсах, но и ту межличностную ситуацию развития, в которой он находится.

Работа, направленная на изменение характеристик интенциональности, должна вестись совместно со значимыми для подростка взрослыми, в том числе — педагогами, членами семьи.

Классы, где интеллектуально успешных подростков менее 20% или более 80%, требуют особого внимания и постоянного контроля социально-психологического климата и других характеристик.

Описанный механизм анализа особенностей интенциональности может быть использован в качестве диагностического при выявлении потенциально интеллектуально успешных подростков. В дальнейшем необходимо определить, какие обстоятельства препятствуют реализации подростком его интеллектуального и творческого потенциала. Он также может быть использован для отслеживания динамики и контроля качества проводимой работы.

На основании полученных результатов нами также сформулированы рекомендации по работе с интеллектуально успешными подростками с различным интрагрупповым статусом.

Психологическое сопровождение *высокостатусных и среднестатусных* интеллектуально успешных подростков должно включать несколько важных компонентов. В первую очередь — это создание условий для профессионального и личностного самоопределения подростка через решение задач реальной практики. Важным также является создание ситуаций, в которых интеллектуально успешные подростки решают такие задачи в ходе командной работы. Целесообразно при этом предусмотреть смену командных ролей так, чтобы подросток, участвующий в различных проектах, попробовал себя на разных позициях. Часто высокостатусные подростки в своих жизненных планах отдают приоритет управленческой работе, и опыт взаимодействия, полученный в разных ролевых позициях, поможет им принять решение осознанно.

Второй важный компонент — наличие значимого взрослого (педагога, наставника, тьютора), взаимодействие с которым служит источником развития для интеллектуально успешного подростка. Речь идет не только о развитии компетенций, но и о развитии личности, и здесь важную роль играют беседы и рефлексивные отчеты. Фигура значимого взрослого является ключевой для формирования образа будущего интеллектуально успешного подростка и построения им жизненных планов. Формат такого сопровождения подбирается индивидуально. По опыту работы, наиболее популярным форматом являются регулярные встречи в режиме «ученик — наставник» на фоне продолжительной работы над проектом или проектами. Важным для интеллектуально успешного подростка является посредничество наставника между ним и выбранным профессиональным сообществом. В свою очередь, наставник в режиме реального времени может отслеживать изменения, происходящие с подростком, и оперативно на них реагировать.

Третье направление психологического сопровождения интеллектуально успешных подростков заключается в создании особой образовательной среды, в которой поддерживаются ключевые для них черты: ценность образования, профессионализм, инициативность, готовность и способность к сотрудничеству. Решение этой задачи возможно через создание сообщества, включающего как интеллектуально успешных подростков, так и специалистов, работающих с ними. Опыт создания такого сообщества показывает, что со временем оно превращается в референтную группу, которая служит ресурсом для развития ее участников. Более того, при определен-

ных условиях эта группа может рассматриваться как инструмент управления развитием. Начать работу такой группы целесообразно с создания возможности свободного общения между ее участниками, а в дальнейшем она может приобрести различные форматы работы, например, тренинги или семинары. Ключевым условием эффективного функционирования является регулярный контакт между ее участниками, как очный (регулярные встречи), так и дистанционный (целесообразно использовать мессенджеры). Специалист-психолог здесь может выступать в качестве управляющего развитием самой группы.

Соблюдение вышеперечисленных условий создает возможности для профессионального и личностного самоопределения высокостатусных и среднестатусных интеллектуально успешных подростков, что повышает вероятность успешной реализации ими интеллектуального и творческого потенциала в будущем.

Психологическое сопровождение *низкостатусных интеллектуально успешных подростков* является задачей, связанной с целым рядом проблем. Так, низкостатусные подростки (в отличие от представителей предыдущих групп) в большинстве случаев не заинтересованы в реальном сотрудничестве со специалистами. Это может выражаться как в немотивированном отказе от сотрудничества со специалистом, так и в формальной имитации такого сотрудничества при отсутствии реальной динамики в активности. Некоторые подростки из этой группы признают наличие у них актуальных затруднений, однако причиной этих затруднений считают некомпетентность других участников взаимодействия. Также среди представителей этой группы встречается установка, характеризующая возможность

компенсации низкой коммуникативной компетентности высоким профессионализмом. Все вышеперечисленное только подчеркивает сделанный ранее вывод: в основе психологического сопровождения интеллектуально успешных подростков, в особенности — низкостатусных, должна находиться работа с мотивацией.

В первую очередь, каждый конкретный случай имеет смысл рассматривать индивидуально и максимально подробно. Это позволит выявить причины возникающих у подростка затруднений и продумать возможные пути их реализации. В случае, если он активно идет на контакт и готов реально сотрудничать со специалистом, в фокусе внимания психолога-практика должен оказаться образ будущего такого подростка. Включение в него реального профессионализма, предполагающего умение и готовность взаимодействовать с другими людьми, создает мотивацию для работы над коммуникативной компетентностью и характеристиками личности интеллектуально успешного подростка с низким интегральным статусом.

Если же речь идет о подростке, не готовом напрямую работать со специалистом, в качестве альтернативного инструмента могут рассматриваться референтная группа и преимущества существующей в связи с ней среды. В практике встречались случаи, когда возможность использовать условия среды выступала в качестве источника мотивации обучаться корректному взаимодействию с участниками сообщества. Это приводило к образованию контактов внутри группы и повышению коммуникативной компетентности. Здесь нельзя не вспомнить тезис А.В. Петровского о том, что именно вхождение индивида в референтную группу служит фактором развития его

личности. Опыт практической работы показывает, что весьма эффективным оказывается управление развитием личности интеллектуально успешного подростка при помощи специально созданной для этого референтной группы.

Таким образом, в основе психологического сопровождения интеллектуально успешных подростков должна лежать работа с мотивацией через построение образа будущего. Наиболее эффективно это происходит при создании и поддержании особой образовательной среды, отвечающей их потребностям. Стоит также учитывать и специфику, характерную для интеллектуально успешных

подростков с различным интрагрупповым статусом. Высоко- и среднестатусные подростки достигают высоких результатов при работе с наставником и запрашивают возможность участия в работе сообщества наравне с педагогами и другими специалистами, а низкостатусные нуждаются в индивидуальном подходе и дополнительном сопровождении. Все вышеперечисленное позволит повысить вероятность реализации в будущем подростками своего интеллектуального и творческого потенциала, что повысит качество жизни и во многом определит облик мира, в котором все мы будем жить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
2. *Кондратьев М.Д.* Особенности временной перспективы одаренных подростков и их сверстников // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 9. № 1. С. 106–114. doi:10.17759/psyedu.2017090111
3. *Кондратьев М.Д.* Социальные представления об успешности подростков с разным интрагрупповым статусом и разным уровнем интеллектуальной успешности // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 116–130. doi:10.17759/sps.2017080208
4. *Кондратьев М.Ю.* Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 125–142.
5. *Неймарк М.С., Толстых Н.Н.* Направленность личности: взгляд из 2012 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 5–13.
6. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
7. *Толстых Н.Н., Кондратьев М.Д.* Особенности интенциональности личности разностатусных подростков // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 90–104.
8. *Юркевич В.С.* Интеллектуальная одаренность и социальное развитие: противоречивая связь [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 28–38. doi:10.17759/jmfp.2018070203
9. *Grize J.-B., Verges P., Silem A.* Salaries face aux nouvelles technologies: Vers une approche sociologique des représentations sociales. Lyon: CNRS, 1987. 223 p.

Problems of Psychological Support of Intellectually Successful Adolescents with Different Intragroup Status

M.D. KONDRATYEV*,
GBOU School №1241, Moscow, Russia,
mdkondr@gmail.com

The article presents research data on the socio-psychological and personal characteristics of intellectually successful adolescents with different intragroup status and recommendations for their psychological support. Intellectually successful adolescents are adolescents who have shown high results in participating in intellectual competitions and contests. The integral status of an individual in a contact community (school class) used as an indicator of intragroup status. Characteristics such as temporal orientation (ZTPI, F. Zimbardo), temporal perspective of the future (J. Nutten) personality orientation (orientation questionnaire, B. Bass), social concepts of success (P. Verges) were investigated. Intellectually successful adolescents with different intragroup status differ in the specifics of socio-psychological and personal characteristics. The article provides recommendations for a wide range of professionals working with adolescents.

Keywords: *intellectually successful adolescents, intragroup status, intentionality, psychological support.*

REFERENCES

1. Zimbardo F., Bojd Dzh. Paradoks vremeni. Novaja psihologija vremeni, kotoraja uluchshit vashu zhizn' [Time paradox. New time psychology that makes your life better]. Saint-Petersburg: Rech', 2010. 352 p.
2. Kondratyev M.D. Features of Time Perspective of Gifted Adolescents and their Peers [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2017. Vol. 9, no. 1, pp. 106–114. doi:10.17759/psyedu.2017090111
3. Kondratyev M.D. Social concepts about the success of teenagers with different intragroup status and different levels of intellectual success. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 116–130. doi:10.17759/sps.2017080208
4. Kondratyev M.Yu. Methodological Algorithm of Integral Intragroup Status Definition in Members of Contact Community. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2014. no. 3, pp. 125–142.

For citation:

Kondratyev M.D. Problems of Psychological Support of Intellectually Successful Adolescents with Different Intragroup Status. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 175–183. doi:10.17759/sps.2019100213

* *Kondratyev Mikhail D.* — psychologist, GBOU School № 1241, Moscow, Russia, mdkondr@gmail.com

5. Neimark M.S., Tolstykh N.N. Napravlennost' lichnosti: vzglyad iz 2012 goda. [Orientation of the personality: view from 2012]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya [Vestnik of St. Petersburg University. Psychology]*, 2013, no. 1, pp. 5–13.
6. Nuttin J. Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushchego. [Motivation, action and time perspective]. Moscow: Smysl, 2004. 608 p.
7. Tolstykh N.N., Kondratyev M.D. Features of Intentionality in Adolescents of Different Statuses. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 90–104.
8. Yurkevich V.S. Intellectual giftedness and social success: an analysis of the contradictory context [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 28–38. doi:10.17759/jmfp.2018070203
9. Grize J.-B., Verges P., Silem A. Salaries face aux nouvelles technologies: Vers une approche sociologique des représentations sociales / Lyon: CNRS, 1987. 223 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
SCIENTIFIC LIFE

**Конференция памяти М.Ю. Кондратьева:
преемственность и инновации**

**О.Б. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
social2003@mail.ru**

Статья представляет собой краткий отчет о прошедшей в мае 2019 года IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Описаны основные мероприятия и результаты конференции. Обозначены перспективные направления современной социальной психологии.

Ключевые слова: *высшее образование, Интернет, консультирование, конференция, студенты, тренинг, социальная психология, социальные сети.*

13–14 мая 2019 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) состоялась IV Ежегодная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», организованная факультетом социальной психологии. Форум привлек внимание широкой аудитории исследователей, ученых и практиков сферы образования, а также коммерческой и социальной сфер. Специалисты, студенты и аспи-

ранты представили результаты научных и прикладных исследований, обсудили актуальные проблемы межгруппового и межличностного взаимодействия в современном обществе.

С каждым годом конференция приобретает новые черты, растет и масштаб этого научного форума: в этом году она объединила свыше двухсот исследователей из городов России, Украины, Беларуси и дальнего зарубежья. Большинство участников представили результаты своих работ в докладах и на страницах

Для цитаты:

Крушельницкая О.Б. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: преемственность и инновации // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 184–188. doi:10.17759/sps.2019100214

* *Крушельницкая Ольга Борисовна* — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, social2003@mail.ru

сборника материалов конференции, опубликованного к ее началу на официальном сайте ФГБОУ ВО МГППУ [1].

С приветственным словом к участникам конференции на пленарном заседании обратилась декан факультета социальной психологии, профессор Т.Ю. Маринова. Ученый, лидер — вот главное, что характеризует М.Ю. Кондратьева, первого декана факультета социальной психологии МГППУ. После выступления Т.Ю. Мариновой состоялся премьерный показ документального фильма о жизни и деятельности Михаила Юрьевича.

Пленарный доклад зав. кафедрой социальной психологии ФГБОУ ВО РГГУ, доктора психологических наук, профессора Т.П. Скрипкиной был посвящен анализу психологических причин преступности несовершеннолетних (напомним, что исследование взаимоотношений и личностных особенностей несовершеннолетних правонарушителей было одним из направлений научной работы М.Ю. Кондратьева). Выполненные Т.П. Скрипкиной и ее учениками исследования показали, что важным возрастным новообразованием старших подростков является становление доверия к себе, которое формируется в условиях доверия со стороны близких взрослых (прежде всего — родителей). Отсутствие или недостаточность доверия, делегируемого близкими взрослыми, может приводить к негативным последствиям, в том числе — к совершению подростком антисоциальных поступков. Несовершеннолетним преступникам, отбывающим наказание в колонии, свойственно снижение меры доверия к себе и к ближайшему социальному окружению. Кроме того, проявляемые ими агрессия и жестокость являются компенсаторными

механизмами повышения ценности собственной личности.

«Памяти друга, с которым мы все начинали» — такой эпиграф выбрали для своего доклада профессор МГППУ, доктор биологических наук А.Н. Камнев и директор коррекционно-развивающего центра «Логодар», кандидат педагогических наук С.А. Макарова. Они рассказали участникам конференции о программе детских оздоровительных лагерей «Отдых и учеба с радостью», которая около двадцати лет назад начала активно развиваться при поддержке факультета социальной психологии, возглавляемого М.Ю. Кондратьевым. Программа адресована детям и молодежи, в том числе лицам с ограниченными возможностями социализации (дети из отдаленных сельских районов; адаптирующиеся к новым социальным условиям юные мигранты; дети с ограниченными возможностями развития или восстанавливающиеся после тяжелой болезни и т.д.).

Традиционно на конференциях памяти М.Ю. Кондратьева выступают его ученики. На этот раз воспоминаниями о личности и профессиональной деятельности своего учителя поделились сотрудники кафедры теоретических основ социальной психологии О.Б. Крушельницкая и М.Н. Расходчиков.

«Круглый стол» на тему «Читая Кондратьева...» позволил его участникам обсудить актуальные направления развития научного наследия Михаила Юрьевича (ведущая — зав. кафедрой психологии управления, профессор А.В. Погодина). Наибольшее внимание было уделено поднятому М.Ю. Кондратьевым на страницах журнала «Скепсис» и до сих пор активно обсуждаемому вопросу о целесообразности внедрения религиозно ориентированных учебных дисциплин

в школьное и вузовское образование. Суть отношения М.Ю. Кондратьева к психологии религий и психологической практике, ограниченной религиозными рамками, изложили А.В. Погодина и кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления МГППУ Т.В. Кочетова.

Дискуссии продолжились в рамках обсуждения докладов, сделанных 13 и 14 мая по направлениям работы конференции: «Актуальные проблемы современной социальной психологии», «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии», «Современные технологии в психологии и образовании», «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере», «Практическая этнопсихология» и «Социальная психология дорожного трафика».

Т.В. Кочетова рассказала о том, в чем М.Ю. Кондратьев видел перспективы психологии дорожного движения как нового исследовательского направления.

В скайп-докладе независимого психолога-консультанта, кандидата психологических наук Л.В. Полежаевой из украинского города Днепр были представлены результаты исследования описанного М.Ю. Кондратьевым эффекта «нисходящей слепоты» применительно к его проявлению в современных учебных, лечебных учреждениях, а также частных и государственных производственных компаниях. При этом «слепота» рассматривается как симптом мутации социальной роли — то есть изменения ее сути при внешнем сохранении формы.

Аспирантка факультета социальной психологии А.Б. Экслер рассказала о результатах выполненного ею совместно с кандидатом психологических наук,

доцентом кафедры теоретических основ социальной психологии В.А. Орловым исследования лидерства в школьных классах с различной учебной мотивацией. На основе полученных данных выявлены специфические особенности структуры лидерства в классах с различной учебной мотивацией.

Большой интерес у слушателей вызвал доклад М.Л. Дидуха, профессора кафедры психологии Николаевского национального университета имени В.О. Сухомлинского (г. Киев, Украина). Он рассказал об исследовании репрезентации базовых архетипов в этническом коллективном бессознательном, обуславливающих особенности восприятия и проживания процесса индивидуации как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Представленный в докладе студентки факультета дистанционного обучения МГППУ Н.В. Жуковой анализ новейших мировых достижений в изучении влияния интернета на детей (работа выполнена совместно с зав. кафедрой психологии и педагогики факультета дистанционного обучения МГППУ, кандидатом педагогических наук Б.Б. Айсмонтасом) показал, что безопасность виртуального пространства может быть обеспечена лишь при условии контролируемого соблюдения его участниками правил информационной «кибергигиены» и кибербезопасности использования цифровых технологий. Следует отметить, что ряд работ, выполненных в свое время под руководством М.Ю. Кондратьева, также был посвящен исследованию характерных черт цифрового поколения. В частности, исследовались особенности отношений межличностной значимости в реальных контактных и в разной степени виртуальных группах.

Тема влияния интернета на детей и подростков была продолжена в докладах зав. кафедрой практической психологии ФГБОУ ВО ВГПУ (г. Воронеж) Т.Л. Худяковой («Взаимосвязь уровня Интернет-аддикции с ценностными и смысловыми ориентациями старшеклассников») и политолога, секретаря-координатора Кавказского геополитического клуба Я.А. Амелиной («Деструктивное влияние социальных сетей на молодежь и несовершеннолетних: обзор тенденций»).

Состоявшийся 14 мая «круглый стол» на тему «Человек в киберпространстве» (ведущий – Т.Ю. Маринова) высветил сразу несколько перспективных направлений психолого-педагогической работы в этой области. О противоречиях социального восприятия интернет-деятельности рассказала аспирантка факультета социальной психологии МГППУ О.В. Зарецкая. Было продолжено обсуждение поднятой Я.А. Амелиной темы деструктивного влияния социальных сетей на подростков и молодежь, а также его профилактики и преодоления. Студенты факультета социальной психологии МГППУ представили свои разработки по темам «Мем как социально-психологическое явление» (Д.О. Бессонов), «Зависимость от социальных сетей и коммуникативные способности активных пользователей интернета» (Д.С. Бахтина и В.Р. Синичкина). Дискуссия «круглого стола» в очередной раз доказала важность участия молодежи в поиске и креативном решении актуальных психологических проблем современного общества.

В рамках конференции прошли мастер-классы, на которых были продемонстрированы социально-психо-

логические технологии повышения эффективности деятельности личности и группы. Так, выпускник факультета социальной психологии МГППУ и ученица М.Ю. Кондратьева, психотерапевт, руководитель танцевально-двигательной мастерской «ТэмоС» Г.С. Романова провела вызвавший большой интерес участников мастер-класс «Гармонизация личности и межличностного взаимодействия средствами танцевально-двигательной терапии».

На мастер-классе преподавателя кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе Вологодского института права и экономики ФСИН России Н.А. Макух можно было ознакомиться с особенностями применения социально-психологических методов коррекции отношения к семье у осужденных женщин.

Новую технологию применения медиации в практике повышения эффективности взаимодействия участников образовательного процесса продемонстрировала на мастер-классе аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет» Н.Б. Тарабарова.

Таким образом, IV Ежегодная научно-практическая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» не только позволила увидеть, как развиваются в наши дни идеи М.Ю. Кондратьева, но и стала средством активного обмена опытом специалистов, которые используют и разрабатывают новые социально-психологические методы решения общественно значимых проблем, развивают и обогащают современную социальную психологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (г. Москва, 13–14 мая 2019 г.) М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. 296 с. URL: <https://mgppu.ru/events/798> (дата обращения: 24.05.2019).

Conference commemorating M.Yu. Kondratyev: continuity and innovation

O.B. KRUSHELNITSKAYA*,
MSUPE, Moscow, Russia,
social2003@mail.ru

The article is a brief report on the 4th Annual Scientific and Practical Conference commemorating M.Yu. Kondratyev “Social psychology: questions of theory and practice”. The main events and results of the conference are described. Designated promising areas of modern social psychology.

Keywords: *higher education, Internet, counseling, conference, students, training, social psychology, social networks.*

REFERENCES

1. Social'naja psihologija: voprosy teorii i praktiki [Jelektronnyj resurs] [Social psychology: questions of theory and practice]. Materialy IV Ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamjati M.Ju. Kondrat'eva (g. Moskva, 13–14 maja 2019 g.) [Proceedings of the IV Annual Scientific Practical Conference in Memory of M.Yu. Kondratyev]. M.: FGBOU VO MGPPU, 2019. 296 p. URL: <https://mgppu.ru/events/798> (Accessed: 24.05.2019).

For citation:

Krushelnitskaya O.B. Conference commemorating M.Yu. Kondratyev: continuity and innovation. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 184–188. doi:10.17759/sps.2019100214

* *Krushelnitskaya Olga B.* – PhD in Psychology, assistant professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, social2003@mail.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Ментальность поколений: научный миф или реальность?
Рецензия на монографию В.И. Пищик «Ментальность поколений
в текущей современности». М.: ИНФРА-М, 2018. 149 с.

М.И. ПОСТНИКОВА*,
ФГАОУ ВО САФУ имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
post-margarita@yandex.ru

В рецензии на книгу В.И. Пищик «Ментальность поколений в текущей современности» представлен анализ интересного и одновременно смелого авторского подхода к проблеме ментальности поколений в современном российском обществе. Дается характеристика читательской аудитории, у которой рецензируемая книга может вызвать научный и житейский интерес. В рецензии обосновывается, почему монографию можно считать заявкой на авторский научный подход к проблеме поколений сквозь призму ментальности и осмысления современности.

Ключевые слова: ментальность, поколения, конструкционистский подход, современное общество, текущая современность, неопределенность, конспиративистская ментальность, кросс-культурное исследование.

Монография В.И. Пищик посвящена проблеме поколений. Уже само название книги с некоторым налетом провокативности привлекает внимание читателя, имеющего очень широкий диапазон интересов, в том числе и научных. Во-первых, книга будет интересна

социальным психологам, так как вносит существенный вклад в понимание поколений как больших социальных групп. А также позволяет по-новому, в рамках иного методологического подхода, с позиции конструкционизма посмотреть на проблему ментальности.

Для цитаты:

Постникова М.И. Ментальность поколений: научный миф или реальность? Рецензия на монографию В.И. Пищик «Ментальность поколений в текущей современности». М.: ИНФРА-М, 2018. 149 с. // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 189–195. doi:10.17759/sps.2019100215

* Постникова Маргарита Игоревна — доктор психологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), Архангельск, Россия, post-margarita@yandex.ru

Во-вторых, в современном российском обществе очень высок интерес к проблеме поколений и отношений между ними. Это, в частности, связано с трагическими событиями в истории страны в XX столетии, которые во многих семьях усложнили поколенческую преемственность, а в некоторых — и вовсе привели к прерыванию поколенческих связей. Стиль изложения рассматриваемой монографии, несмотря на соответствие всем канонам научности, позволяет значительно расширить читательскую аудиторию. И наконец, книга, безусловно, привлечет внимание исследователей, занимающихся поколенческой проблематикой в самых разных областях научного знания.

Проблема поколений привлекает внимание исследователей не одно столетие, а точнее — тысячелетие. Философы древности уже задумывались о роли поколений в понимании и развитии человеческой цивилизации. В частности, Платон сформулировал идеи о поколенческой организации общества. Эти идеи впоследствии развивались в работах философов, этнографов, демографов, культурологов, экономистов и т.д. Многовековой интерес к проблеме поколений позволил ученым еще в девятнадцатом столетии очень четко сформулировать значимость этой проблемы для развития человеческой цивилизации, подчеркивая, что отношения между поколениями — основной показатель «очеловечения», гуманизации общественных отношений, и что человеческое общество существует и развивается благодаря таким отношениям (Дж. Ст. Милль, Л. Фейербах и др.). Эти идеи определили вектор развития проблемы в научном знании по настоящее время. Непреходящий научный ин-

терес представителей разных областей научного знания свидетельствует о ее междисциплинарности и одновременно подчеркивает ее значимость и все возрастающую актуальность.

Современное общество в лице ведущих международных организаций (ЕЭС, ООН, ЮНЕСКО и др.) формулирует запрос на необходимость изучения проблемы поколений и требование их учета при формировании государственной политики. Анализ документов ООН свидетельствует о включении отношений между поколениями в число пятнадцати глобальных проблем современности. ЮНЕСКО содействует реализации программ, направленных на развитие диалога между поколениями в международном масштабе. На международных форумах, проходящих под эгидой этих организаций, приняты программы по поколенческой тематике, которые определяют содержание и векторы развития государственной социальной политики в разных странах по реализации основных положений программных документов международных организаций.

Психологическая наука чутко реагирует на социальный запрос. Поэтому в последние годы в зарубежной и отечественной психологии существенно выросло число исследований по проблеме поколений. Каждый исследователь, соглашаясь с какими-то взглядами своих предшественников и современников, вступает в научные дискуссии с ними по ряду позиций, формулирует свои подходы, тем самым обогащая научное знание о поколениях, способствует его развитию. Исследования различий между поколениями приобретают всемирную популярность. Предложенная Вильямом Штраусом и Нейлом Хоувом теория

поколений открыла новую перспективу для объяснения социально-психологических явлений и процессов [6]. В основе данной теории лежит идея о том, что мировоззрение человека формируется под влиянием социально-исторического контекста того времени, в котором он рос. Зарубежными исследователями отмечается высокая степень резонанса теории поколений с повседневной практикой людей [5].

В отечественной психологии подходы к исследованию проблемы поколений и межпоколенных отношений долгие годы были ориентированы в основном на изучение проблемы «отцов и детей», отношений в семье и психотерапии семьи. И относительно недавно проблема поколений и отношений между ними названа «приоритетным направлением развития психолого-педагогических исследований» [3]. Это актуализировало изучение проблемы в современной отечественной психологии, расширило исследовательское поле и вывело ее исследование на совершенно иной уровень. Поколения стали рассматриваться как большие социальные группы, определяющие содержание и динамику развития общества. Вместе с тем актуальными остаются проблемы дефиниции понятия «поколение»; определение критериев дифференциации представителей разных поколений; разработки методологии, позволяющей разделить эффекты возраста, времени рождения и опыта; межкультурные феномены поколения. В этой связи монография В.И. Пищик, посвященная проблеме ментальности поколений, которую автор в рамках социокультурного подхода определяет как «идеальную форму выражения смыслов, значений и ценностей большой группы, вопло-

щающихся в ее активности в современной реальности» [1, с. 3], приобретает особый смысл, существенно обогащает научную дискуссию по поколенческой проблематике, является научным ответом на острый социальный запрос.

Следует отметить смелость исследователя, так как все понятия, заявленные в названии монографии, не являются устоявшимися в науке, нет единых методологических подходов к определению этих понятий и в рамках психологического научного знания. Автор подчеркивает, что «несмотря на довольно большое количество исследований ментальности, остаются нерешенными ряд проблем — это разноплановость и разнородность, громоздкость определений феномена ментальности; фрагментарность эмпирической операционализации данного явления; разночтения в представлениях о субъектах ментальности; отсутствие достаточного количества валидного диагностического инструментария ее измерения» [1, с. 4]. Таким образом, понятию «ментальность» предстоит еще долгая дорога на пути становления как категории в научном знании.

То же самое можно сказать и о понятии «поколение». Объединяющим эти два понятия является тот факт, что и поколения, и ментальность задаются и формируются в нашем сознании, в представлениях. Это является существенным фактором, усложняющим изучение этих феноменов. Зарубежные исследователи вообще предложили ввести мораторий на исследования, связанные с выделением поколенческих групп и их характеристик ввиду сложности их дефиниции и дифференциации [7]. Пожалуй, впервые в гуманитарных науках так радикально ставится вопрос об

ограничении исследовательских границ в изучении социальных явлений, что также свидетельствует о сложности изучаемых феноменов, неоднозначности подходов к их изучению.

Усложняет задачу исследователя и неустойчивость социального контекста, который автор метафорически называет «текучей современностью». В этой особой современности, главными характеристиками которой являются глобализация, урбанизация, информатизация общества и т.д., трансформируется отношение к религии, «растворяются этносы, в результате чего меняются формы социальности, в частности, социальная идентичность становится множественной, текучей» [1, с. 15]. На основании анализа социального контекста автор делает интересный вывод о том, что в этой новой «социальной реальности людей объединяет культурная репрезентация», т.е. «социальность основывается сегодня не только на совместной деятельности, но и на общих репрезентациях» [1, с. 16].

Все эти сложноопределяемые феномены, вынесенные в заголовок книги, актуализируют вопрос перед ее прочтением — «а не является ли все это, описываемое в тексте, научным мифом?». И дальнейшее знакомство с работой позволяет, на наш взгляд, отбросить слово «миф» и оставить определение «научный». Поскольку автор, основываясь на принципах научности, доказательности, методологической выверенности, раскрывает свой авторский подход к проблеме ментальности поколений в современном российском обществе и, что особенно ценно, подкрепляет теоретические выводы результатами разноплановых экспериментальных исследований.

Проанализировав существующие подходы (кросс-культурный, типологический, структурный, исторический) и их ограниченность в изучении проблемы ментальности в рамках классической рациональности научной психологии, автор делает вывод о необходимости разработки нового методологического подхода в контексте новых тенденций развития психологической науки, обозначенных в векторах новой парадигмы, позволяющих рассматривать социальную психологию «как историю и как современность в рамках неклассической культурно-исторической психологии, как психологию транзитивности и как методологию латентных изменений» [1, с. 4]. Таким новым методологическим подходом, в рамках которого автором представлен развернутый анализ проблемы ментальности современных поколений, стал конструкционистский подход. «Идентификационные признаки поколения в конструкционистском ключе подвижны, неустойчивы, они не передаются по прямой трансмиссии» [2, с. 223]. Это очень важная характеристика поколений, создающая для исследователей серьезные трудности при их изучении. Конструкционистский подход позволяет минимизировать эти трудности, но не ликвидировать их полностью. Впервые поколение представлено не только как большая группа, но и как символический феномен, формируемый в формах культурных презентаций. Грамотная операционализация основных понятий, выполненная в рамках заявленного автором методологического подхода, позволила выстроить логику экспериментальных исследований, обосновать выбор диагностического инструментария.

Особую ценность работы составляют авторские методики изучения ментальности поколений, которые прошли многолетнюю апробацию не только самим автором, но и многими ее коллегами, учениками в разных регионах Российской Федерации. Разработанные автором методики — «Методика измерения типов ментальности» (МИТМ) [1, с. 141] и «Методика измерения веры в заговоры» [1, с. 146] — заняли достойное место в каталоге качественного диагностического инструментария. Их использование позволило получить, в частности, интересные данные о таком интересном феномене, как конспиративистская ментальность. Результаты исследований, выполненных с использованием этих методик, позволили содержательно наполнить понятие «ментальность поколений» в контексте психологического знания, что, в свою очередь, дает возможность вывести изучение проблемы ментальности поколений в современном российском обществе на новый уровень.

Следует отметить результаты кросс-культурных исследований, представленные в четвертой главе монографии. Этот факт также позволяет поставить

рецензируемую монографию в особый ряд. Требования к проведению кросс-культурных исследований, трудности, с которыми сталкивается любой ученый при организации и проведении такого рода экспериментальной работы, повышают ценность книги, в которой представлены ее результаты.

Знакомство с монографией В.И. Пищик позволяет сделать вывод о том, что задача, которую автор поставила перед собой [1, с. 5], ею вполне достойно решена. Стоит отметить, однако, что это только промежуточный этап в изучении ментальности поколений. А «текущая современность», изменяясь и трансформируясь, ставит новые задачи, обозначает парадоксы человеческой ментальности. Они связаны с тем, что в нашу жизнь вошло понятие «расширенной», «увеличенной» или «дополненной» реальности (augmented reality), в частности, обозначая реальность, дополненную виртуальными элементами [4]. Следовательно, перед современными исследователями и, надеемся, перед автором рецензируемой монографии уже стоят новые исследовательские задачи, требующие не меньшей научной смелости и амбициозности в их изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пищик В.И.* Ментальность поколений в текущей современности. М.: ИНФРА-М, 2018. 149 с.
2. *Пищик В.И.* Типологические и идентификационные признаки поколений // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 215–236. doi: 10.21702/grj.2018.2.9
3. *Фельдштейн Д.И.* Приоритетные направления развития психолого-педагогических исследований // Бюллетень Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования РФ. 2005. № 6. С. 1–11.
4. *Этштейн М.Н.* От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
5. *Dam M.J., Noben C.Y., Higgins M.* Bridging generation gaps in medical education: a “light bulb moment” at the Association for Medical Education in Europe annual

conference in Barcelona // *Medical teacher*. 2017. Vol. 39 (11). P. 1195–1196. doi: 10.1080/0142159X.2017.1288865

6. *Howe N., Strauss W.* Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York, 1991. 538 p.

7. *Rudolph C.W., Rawvola R.S., Zacher H.* Leadership and generations at work: A critical review // *The Leadership Quarterly*. 2018. Vol. 29. P. 44–57. doi:10.1016/j.leaqua.2017.09.004

Mentality of generations: scientific myth or reality?

Review of the book by V.I. Pishchik «The Mentality of Generations in the fluid Modernity». M.: INFRA-M, 2018. 149 p.

M.I. POSTNIKOVA*,

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia,
post-margarita@yandex.ru*

The review of the book “The Mentality of Generations in the fluid Modernity” written by V.I. Pishchik provides an analysis of an interesting, and at the same time courageous author’s approach to the problem of generational mentality in modern Russian society. It gives the characteristics of the readership for whom the reviewed book can be of scientific and worldly interest. The reviewer proves that the monograph can be considered as author’s scientific approach to the problem of generations from the perspective of mentality and understanding of modernity.

Keywords: *mentality, generations, construction paradigm, modern society, fluid modernity, uncertainty, conspiratorial mentality, cross-cultural study.*

REFERENCES

1. Pishchik V.I. Mental'nost` pokolenij v tekucej sovremennosti [The Mentality of Generations in the fluid Modernity]. Moscow: INFRA-M, 2018. 149 p. (In Russ.).
2. Pishchik V.I. Tipologicheskie i identifikacionny`e priznaki pokolenij [Typological and identificational attributes of generations]. *Rossiiskij psixologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2018. Vol. 15, no. 2, pp. 215–36. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.21702/rpj.2018.2.9

For citation:

Postnikova M.I. Mentality of generations: scientific myth or reality? *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 189–195. doi:10.17759/sps.2019100215

* *Postnikova Margarita I.* – Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, post-margarita@yandex.ru

3. Fel'dshtejn D.I. Prioritetny`e napravleniya razvitiya psixologo-pedagogicheskix issledovanij [Priority areas for the development of psychological and pedagogical research]. *Byulleten` Vy'sshej Attestacionnoj Komissii Ministerstva obrazovaniya RF* [Bulletin of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation], 2005, no. 6, pp. 1–11. (In Russ.).
4. E`pshtejn M.N. Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarny`e nauki mogut izmenyat` mir. [From knowledge to creativity. How can the humanities change the world]. Moscow; St.Petersburg: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2016. 480 p. (In Russ.).
5. Dam M.J., Noben C.Y. & Higgins M. Bridging generation gaps in medical education: a “light bulb moment” at the Association for Medical Education in Europe annual conference in Barcelona. *Medical teacher*, 2017. Vol. 39 (11), pp. 1195–1196. doi: 10.1080/0142159X.2017.1288865
6. Howe N. & Strauss W. Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York (NY), 1991. 538 p.
7. Rudolph C.W., Rauvola R.S., Zacher H. Leadership and generations at work: A critical review. *The Leadership Quarterly*, 2018. Vol. 29, pp. 44–57. doi:10.1016/j.leaqua.2017.09.004

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *А.А. Кошкина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *А.А. Koshkina*

Maker-up *М.А. Baskakova*